

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ВЕСТНИК

**РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (РИНХ)**

№ 3 (63), СЕНТЯБРЬ, 2018

V E S T N I K

OF ROSTOV STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS (RINH)

№ 3 (63), SEPTEMBER, 2018

**РОСТОВ-НА-ДОНУ
2018**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (РИНХ)

№ 3 (63), СЕНТЯБРЬ, 2018

Научно-практический журнал.
Издается с 1996 года.
Периодичность — 4 номера в год.
№ 3 (63), 2018

Журнал «Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)» включен в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list).

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия от 14.10.2005 ПИ № ФС77-22006.

Подписной индекс 94061 (на год)
в каталоге «Пресса России»
или на сайте www.arpk.org.

Международный стандартный номер
серийного издания:
ISSN 1991-0533

Адрес редакции журнала:
344002, Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 69, к. 337.
Тел. (863) 237-02-75.
E-mail: vestnik.rsue@mail.ru

© Ростовский государственный
экономический университет
(РИНХ), 2018

Главный редактор
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

Альбеков Адам Умарович

Заместитель главного редактора
доктор экономических наук, профессор
Вовченко Наталья Геннадьевна

Ответственный секретарь
доктор экономических наук, доцент
Пархоменко Татьяна Валерьевна

Рукописи представляются в редакцию в электронном виде (на диске или по электронной почте vestnik.rsue@mail.ru). Редакция в обязательном порядке осуществляет экспертную оценку (рецензирование, научное и стилистическое редактирование) всех материалов, публикуемых в журнале.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://rsue.ru/podrazdelenie.aspx?id=702>.

Мнение редакции и членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикации.

Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов.

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF RUSSIAN FEDERATION

VESTNIK

OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY OF ECONOMICS (RINH)

№ 3 (63), SEPTEMBER, 2018

Scientifically-practical journal.
First published in 1996.
Periodical — 4 issues per year.
№ 3 (63), 2018

Journal «Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH)» is included in «List of Russian peer-reviewed scientific journals, which should be published by major scientific results of theses for degree of doctor and candidate of sciences» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list).

Edition is registered in Federal service of control for keeping legitimation in sphere of mass communication and defence of heritage since the 14.10.2005 PI № FS77–22006.

Index 94061 (for one year)
in catalog «The Russian Press»
or online at www.arpk.org.

International Standard Serial Number:
ISSN 1991–0533

Publishing address of the journal:
344002, Rostov-on-Don,
B. Sadovaya st., 69, room 337.
Tel. (863) 237–02–75.
E-mail: vestnik.rsue@mail.ru

© Rostov State
University of Economics
(RINH), 2018

Editor-in-Chief

Honored Worker of Science
of Russian Federation,
Ph. D. in Economics, professor

Albekov Adam Umarovich

Deputy Editor-in-Chief

Ph. D. in Economics, professor

Vovchenko Natalia Gennadievna

Executive Secretary

Ph. D. in Economics, associate professor

Parkhomenko Tatiana Valerievna

Received manuscripts available in electronic form (on disk or by e-mail: vestnik.rsue@mail.ru). Editorial compulsorily provides expert assessment (peer review, scientific and stylistic editing) of all materials published in journal.

Review the requirements for materials on site of journal: <http://rsue.ru/podrazdelenie.aspx?id=702>.

Opinion of editorial and board members do not necessarily reflect the views of the authors of the publication.

Responsibility for content of publications and reliability of facts carried by authors of materials.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ И РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Де Ла Роберти Катерин Сарландин** — ректор, руководитель набора S2IE «Международная стратегия и экономическая безопасность», директор лаборатории SEE, профессор факультета Управления и экономики предприятия, Парижский университет Сорбонны Пантеона I, Париж, Франция.
- Ханаппи Харди** — д. э. н., профессор Экономического факультета Венского технического университета, Австрия.
- Глушек Ярослав** — кандидат наук, почетный доктор, профессор, ректор Университета имени Грегора Менделя, г. Брно (Чешская Республика)
- Таше Иллеана** — д. э. н., профессор, факультет экономических наук, Трансильванский университет, г. Брашов, Румыния.
- Рупейка-Апога Рамона** — д. э. н., профессор кафедры финансов и бухгалтерского учета факультета бизнеса, управления и экономики Университета Латвии, Латвия.
- Талассинос Элифтериос Яннис** — д. э. н., ученая степень Университета Иллинойса, профессор Экономического факультета, Университет Пирея, Президент международной ассоциации стратегического управления, редактор журнала ERSJ, JEBA & JMTET, Греция.
- Бондаренко Виктория Андреевна** — д. э. н., доцент, заведующий кафедрой маркетинга и рекламы Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.
- Гиссин Виталий Исаевич** — д. э. н., профессор, заведующий кафедрой товароведения и управления качеством Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.
- Кузнецов Николай Геннадьевич** — д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый проректор — проректор по учебной работе, заведующий кафедрой экономической теории Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.
- Механцева Карина Феликсовна** — д. э. н., доцент, профессор кафедры товароведения и управления качеством Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.
- Морковина Светлана Сергеевна** — д. э. н., профессор, эксперт Агентства инноваций и развития экономических и социальных проектов, проректор по науке и инновациям, заведующий кафедрой менеджмента и экономики предпринимательства Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г. Ф. Морозова, г. Воронеж.
- Ниворожкина Людмила Ивановна** — д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой математической статистики, эконометрики и актуарных расчетов Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», г. Ростов-на-Дону.
- Максимцев Игорь Анатольевич** — д. э. н., профессор, академик Российской академии естественных наук, академик Международной академии наук высшей школы, почетный доктор Бухарестской экономической академии, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
- Пономарёва Марина Анатолиевна** — д. э. н., доцент, заведующий кафедрой экономики региона, отраслей и предприятий Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.
- Эскиндаров Михаил Абдурахманович** — д. э. н., ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, член-корреспондент Российской академии образования.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL COUNCIL

- De La Robertie Catherine Sarlandie** — Rector, Director master of S2IE International strategy and intelligence economic, Director laboratories of SEE, Professor of Universities management and Economy of enterprise Parisian Pantheon Sorbonne University I, Paris, France.
- Hanappi Hardy** — Dr., Univ. Prof., Vienna University of Technology, Economics Department, Faculty Member, Austria.
- Hlušek Jaroslav** — Prof. Ing., CSc., dr. h. c., Mendel University in Brno, Czech Republic.
- Tache Ileana** — Professor, Ph. D., Transylvania University of Brasov, Faculty of Economic Sciences, Romania.
- Rupeika-Apoga Ramona** — Professor, Dr. Chair, Department of Finance and Accounting Faculty of Business, Management and Economics University of Latvia, Latvia.
- Thalassinos Eleftherios Ioannis** — Ph. D. University of Illinois, Professor, Department of Economics, University of Piraeus, President of International Strategic Management Association (ISMA), Director of Master of Science, Department of Maritime Studies, Editor ERSJ, IJEB & IJMTEI, European Chair Jean Monnet in EMU, School of Maritime & Industry, Greece.
- Bondarenko Victoria Andreevna** — Ph. D. in Economics, associate professor, head of department Marketing and advertising of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Gissin Vitaliy Isayevich** — Ph. D. in Economics, professor, head of department Merchandizing and quality management of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Kuznetsov Nikolay Gennadyevich** — Ph. D. in Economics, professor, honored worker of science of Russian Federation, first vice-rector — vice-rector for study, head of department economic theory of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Mekhantseva Karina Pheliksovna** — Ph. D. in Economics, associate professor, professor of Merchandizing and Quality Management department of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Morkovina Svetlana Sergeevna** — Ph. D. in Economics, professor, expert of Agency of innovations and development of economic and social projects, vice-rector of science and innovations, manager of department of management and economy of an entrepreneurship of Voronezh State Timber University named by G. F. Morozov, Voronezh.
- Nivorozhkina Lyudmila Ivanovna** — Ph. D. in Economics, professor, honored worker of science of Russian Federation, head of department Mathematical statistics, econometrics and actuarial calculations of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Maksimtsev Igor Anatolyevich** — Ph. D. in Economics, professor, academician of Russian Academy of Natural Sciences, academician of International academy of Sciences of higher school, honorable doctor of Bucharest Economic Academy, rector of St. Petersburg State Economic University.
- Ponomariova Marina Anatoliyevna** — Ph. D. in Economics, associate professor, head of department of Economy of Region, Industries and Enterprises department of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Eskindarov Mikhail Abdurakhmanovich** — Ph. D. in Economics, rector of Financial University under Government of Russian Federation, professor, corresponding member of Russian Academy of Education.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Батищева Галина Андреевна** — д. э. н., доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной математики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.
- Боровская Марина Александровна** — д. э. н., профессор, заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации.
- Брелик Агнешка** — д. э. н., экономический факультет, Западно-померанский технологический университет в Щецине, Польша.
- Буркальцева Диана Дмитриевна** — д. э. н., доцент, профессор кафедры финансов предприятий и страхования Института экономики и управления Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.
- Вертакова Юлия Владимировна** — д. э. н., профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного университета, г. Курск.
- Гарнов Андрей Петрович** — д. э. н., профессор, заведующий кафедрой экономики и организации производства Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Москва.
- Димитриади Николай Ахиллесович** — д. э. н., д. м. н., профессор, декан факультета экономики и финансов, профессор кафедры мировой экономики, политики и глобализации Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.
- Золотарёв Владимир Семёнович** — д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры финансового менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.
- Усенко Людмила Николаевна** — д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.
- Халын Виктор Геннадьевич** — к. э. н., член совета Ростовского областного отделения общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России».
- Шеховцов Роман Викторович** — д. э. н., доцент, заместитель министра экономического развития Ростовской области Правительства Ростовской области, г. Ростов-на-Дону.
- Шимов Владимир Николаевич** — д. э. н., профессор, ректор Белорусского государственного экономического университета, г. Минск (Республика Беларусь).

EDITORIAL BOARD

- Batishcheva Galina Andreevna** — Ph. D. in Economics, associate professor, professor of department of fundamental and applied mathematics of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Borovskaya Marina Aleksandrovna** — Ph. D. in Economics, Professor, deputy minister of science and higher education of Russian Federation.
- Brelik Agnieszka** — Ph. D., Faculty of Economics, West Pomeranian University of Technology in Szczecin, Poland.
- Burkaltseva Diana Dmitriyevna** — Ph. D. in Economics, associate professor, professor of department of finance of enterprises and insurance of Institute of economy and management of Crimean federal university named by V. I. Vernadskiy, Simferopol.
- Vertakova Yulia Vladimirovna** — Ph. D. in Economics, professor of managing department of regional economy and management of Southwest State University, Kursk.
- Garnov Andrey Petrovich** — Ph. D. in Economics, professor, department chair Economy and production organization of Plekhanov Russian University of Economics, Moscow.
- Dimitriadi Nikolay Akhillesovich** — Ph. D. in Economics, doctor of medical sciences, professor, dean of faculty of Economy and finance, professor of World Economy, Policy and Globalization department of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Zolotariov Vladimir Semionovich** — Ph. D. in Economics, professor, honored worker of science of Russian Federation, professor of Financial management department of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Usenko Lyudmila Nikolaevna** — Ph. D. in Economics, professor, honored worker of science of Russian Federation, head of department of analysis of business activities and forecasting of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.
- Halyn Viktor Gennadyevich** — Ph. D. in Economics, member of council of Rostov regional department of public organization of small and medium entrepreneurship «Support of Russia».
- Shekhovtsov Roman Viktorovich** — Ph. D. in Economics, associate professor, Deputy Minister of Economic Development of the Rostov region Governments of Rostov region, Rostov-on-Don.
- Shimov Vladimir Nikolaevich** — Ph. D. in Economics, professor, rector of Belarusian State Economic University, Minsk (Republic of Belarus).

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (РИНХ)

№ 3 (63), СЕНТЯБРЬ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. Управление экономическими системами _____ 12	<i>Семёнов В. С.</i> Кризис макроуправления в процессе глобализации 53
<i>Абдуллаев К. Н.</i> Развитие транспортных связей Республики Азербайджан со странами Евросоюза на основе международных транзитных транспортных проектов «Восток-Запад» (Трасека), «Север-Юг» и «Юг-Запад» 12	<i>Сирьянто Т., Бондаренко В. А.</i> Взаимодействие эмоционального и духовного интеллекта в рамках развития социальной компетентности педагога экономических специальностей 61
<i>Кузьминов А. Н., Яровой Н. А., Джуха В. М.</i> Модифицированная модель оценки экономической эффективности отраслевой структуры предприятий 21	РАЗДЕЛ 2. Экономика и предпринимательство _____ 69
<i>Перов Г. О.</i> Роль моделей предпринимательской деятельности в формировании «цифровой экономики» региона 29	<i>Афанасьева М. Ф., Хачатурян Н. Р., Кундрюков С. С.</i> Роль системы обучения и подготовки кадров в решении обеспечительных проблем развития инновационной экономики России в аспекте роста международной конкурентоспособности 69
<i>Пономарёва М. А., Хайбуллин Л. Р.</i> Система приоритетов социально-экономического развития регионов России: поэлементный анализ и целевые показатели 36	<i>Беспалько В. А., Гузенко Н. В., Дадаян Н. А., Межаев Р. М.</i> Актуализация оценки резервов роста конкурентоспособности российских предприятий – производителей машин, оборудования и транспортных средств на внутреннем рынке 78
<i>Рыкова И. Н., Табуров Д. Ю.</i> Подходы к оценке эффективности использования энергетических ресурсов: внутренний и внешний анализ 42	

<i>Голота П. А., Козлякова И. А.</i> Современный бенчмаркинг в территориальном развитии: эволюция и прикладное содержание	84	РАЗДЕЛ 3. Финансово-кредитные отношения и бухгалтерский учет _____	129
<i>Грицунова С. В., Седых Ю. А.</i> Оценка уровня продовольственной независимости по некоторым группам продовольственных товаров Российской Федерации	90	<i>Бухов Н. В.</i> Формирование и использование информационного обеспечения функционально-стоимостного анализа	129
<i>Копылова Ю. В.</i> Анализ темпов развития быстрорастущих южнороссийских компаний как показатель эффективной реализации региональной экономической политики	98	<i>Иванова О. Б., Костоглодова Е. Д., Хапилин С. А.</i> Роль бюджетно-налогового и таможенного регулирования в реализации стратегии обеспечения экономического роста и конкурентоспособности российской экономики	135
<i>Миронова О. А.</i> Стратегические задачи и социально-экономические проблемы обеспечения безопасности граждан в городе Ростове-на-Дону	104	<i>Костылева В. И.</i> Инструменты регулирования экстерналий: сравнительный анализ	144
<i>Морковина С. С., Рафаилов М. К.</i> Сценарный подход в стратегическом планировании развития лесного комплекса России	111	<i>Сахарова Л. В., Арапова Е. А., Алексейчик Т. В., Богачёв Т. В.</i> Оценка состояния атмосферы в регионе с помощью нечеткого моделирования	152
<i>Салтанова Т. А.</i> Современные критерии качества экономического роста	123	НАШИ АВТОРЫ _____	160

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF RUSSIAN FEDERATION

VESTNIK

OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY OF ECONOMICS (RINH)
№ 3 (63), SEPTEMBER, 2018

CONTENT

SECTION 1. Management of economic systems _____ 12

Abdullayev K. N.

Development of transport connection
of Azerbaijan Republic
with European Union's countries
on the base of international transit
transport projects «East-West»
(TRACECA), «North-South»
and «South-West» 12

*Kuzminov A. N., Yarovoy N. A.,
Dzhukha V. M.*

Modified model for assessing
the economic efficiency
of industrial structure of enterprises 21

Perov G. O.

Role of models of enterprise
activity in formation
of «digital economy» of region 29

Ponomariova M. A., Khaibullin L. R.

System of priorities of social-
economic development
of Russian regions:
element-by-element analysis
and target indicators 36

Rykova I. N., Taburov D. Yu.

Approaches to assessment
of efficiency of use
of energy resources:
internal and external analysis 42

Semionov V. S.

Crisis of macro-governance
in process of globalization 53

Suryanto T., Bondarenko V. A.

Interaction of emotional
and spiritual intelligence
in framework of development
of social competence
of teacher of economic specialties 61

SECTION 2. Economics and business _____ 69

*Afanasyeva M. Ph., Khachatryan N. R.,
Kundryukov S. S.*

Role of system of education
and training in solving security
problems of development
of innovative economy
of Russia in aspect of growth
of international competitiveness 69

*Bespal'ko V. A., Guzenko N. V.,
Dadayan N. A., Mezhaev R. M.*

Actualization of assessment
of reserves for growth
of competitiveness of Russian
enterprises – manufacturers
of machinery, equipment and
vehicles in domestic market 78

Golota P. A., Kozlyakova I. A.

Modern benchmarking
in territorial development:
evolution and application content 84

Gritsunova S.V., Sedykh Yu. A.

Assessment of level of food
independence on some groups
of food products of Russian Federation 90

<i>Kopylova Yu. V.</i> Analysis of rates of development of fast-growing of South Russian companies as indicator of effective realization of regional economic policy	98	SECTION 3. Financial-credit relations and accounting _____	129
<i>Mironova O. A.</i> Strategic objectives and socio-economic problems of ensuring the safety of citizens in the city of Rostov-on-Don	104	<i>Bukhov N. V.</i> Formation and application of value analysis' informational support	129
<i>Morkovina S. S., Raphaelov M. K.</i> Scenario approach in strategic planning development of forest complex of Russia	111	<i>Ivanova O. B., Kostoglodova E. D., Khapilin S. A.</i> Role of budget-tax and customs regulations in implementation of strategy for economic growth and competitiveness of Russian economy	135
<i>Saltanova T. A.</i> Modern criteria of economic growth quality	123	<i>Kostyleva V. I.</i> Instruments for regulating externalities: comparative analysis	144
		<i>Sakharova L. V., Arapova E. A., Aleksyichik T. V., Bogachyov T. V.</i> Assessment of state of atmosphere in region using fuzzy modeling	152
		OUR AUTHORS _____	160

РАЗДЕЛ 1. УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

К. Н. Абдуллаев

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНЫХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ АЗЕРБАЙДЖАН СО СТРАНАМИ ЕВРОСОЮЗА НА ОСНОВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНЗИТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ «ВОСТОК-ЗАПАД» (ТРАСЕКА), «СЕВЕР-ЮГ» И «ЮГ-ЗАПАД»

Аннотация

Статья посвящена вопросам развития транспортных связей Азербайджанской Республики со странами Евросоюза на основе международных проектов «Восток-Запад» (Трасека), «Север-Юг» и «Юг-Запад». Подчеркивается значимость участия Азербайджана в глобальных транспортных альянсах. Перспективы его привлечения к новым транзитным проектам подтверждает рост международного авторитета Республики.

В статье выявлены проблемы, связанные с расширением транзитных возможностей. Показаны основные направления развития различных взаимосвязанных транспортных инфраструктур как одно из основных направлений национальной транспортной политики в Азербайджане. Географическое расположение Азербайджана позволяет развивать транспортную инфраструктуру с Востока на Запад и с Севера на Юг. Динамично претворяемые в жизнь глобальные проекты и стремительное экономическое развитие Азербайджана являются основными факторами создания стабильного и надежного транспортного коридора и интеграционных процессов. Реализация проектов в рамках Южного газового коридора и железной дороги Баку – Тбилиси – Карс послужит дальнейшему углублению интеграции Азербайджана и в целом региона в Европейское Сообщество. Выявлены упущения и недостатки, определены направления по их устранению в ближайшем перспективном периоде, а также даны научно обоснованные выводы и предложения.

Ключевые слова

Транспорт, инвестиции, интеграция, глобализация, частное предпринимательство, транзит, развитие, вид транспорта.

К. N. Abdullayev

DEVELOPMENT OF TRANSPORT CONNECTION OF AZERBAIJAN REPUBLIC WITH EUROPEAN UNION'S COUNTRIES ON THE BASE OF INTERNATIONAL TRANSIT TRANSPORT PROJECTS «EAST-WEST» (TRACECA), «NORTH-SOUTH» AND «SOUTH-WEST»

Annotation

Article dedicated to development of transport connection of Azerbaijan Republic with European Union's countries on the base of international transit transport project such as «East-West» (Traceca), «North-South» and «South-West». Author emphasizes significance to take part Azerbaijan Republic in global transport alliances. Perspectives attract to new transit projects improve international leadership of Republic. In article reveals problems increasing transit opportunities and shows that different transport infrastructure one of the main direction of national transport policy in Azerbaijan Republic. Geographical location of Azerbaijan enables to develop transport infrastructure from East to West and from North to South. Dynami-

cally implemented global projects and rapid economic development of Azerbaijan are the main factors for establishment of the stable and reliable transportation corridor and integration processes. Implementation of projects within the framework of the South gas corridor and Baku – Tbilisi – Kars railroad will promote further integration of Azerbaijan and the whole region with the European community. Moreover, at the same time on the base of investigation exposed shortage and imperfection, defined direction for remove in nearest perspective period, also gave scientific substantiated conclusions and recommendations in presented article.

Keywords

Transport, investment, integration, globalization, private enterprise, transit, development, mode of transport.

Introduction

As a result of rapid development of infrastructure of transport channels passing through the territory of Azerbaijan, efficiency of transport services and speed and safety of transportation increase. Dynamically implemented global projects and rapid economic development of Azerbaijan are the main factors for establishment of the stable and reliable transportation corridor and integration processes.

Transport significance has immeasurably grown up at the modern stage of development of global economic system. Nowadays one can hardly imagine the life of a certain state without a powerful transport infrastructure. Commodity turnover between the countries is growing in a globalizing world as well [14]. Growth of external trade turnover is forecasted by 1,5–2 times between the European and Asian countries in upcoming 5–10 years. Competition at market of international transport services makes everybody consider new economically beneficial transportation routes connecting Europe and Asia. This mainly concerns the routes passing through the Caspian region located at junction of East and Asia, North and South [1].

Suitable geostrategic position of Azerbaijan Republic provided its development in international transport corridors as accessible transit country. From this point of view had increased regional leadership of Azerbaijan in between Europe and Asia continent. Azerbaijan Republic its transit potentials had realized from 1996

by Trans Caucasus transport corridor within the work of TRACECA (Europe-Caucasus-Asia transport corridor) project which is supported by European Union [2].

Modern economic condition and realities in Europe – Caucasus – Asia transport corridor TRACECA (via Azerbaijan territory)

In general «Europe-Caucasus-Asia» transport project which is support by European Union are the main priority directions to provide functional activity and development Trans European transport network (TENs), PanEurope transport zone and «West-East» transport corridor [15]. Azerbaijan's effective activate of regional-transit projects provide its exist as a leader country in the region. The main reason of this processes are considering crossing and transition transit transport ways from «North-South», to «West-East» in Azerbaijan territory.

From 1998 year in despite of between participant countries in TRACECA transport corridor had increased international economic relations, but from 2000 after is being created new transport corridor «North-South» was strengthened competition among two transport corridors. Therefore, competition was increased such directions as effective organization of transit conveyance and for achieve more revenues between regional countries.

We must note that every year via «North-South» international corridor was transporting approximately 5 mln tonnes goods. In this corridor framework if creat-

ed all transport infrastructure in participant countries, maybe to increase this indicator yearly to 20 mln tonnes. «TRACECA» transport project's participant countries to economize 15–20 % transport expenses and 24 hour period if to compare «North-South» transport transit corridor's identical with indicators [13]. Very effective transportation route in project is considering to direction of TransCaspian sea. Crossing variant of «North-South» transport corridor via territory Azerbaijan Republic is very suitable. In this project short delivery distance, minimum delivery time, developed transport infrastructures, other transit transport factors are playing main role. Practice shows that participant post-soviet countries in «TRACECA» project to collide with different problems [16]. Difficulties for realization qualitative transport services in accordance with European standards to require many financial resources for preservation road-ferry lines in Caspian and Black sea territory. To give preference to various transport routes with different regional directions by China and other countries are considering the main problems in this direction [12].

Analyze shows that good transportation on transport activity in Europe – Caucasus – Asia transport corridor compared with 2013 in 2014 decrease of good transportation was 850 thousand tonnes (if we take cost of losses for 1 ton ~ 30 \$ USA dollars), then forming 25,5 mln USA dollars), in comparison with 2014 (58191 thousand tonnes) in 2015 (52240 thousand tonnes) this indicator (table 1) decrease and was 5,9 mln tonnes (cost of losses 177 mln USA doll.), compared with 2011 in 2015 decline was 1,6 mln tonnes (cost of lost was 48 mln USA dollars) and if compared with 2012 in 2015 decrease was 4,6 mln tonnes (cost of losses 138 mln USA dollars) (table 1). Moreover, if in structure of general good transportation in 2014 transported 58 191 thousand tonnes, but in 2015 year this indicator decreased 5,2 mln tonnes and was 5,2 mln tonnes. In last years in Azerbaijan part

of Europe – Caucasus – Asia transport corridor on transportation by railway transport serious decrease tendencies had observed. For example, if in 2014 19 890 thousand tonnes good transported, but in 2015 this indicator 4,3 mln tonnes decreased and was 15 521 thousand tonnes [3].

If we take cost of losses for 1 ton 30 US dollars, then forming 129 mln US dollars (table 1). In different years also decrease processes are observed. For example, in comparison with 2013 in 2014 decline was 1,4 mln tonnes (cost of loss was 42 mln US dollars), in comparison with 2011 (table 1) in 2015 year decrease volume was 4,6 mln tonnes (cost of losses was 138 mln US dollars). In transport corridor last years decrease process by transportation of sea transport also had observed. For example, if in 2014 year 9302 thousand tonnes good transported, but in 2015 this indicator decreased 3,2 mln tonnes and was 6067 thousand tonnes.

Moreover, in comparison with 2013 in 2014 year decrease volume was 934 thousand tonnes, if cost of losses for 1 ton ~ 30 dollars, then forming 28 mln dollars, but in comparison with 2011 (table 1) in 2015 decrease volume was 4,2 mln tonnes (cost of losses 126 mln US dollars), to compare with 2012 in 2015 year decrease volume was 4,3 mln tonnes (cost of losses was 129 mln US dollars).

The territory of Azerbaijan as part of Europe – Caucasus – Asia transport corridor last years in transit transportation volume indicators serious decrease was observed. For example, if in 2014 transit transportation volume in this corridor was 12 771 thousand tonnes but in 2015 this indicator decreased 3,2 mln tonnes and was 9494 thousand tonnes. If we take cost of losses for 1 ton 30 US dollars, then forming 96 mln US dollars. If to compare with 2013 in 2014 decrease volume in transit good transportation was 1,9 mln tonnes (cost of losses was 57 mln US dollars), but to compare with 2013, decrease on transit good transportation in 2014 was 1,9 mln

tonnes (cost of losses was 57 mln US dollars). Moreover, by comparison with 2011 in 2015 decline volume was 6,7 mln tonnes (cost of losses was 201 mln US dollars), compared with 2012 in 2015 decrease volume was 6,2 mln tonnes (cost of losses was 186 mln US dollars) (table 1).

In structure of transit good transportation volume of good conveyance if in 2014 was 4502 thousand tonnes, but in 2015 this indicator had decreased 575 thousand tonnes and was 3927 thousand tonnes. If we take cost of for 1 ton 30 US dollar, then forming 17,2 mln US dollars. In comparison with 2013 in 2014 decrease in railway transport's transit transportation was 2,1 mln ton (cost of loss was 63 mln US dollars), but compared with 2011 in 2015 decrease volume was 3,9 mln tonnes

(cost of loss was 117 mln US dollars), as well in 2015 to compare with 2012 decrease volume was 3,4 mln tonnes (cost of losses was 102 mln US dollar).

Last years in structure of transit transportation sea transport's indicators serious changed. For example, if in 2014 transportation volume was 8269 thousand ton, but in 2015 this indicator had decreased 2,7 mln ton and was 5567 thousand tonnes. If we take cost of losses for 1 ton 30 US dollar, then forming 81 mln US dollars. Therefore, by comparison with 2011 in 2015 year decrease on sea transport was 2,79 mln tonnes (cost of losses 83,9 mln US dollar) and compared with 2012 in 2015 decline was 2,75 mln tonnes (cost of losses was 82,7 mln US dollars) (table 1).

Table 1 — Decrease tendencies and cost of losses (in Azerbaijan part) on transportation in Europe – Caucasus – Asia transport corridor (cost of with US dollars). (TRACECA – Great Silk Way Project)*

Comparison with years	2013/2014	2014/2015	2011/2015	2012/2015
decrease on general good transportation	850 ths. tonnes	5,9 mln tonnes	1,6 mln tonnes	4,6 mln tonnes
cost of losses for 1 ton ~ 30\$ (US dollars)	25,5 mln US dollars	177 mln US dollars	48 mln US dollars	138 mln US dollars
Including losses in railway transport (tonnes)	1,4 mln tonnes	4,3 mln tonnes	4,6 mln tonnes	5,8 mln tonnes
cost of losses for 1 tonnes ~ 30 US dollars	42 mln US dollars	129 mln US dollars	138 mln US dollars	174 mln US dollars
decrease in sea transport (tonnes)	934 ths. tonnes	3,2 mlntonnes	4,2 mln tonnes	4,3 mln tonnes
cost of losses for 1 ton ~ 30 \$ (US dollars)	28 mln US dollars	96 mln US dollars	201 mln US dollars	186 mln US dollars
decrease in transit transportation (tonnes)	1,9 mln tonnes	3,2 mlntonnes	6,7 mln tonnes	6,2 mln tonnes
cost of losses for 1 ton ~ 30 US dollars.	57 mln US dollars	96 mln US dollars	201 mln US dollars	186 mln US dollars
including decrease in railway transport (tonnes)	2,1 mln tonnes	575 ths. tonnes	3,9 mln tonnes	3,4 mln tonnes
cost of losses for 1 ton ~ 30\$ (US dollar)	63 mln US dollars	17,2 mln US dollars	117 mln US dollars	102 mln US dollars
decrease in sea transport	–	2,7 mln tonnes	2,79 mln tonnes	2,75 mln tonnes
cost of losses for 1 ton ~ 30\$ (US dollar)	–	81 mln US dollars	83,9 mln US dollars	82,7 mln US dollars

* Made by author calculated statistic indicators on www.stat.gov.az/transportcorridors.

In the framework of international transport corridor serious decrease rate on passenger conveyance by railway and sea transport was observed. For example, by comparison with 2014 in 2015 passenger conveyance volume on railway transport had decreased 281 thousand passenger and was 1609 thousand passenger. If we calculate cost of losses for 1 passenger transportation 3 US dollar, then forming 843 thousand US dollars. Moreover, compared with 2011 in 2012 passenger transportation volume had decreased 702 thousand passengers cost of losses was 2,1 mln US dollars). In comparison with 2012 in 2013 passenger conveyance volume had decreased 270 thousand passengers (cost of losses was 810 thousand US dollars), as well as in 2015 year passenger conveyance decreased 1245 thousand passengers (cost of losses was 3,7 mln US dollar) if to compare 2011.

In last years serious decrease rate on passenger conveyance by sea transport in the international transport corridor framework are observed. For instance, if in 2014 via transit corridor conveyed 15 thousand passengers, but in 2015 this indicator had decreased 6 thousand passengers and was 9 thousand passengers. If we take cost of losses for 1 passenger 15 US dollar, then forming 90 thousand US dollars. Therefore, if to compare with 2011 in 2013 passenger conveyance by sea transport had been decreased 3 thousand passengers (cost of losses was 45 thousand US dollars), in comparison with 2012 in 2013 passenger conveyance volume had been decreased 3 thousand passengers (cost of losses were 45 thousand US dollars), also compared with 2011 in 2015 decreased volume was 8 thousand passengers (cost of losses were 120 thousand US dollars).

«Strategic Roadmap» about development of logistics and trade in Azerbaijan Republic adopted by decree of President of Azerbaijan Republic in 6 december 2016. The latest years economic development which is based on open market and liberal trade are considering main economic

growth model. Moreover, report was published about international national economy in the world by World Bank shows that share of export of products and services in GDP if to compare with 1995 increased from 22 % (after influence of economic crisis) to 29,5 % in 2015. The main reasons of this growth considering strengthening middle class in developing countries.

In the annual report of «Azerbaijan Railway» JSC presented that 23 % transported goods (3,9 mln tonnes) belong to transit goods. We must note that in comparison with neighbouring Georgia 71 % transported goods belongs to transit goods. Moreover, last years transit good transportation volume by sea transport was 5,6 mln tonnes (59 %) in Azerbaijan Republic. Analysis shows that at the present time more than 50 % sea transport ships (vessels) completed their exploitation period (25 year) in Azerbaijan Republic. From this point of view renovation of marine fleet is necessary in modern economic condition. We must note that international companies to get for rent ships which there are exploitation period only to 15 year and also according to international maritime conception demand in the world. Different model of ships which are finished their exploitation period don't to allow by international maritime organization to take part in freight transportation in the world water space. Also don't to insure foreign insurance companies old ships. One of the reason decreasing of transportation volume in international transit project is considering limited transportations of containers. In new adopted «Strategic Roadmap about development of logistics and trade» of Azerbaijan had showed that, main priority of this document to change Azerbaijan attractive country in region by transit point of view.

Main directions increasing effectiveness of international transport corridors via Azerbaijan Republic

In statistic report of about goods trade of the United Nations showed that only in 2015 year via «East-West»

transport corridor 150 mln tonnes transit goods had been transported. In the framework of this transport corridor via Azerbaijan territory in 2015 9,5 mln tonnes transit goods were transported [4]. Moreover, in via «North-South» corridor annual trade turnover between Russia and Iran countries on Caspian Sea were 4 mln tonnes, but with Iran and Black Sea region countries annual trade turnover were 2,3 mln tonnes. Trade volume of between Middle Asia countries and Black sea region countries with «East-West» transport corridor in 2015 was 9,9 mln tonnes and till 2020 prognosis shows that this indicator will increase to 13,8 mln tonnes. Therefore, in 2015 via «East-West» transport corridor trade volume between Middle Asia countries and European countries were 38,8 mln tonnes. Prognosis shows that till 2020 this indicator will increase to 56,8 mln tonnes. In the direction of «East-West» transport corridor trade turnover volume between China and European countries in 2015 were 102 mln tons. Prognosis shows that till 2020 this indicator will be increase to 118,7 mln tonnes. We must note that «TRACECA» international transport corridor up to now undeveloped route between China and European countries [4]. The main reason low level of freight transportation via «TRACECA» transport route considers that good sender companies and countries every time to search very cheap and speedily alternative routes. But to take into account that to exist very correct optimization directions in this corridor [5].

Moreover, construction of «Baku – Tbilisi – Kars» railway line and new Baku Marine Port complex, also organization free economic trade zone are considering very important economic measures. Therefore, development activity of sea transport in the framework transit transport corridors such as «East-West», «North-South» and «South-West» are very necessary. From this point of view modernization of maritime fleet of Azerbaijan, for this purpose buying new different types of ships for to

meet international requirements of companies are very actual problems». «East-West» transport corridor which is pass through Azerbaijan territory shortest transport route between Europe and Asia continent [6].

Practice of East European countries shows that in some countries such as Romania, Hungary, Slovakia, Poland, Lithuania, Latviya economic revenues achived by railway transport in transit good transportation to organize 30–35 % of GDP [7].

«Baku – Tbilisi – Kars» international railway line starting from China by route «China – Kazakhstan – Caspian Sea – Azerbaijan – Georgia – Turkey» will provide transportation goods direct to European countries and back directions. Annual turnover between China and European countries reached approximately 600–650 bln US dollars. These processes will be accelerate quality of transport transit and tourism services, also direct influence to development of non-oil sector [8].

We must note that 50 % transportation of goods are realizing by railway transport in «East-West» international transport corridor. From this point of view role of «Baku – Tbilisi – Kars» railway line in next years will be increased. After exploitation «Baku – Tbilisi – Kars» railway line from China country through Kazakhstan – Caspian Sea – Azerbaijan – Georgia – Turkey» routs will be transporting goods direct to European countries. Moreover, necessary consideration annual trade turnover between China and European countries which consist of 600–650 bln USA dollars [9].

Presented reports by international experts on international transport transit projects shows that till 2020 year trade turnover between China and European Union's countries will be increasing to 800 bln USA dollars. 10 % general trade turnover with cost of 80 bln USA dollars will transported by Trans-Caspian transport route. General realized measures will influence to economic development of participant countries situated in Trans-Caspian

transport route. Last years by Armenia which had territorial problems with of Azerbaijan Republic as well realized serious measures for development of new rival transport transit route [10]. For example, construction of new railway line between Iranian Islamic Republic and Armenia considers alternative route for «Baku – Tbilisi – Kars» railway line. Length of railway route in territory of Armenia consist of 420 km, but in Iran territory consist of 80 km. Cost of project consist of 35 bln US dollars. Iran-Armenian railway construction project had accepted in 7 august 2014 by Armenian government. This is project will be complete in 2022 and annual cargo transportation volume will reach to 25 mln tonnes. This is project prepared by Construction and Communication International Company of China (CCIC) [11]. But investigation shows that for to construct this railway line only needs 5–7 years. We must note that between Iran and Armenia Republic trade turnover consist of only annual 300–350 mln US dollars and for realization this project not enough financial resources till now. From this point of view, if even after realization this project not enough volume of goods for find transportation in this direction between two countries. This is fact prove that competitiveness of project is very noneffective in modern economic condition [16].

In modern economic situation «Baku – Tbilisi – Kars» railway project will provide transportation between Caspian Sea countries with Georgia and Turkey. In next years goods of Azerbaijan Republic and Middle Asian countries (mainly oil and oil gas product) will be delivery to European markets by Bosphorus strait. Also European and Mediterranean sea countries with this railway route will to delivery goods to Asian countries. «Baku – Tbilisi – Kars» railway transport corridor will play main role transportation of goods to European Union's countries. In next years transportation goods via territory of Russia considers non effective for China. By political point

of view moreover, delivery speed and economic cost of transportation also non appropriate for China. In modern economic condition and in modern political situation China and Russia in different regions of world to connect economic interests against USA. «Baku – Tbilisi – Kars» railway line to remove influence of Russia direct from «New Silk Way» project.

We must note that, from China direct to European countries main good transportation volume are realizing by Transsibir (through Russian territory) transit line. Main reason of this process considers definition low tariffs for transportation by Russian territory. This is factor principal advantage if to compare Russian transportation expences with to Azerbaijan and Turkey [16].

By «Baku – Tbilisi – Kars» international transit railway line for transportation are planning annual 17 mln tonnes goods. We must note that only if in 2012 had transported 20 mln tonnes goods, but in 2013 18 mln tonnes goods had transported by Georgian Republic's railway transport. Increasing export potential of different economic branches of Azerbaijan and Georgian Republic will to support solution of transit problems between two countries. «Baku – Tbilisi – Kars» railway line is very accessible for transportation oil and different oil products from Azerbaijan and Kazakhstan, as well as from Turkmenistan Republic to European countries. From this point of view Azerbaijan government financed share of construction of Georgian Republic's railway lines in «Baku – Tbilisi – Kars» railway transport project and had stimulated cargo tariffs of transportation for regional countries. We must note that realization «Baku – Tbilisi – Kars» railway project non appropriate till now by economic interest of Iranian Islamic Republic. Because, Iran direct control by customs duties of transit transportation between Turkey and Central Asian countries. After realization «Baku – Tbilisi – Kars» railway project incomes achved from transit transportation of Iran serious decreased [2].

By Azerbaijan Republic for development and to take part in other transport corridors such as «North-South» and «South-West» are very important directions for strengthen economic position our state in between regional countries.

For effective realization «North-South» project must be to construct new railway track from Astara city of Azerbaijan Republic to Anzali city of Islamic Iranian Republic. Russia always last years support this project. Because, this project for strengthen interstate relations and for ensuring economic interests in region plays main role by economic point of view of Russia.

In first stage will convey annual 6 mln tonnes via «North-South» new transit route. Next stages transportation volume will increase to 15–20 mln tonnes. New corridor will support decrease of delivery time and economize general expenses India and other countries in region. We must note that from India delivery of goods to European countries by sea transport to require minimum 40 day. Moreover, Azerbaijan Republic has important geographical position in «North-South» international transport corridor. By this transport corridor goods from India via Azerbaijan territory may be delivered to direct Russian territory and other different European countries [1].

Non possibility access of sea transport companies of border countries with Caspian sea to world ocean negative influence to transit transportation. Only connection with world oceans are realizing by Volga-Don channel via Russian territory. But this channel was frozen in winter period and also different state border crossings as well difficult navigation in a lot of straits are the main barriers in this directions. Last years Iran government continues construction new water channel from Caspian Sea to Persian Gulf. After realization this project sea transport companies of Iran and Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan easily will to enter by new channel via Persian Gulf to world ocean.

In 2017 year in Baku city (Azerbaijan Republic) between Azerbaijan Republic and Iran, Georgia, Poland, Ukraine head of railway organizations organized business meeting for creation new transport route. In meeting discussed advantages and perspectives of «South-West» transport route. India (Pakistan) – Persian Gulf – Iran – Azerbaijan – Georgia – Ukraine – Poland and other European countries are the main transit countries in this project. Next years will join to this project Southern-Western (Eastern) Asian countries. Transportation processes in «South-West» transport corridor will realize in 15 days period.

Conclusion

In general for effective usage by transport transit potential of Azerbaijan Republic in next years in «TRACECA», «North-South», «South-West» and other transport transit projects must be realizing following measures:

- creation with regional countries general transit service markets and regulation national domestic and foreign economic safety by support transport sector;
- to stimulate and to support activity of national transport companies in international transit transportation projects;
- to create new logistic and trade centers in different cities (especially near the Caspian sea) of Azerbaijan Republic;
- creation private transport companies in railway, air and sea transport segments for increasing activity in international transport markets;
- to decrease time for import-export operation and transit transportation and financial expenses, improvement of border crossing processes, creation new transit transport infrastructures;
- to strengthen transportation relations with European Union countries, to achieve jointly regulation of complex tariff rates with railway transport companies of regional countries such as Georgia, Kazakhstan, Russia, Iran, Turkey and etc.

Библиографический список

1. *Абдуллаев, К. Н.* Задачи повышения стратегической роли Азербайджанской Республики в международном транспортном проекте «TRASECA» под-держиваемом Евросоюзом // Стратегии экономического развития: государство, регион, предприятие : моногр. — Херсон : Гельветика, 2015. — Т. 1. — С. 6–16.

2. *Абдуллаев, К. Н.* Вопросы повышения стратегической роли Азербайджанской Республики по интеграции в Евросоюз в международном транспортном коридоре «Восток-Запад» // Современная экономика и управление: подходы, концепции, модели : междунар. науч.-практ. конф. — Саратов : Наука, 2017. — С. 6–8.

3. Государственный Комитет по Статистике Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.stat.gov.az/source/transport>.

4. Изменения на транспорте в Европейском Союзе (Европейская экономическая комиссия, Комиссия, Комитет по внутреннему транспорту). — ECE/TRANS/2017/28. — Женева, 2017. — С. 2–6.

5. *Шелистов, Ю. И., Ладвищенко, В. Ю.* Транспортная политика ЕС: логика становления, институциональная структура // Вестник Московского Университета. — 2010. — № 6. — С. 84–94.

6. Международные экономические отношения : учебник / под ред. Е. Ф. Жукова. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

7. *Могилевкин, И.* Мировой транспорт: время перемен // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 8. — С. 59–60.

8. *Могилевкин, И.* Мировой транспорт: новые горизонты и новые проблемы // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 9. — С. 29–36.

9. *Назаренко, В. М., Назаренко, К. С.* Транспортное обеспечение внешнеэкономической деятельности. — М. : Центр экономики и маркетинга, 2015.

10. *Ризаева, Ф.* Транспортный коридор Север-Юг // Caspian Research. — 2005. — № 8. — С. 64–65.

11. *Тагиров, А.* Перспективы меж-региональной программы Европейской Комиссии TRASECA и ее значение в интеграционных процессах // Trans Caspian news. — 2013. — 21–23 мая.

12. *Фоминин, С. В.* Международные экономические отношения на рубеже тысячелетий. — Херсон : Олди-плюс, 2015.

13. *Чернявский, С.* Великий шелковый путь и интересы России // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 6. — С. 95–98.

14. *Волгина, Н. А.* Международная экономика. — М. : Эксмо, 2010.

15. *Громогласова, Е. С.* Опыт транспортной политики Евросоюза для Евразии // Восточная Аналитика. — 2010. — № 1. — С. 134–145.

16. *Abdullayev, K. N.* Main Caspian transport corridors: new realities and perspectives // Baku world forum «New challenges in the world science: joint approaches of young scientists». — Baku : Science, 2014. — P. 71–72.

Bibliographic list

1. *Abdullayev, K. N.* Problems of increase in a strategic role of Azerbaijan Republic in international transport TRASECA project supported by European Union // Strategy of economic development: state, region, enterprise. — Kherson : Gelvetika, 2015. — Т. 1. — P. 6–16.

2. *Abdullayev, K. N.* Questions of increase in a strategic role of Azerbaijan Republic on integration into the European Union in international transport corridor «East-West» // Modern economy and management: approaches, concepts, models: conf. — Saratov : Science, 2017. — P. 6–8.

3. State Committee on Statistics of Azerbaijani Republic [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.stat.gov.az/source/transport>.

4. Changes on transport in European Union (The European Economic Commission, Commission, Committee on inland transport). — ECE/TRANS/2017/28. — Geneva, 2017. — P. 2–6.

5. *Rustles, Yu. I., Ladvishchenko, V. Yu.* Transport policy of EU: logic of formation, institutional structure // Messenger of Moscow University. — 2010. — № 6. — P. 84–94.

6. International economic relations : textbook / ed. by E. Ph. Rukova. — M. : UNITY-DANA, 2016.

7. *Mogilevkin, I.* World transport: time of changes // World economy and international relations. — 1999. — № 8. — P. 59–60.

8. *Mogilevkin, I.* World transport: new horizons and new problems // World economy and international relations. — 2010. — № 9. — P. 29–36.

9. *Nazarenko, V. M., Nazarenko, K. S.* Transport service of foreign economic activity. — M. : Center of economy and marketing, 2015.

10. *Rizayeva, T.* Transport corridor North-South // Caspian Research. — 2005. — № 8. — P. 64–65.

11. *Tagirov, I.* Prospects of interregional program of European Commission

of TRACECA and its value in integration processes // Trans Caspian news. — 2013. — May, 21–23.

12. *Fomishin, S. V.* International economic relations at a turn of millennia. — Kherson : Oldi-plus, 2015.

13. *Chernyavskiy, S.* Great silk way and interests of Russia // World economy and international relations. — 1999. — № 6. — P. 95–98.

14. *Volgina, N. A.* International economy. — M. : Eksmo, 2010.

15. *Gromoglasova, E. S.* Experience of transport policy of European Union for Eurasia // East Analytics. — 2010. — № 1. — P. 134–145.

16. *Abdullayev, K. N.* Main Caspian transport corridors: new realities and perspectives // Baku world forum «New challenges in world science: joint approaches of young scientists». — Baku : Science, 2014. — P. 71–72.

А. Н. Кузьминов, Н. А. Яровой, В. М. Джуха

МОДИФИЦИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЙ¹

Аннотация

В статье рассматривается новый полупараметрический подход к моделированию структурной оптимизации предприятий выделенной отрасли, который позволяет преодолевать существующие в настоящее время ограничения «технического» моделирования. Общеизвестна проблема, что в условиях ограниченности информации определение инварианта оптимального масштаба, который может быть рассчитан в контексте наиболее эффективного распределения входного ресурса, оцениваемого, например, в границах рентабельности производства, крайне ограничено. Обосновывается применение инструментария ценозов, который позволяет оценивать систему по ограниченному числу данных и обеспечивает когнитивное представление наиболее оптимальной реконфигурации ее элементов.

Ключевые слова

Эконометрическое моделирование, экономический ценоз, отраслевая структура, устойчивость, экономическая эффективность.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-010-01095 «Междисциплинарный подход к исследованию крупномасштабных экономических систем на основе теории ценозов».

A. N. Kuzminov, N. A. Yarovoy, V. M. Dzhukha

MODIFIED MODEL FOR ASSESSING THE ECONOMIC EFFICIENCY OF INDUSTRIAL STRUCTURE OF ENTERPRISES

Annotation

Article considers a new semi-parametric approach to the modeling of structural optimization of enterprises of selected industry, which allows to overcome the currently existing limitations of «technical» modeling. Problem is widely recognized that, under conditions of limited information, definition of invariant of optimal scale, which can be determined in context of the most efficient allocation of input resources, estimated, for example, within the profitability limits of production, is extremely limited. Use of toolkit of coenoses is substantiated, which allows to evaluate the system based on a limited number of data and provides a cognitive representation of the most optimal reconfiguration of its elements.

Keywords

Econometric modeling, economic coenoses, sectoral structure, sustainability, economic efficiency.

Введение

Реакция предприятий различных отраслей на проблемы сохранения устойчивости, вызванные растущими внутренними и внешними изменениями, такими как, законодательное нормативное давление, ужесточение социальной и экологической ответственности, динамика факторов затрат, внутри- и межвидовая конкуренция, трудности с персоналом, принимает в последнее время некоторую согласованную самоорганизованную форму, которая требует внешнего управления [1, 2]. Данный подход в современной научной практике понимается как «проактивная стратегия устойчивости», опирающаяся на обеспечении эффективного использования ресурсов, увеличении ценности, сокращении отходов и выбросов, формирование общественной репутации, совершенствования предпочтений потребителей, создания инновационных возможностей [3, 4].

Исследовательские данные и обсуждение

Несмотря на растущий интерес и предполагаемые выгоды от реализации данной стратегии, научная литература не раскрывает в полной мере основные фак-

торы и процессы такой формы управления, особенно на уровне регионов и отраслей. В данном исследовании рассматривается вопрос о том, как, опираясь на некоторые объективные закономерности, могут быть сформированы модели проактивного управления устойчивостью, обеспечивающие наиболее рациональное перераспределение ресурсов внутри совокупности предприятий, обладающих свойствами экономического ценноза. Указанное допущение предполагает наличие некоторого внешнего единого управляющего центра, который представлен специфическими государственными органами, такими, как головная компания холдинга, региональные и федеральные министерства, другие властные структуры, которые могут оказывать воздействие, влияющие на формирование требуемой отраслевой структуры за счет представления, например, предпочтений для отдельных предприятий [5].

Дефицит исследований и методов в данной области усложняется также отсутствием инструментов управления самой структурой, ориентацией существующих технологий отраслевого управления на достижение локальных конструктивных значений (нормирова-

ние), отсутствием простых методов оценки эффективности отраслевого распределения предприятий.

В данной статье мы опираемся на результаты содержательного обобщения теории устойчивого развития известных специалистов Крутцена и Герцига [6], а также ресурсного подхода, предложенного в конце 2000-х Чаном для выдвижения гипотезы о наличии взаимосвязи между неустойчивостью предприятий отрасли и недостатками отраслевой структуры, форма которой является следствием неравномерного самопроизвольного перераспределения общих ограниченных ресурсов [7, 8]. Такие межсекторальные и межкорпоративные структурные рекомбинации, в идеальном случае, обеспечивают не только устойчивость, но и экономическую эффективность всей отраслевой (видовой) структуры предприятий.

В экономической теории фирмы часто рассматриваются как единицы, для которых экономический эффект обусловлен способностью достижения каких-либо целей с минимальными затратами [9]. Говоря о совокупности предприятий, Фаррелл предлагает говорить о структурной отраслевой эффективности в виде совокупной эффективности фирм, составляющих отрасль или холдинг, которая измеряется средне-взвешенным по объему индивидуальным эффектом и объясняет это следующим образом: «... две фирмы, взятые индивидуально, прекрасно эффективны каждая по отдельности... неэффективны при совместном взаимодействии» [10, с. 261–262]. Это представление было развито Фёрсундом и Хьялмарссоном [11], которые предложили оценивать отраслевую эффективность через «техническую эффективность средней фирмы» с помощью параметрической производственной функции, с корректировкой по фактическому выпуску продукции. В этом ключе интересен научный подход Ли и Энг [12], в котором анали-

зируются ориентированные на достижение технической эффективности отрасли, где распределение ресурсов по входам пропорционально уровню используемых производственных технологий. В частности, они показывают, что структурная эффективность отрасли по совокупности входных и выходных технологий может быть использована как эквивалент технической эффективности средней единицы-предприятия.

В данном исследовании мы опираемся на понимание отраслевой экономической эффективности, сформулированное в работах Нестеренко и Зеленюк [13], использующих особую параметризацию, где цены на продукцию представляются экзогенным фактором, не отражающим эффективность использования ресурсов отдельным предприятием. В их модели эффективность отрасли представляет собой дифференцированное значение индивидуальной и групповой доходности предприятий, разброс которой приводит к различной структурной рекомбинации.

Указанное представление технической эффективности централизованного распределения ресурсов, на наш взгляд, имеет в современных экономических условиях большее практическое применение, поскольку позволяет осуществлять управление эффективностью отрасли (холдинга) с использованием точечного локального воздействия на отдельные предприятия отрасли, обеспечивая совокупный синергетический эффект. Авторами утверждается, что важнейшей нерешенной научной задачей здесь остается определение весового и структурного соотношения предприятий отрасли, для чего будет использована и модернизирована модель Нестеренко-Зеленюка, с учетом общеструктурных ценологических закономерностей.

Проведем предварительную формализацию задачи. Вводя обозначения, мы получаем n наблюдений, индексиро-

ванных по параметру j , используемого как ресурс m на входе $x_{ij}(i=1, \dots, m)$ для производства s продукции на выходе $y_{ij}(1, \dots, s)$. Наблюдаемые входные и выходные векторы $x_j=(x_{1j}, \dots, x_{mj}) \geq 0$ и $y_j=(y_{1j}, \dots, y_{sj}) \geq 0$, соответственно, где

$$T = \{(x, y) \mid \sum_{j=1}^n \lambda_j x_j \leq x, \sum_{j=1}^n \lambda_j y_j \leq y, \sum_{j=1}^n \lambda_j = 1, \lambda_j \geq 0, j \in J\}, \quad (1)$$

где λ — вектор $n \times 1$ с компонентами, равными λ_j и $J=\{1 \dots n\}$.

Наблюдаемые по отрасли входные и выходные векторы $X_0 \equiv \sum_{j=1}^n x_j$ и $Y_0 \equiv \sum_{j=1}^n y_j$ соответственно. Таким образом, отраслевая эффективность T^{IND} представляет собой сумму множеств индивидуальной эффективности

$$T^{IND} = \sum_n T, \quad (2)$$

как результат суммирования одинаковых выпуклых множеств.

Очевидно, что перераспределение объемов производства в зависимости от производительности приведет к увеличению общей отраслевой эффективности, что, конечно, может быть обеспечено только в результате централизованного управления.

Что касается входных цен, мы предполагаем, что каждое предприятие обращается к тому же экзогенно заданному вектору $p = (p_1, \dots, p_m) > 0$, как ситуация вполне закономерная для современной российской экономики. Особенно с учетом к этому допущению можно заметить, что Коопманс показал, что существующее единообразие цен у производителей сегодня является необходимым и достаточным условием эффективности по Парето [14, с. 736].

Таким образом, допускается наличие некоторой *экономически эффективной структуры отрасли*, описываемой формой комбинации возможностей производства $(x_h, y_h) \in T, h = 1, \dots, k$, которая минимизирует общую стоимость отраслевого выходного вектора Y_0 .

Как отмечено в работах Чезарони, каждая фирма способна в наибольшей степени производить продукцию в границах указанного выходного вектора [5], но в силу выпуклости графика

штрих указывает на операцию рекомбинации.

Индивидуальная эффективность производства может быть выражена формулой (1):

входных требований не позволяет использовать модель линейного программирования для имитационной оптимизации. Это означает, что выпуклость графика распределения технологической эффективности обуславливает **единственный** инвариант оптимального масштаба, который может быть определен в контексте наиболее эффективного распределения входного ресурса, оцениваемого, например, в границах рентабельности производства.

В своих работах Нестеренко и Зеленюк подразделяют общую потенциальную эффективность отрасли (потенциальную эффективность отраслевых доходов) на две части: структурную эффективность *выручки* и эффективность перераспределения *доходов*. Первый компонент — средневзвешенная мера, определенная Фером и Зеленюком, не предполагает внешнего воздействия на перераспределение ресурсов. Второй компонент определяет изменение выручки в результате управления производительностью за счет искусственного перераспределения ресурсов по всем предприятиям, и служит связью между двумя групповыми мерами: потенциальной и структурной эффективностью [16].

С учетом указанных допущений предположим, что задачей управляющей структуры становится задача максимизации индивидуальных доходов за счет перераспределения субоптимального дохода. Подчеркнем, что любая агрегация предоставляет исследователю полную картину неэффективности группы только в том случае, если в этой группе невозможно перераспределение ресурсов, что, в соответствии с контекстом, неза-

висимо от работающих единиц. Вот почему в данном исследовании поддерживается идея о необходимости введения меры «потенциальной эффективности группы предприятий», которая может стать критерием для определения устойчивости системы предприятий в целом.

Особенностью модели Нестеренко и Зелениюка является то, что в ней преобладают вариации и случайные величины, например, (X_i, Y_i, Z_i) , для $i = 1, \dots, n$, где $X_i \in R^p$ — входы, $Z_i \in R^d$ представляет собой набор гетерогенных условий (это могут быть экологические или нормативные условия, которые не являются исходными в обычном смысле, но могут влиять на производственный процесс, обязательно контролируруются производителем) и $Y_i \in R$ — выход, который может быть получен. Совместный *pdf* (X, Z, Y) они представляют как объединенный маржинальный результат для (X, Z) и условный *pdf* для Y заданного (X, Z) . Условное Y при $X = x$ и $Z = z$ характеризуется посредством формулы:

$$Y = m(x, z) - U + V, \quad (3)$$

где $m(x, z)$ — граница производства; $U | X = x, Z = z \sim D + (\mu_U(x, z), \text{var}_U(x, z))$ с $D + (\cdot, \cdot)$ — положительная случайная величина со средним $\mu_U(\cdot, \cdot)$ и дисперсией $\text{var}_U(\cdot, \cdot)$ и $V | X = x, Z = z \sim D(0, \text{var}_V(x, z))$, где $D(0, \cdot)$ — вещественная случайная величина со средним и дисперсией $\text{var}_V(\cdot, \cdot)$. Предполагается, что условно (X, Z) , U и V независимые случайные величины, где V имеет симметричное распределение вокруг нуля, а U является положительной случайной величиной, чья асимметрия **отражается** на эффективности рассматриваемой совокупности.

Как и в параметрических моделях, значение Y регулируется некоторой возможной неэффективностью уровня U и некоторым статистическим шумом V . Две компоненты U и V ненаблюдаемые случайные величины, которые могут варьироваться в зависимости от входных данных X , а также переменными Z .

Частный и очень распространенный случай, когда переменные Z не влияют на технологию, но только неэффективность или шум соответствуют так называемому «условию отделимости», описанных в [17]. В отличие от параметрических подходов, предполагается, что граница производства $m(\cdot, \cdot)$ полностью неизвестна исследователю. Общая цель оценки заключается в получении информации о технологии производства (эластичность шкалы, предельная производительность вводов, и т. д.) и о неэффективности (присутствует ли она и как она связана с различными факторами среди (x, z) , учитывая некоторый эталон

$$S_n = \{(X_i, Z_i, Y_i) | i = 1, \dots, n\}. \quad (4)$$

Как видно из логики моделирования, значительное число результатов определяется простым методом статистического перебора, поэтому эта классическая, полностью параметрическая, гомоскедастическая установка *SFA* является, на наш взгляд, хорошим началом для исследований, но может быть очень ограниченной, навязывая такую форму отраслевой структуры, которую практически невозможно проверить на практике.

В данной статье мы показываем, что применение в качестве базовой формы отраслевой структуры распределение предприятий по канонической форме ценологического распределения, которая определяется в результате выявления аппроксимационной формы ранжированного представления наблюдаемых результатов предприятий отрасли таких, как объем выпуска, доход и т. п. по формуле:

$$f(R, w_1, b) := \frac{w_1}{R^b}, \quad (5)$$

где R — число рангов (в данном случае предприятий отрасли);

w_1 — объемное значение предприятия 1-го максимального ранга (например, доходности за период);

b — характеристический показатель [18].

Полученная в результате кривая гиперболического распределения и теоретические значения показателей для каждого ранга (предприятия) представляет собой некоторый идеальный вариант структурного состояния отрасли, вероятность достижения которого высока (на графике рисунка 1 представле-

на сплошной линией). Сам график распределения позволяет давать системную оценку распределения объектов по параметру в целом и объекты с аномальными значениями относительно расчетной формы распределения, представленную иллюстративно.

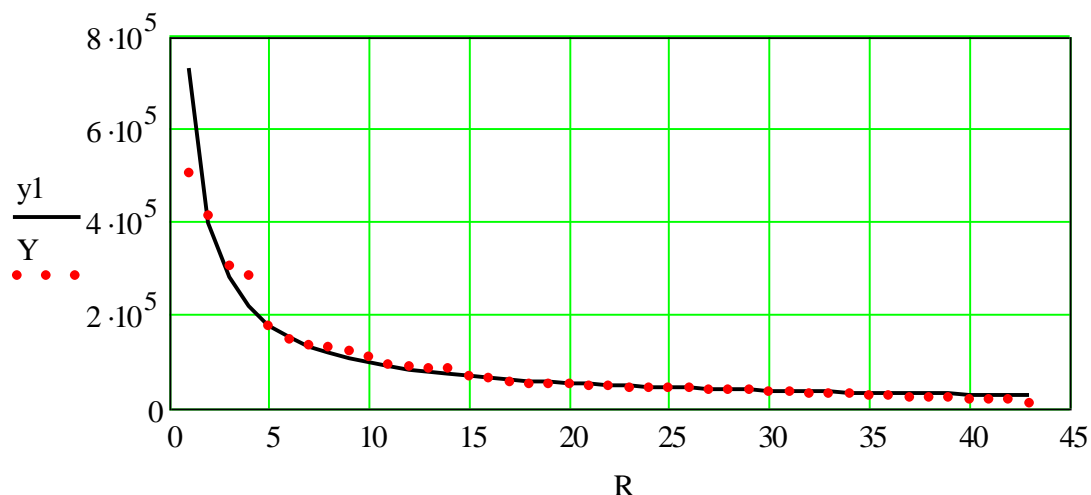


Рисунок 1 — Гиперболическое распределение потребления предприятий энергетической отрасли Ростовской области за 2017 г. (тыс. кВт/ч)*

* Составлен на основе данных ОАО «МРСК Юга». По оси ординат представлен объем реализованной энергии за год, по оси абсцисс — место предприятия, ранжированное по убыванию.

Данное предположение опирается на доказанные в многочисленных исследованиях свойства крупномасштабных систем ценологического типа, к которым относится отрасль, заключающихся в наличии идеальной теоретической формы распределения, закономерностях ее динамики, отражающих некоторое оптимальное распределение совокупного ограниченного ресурса [20].

Использование ценологического подхода дает более точный результат при моделировании, опираясь на признание единственно-возможной формы распределения предприятий отрасли с точки зрения принципов функционирования крупномасштабных экономических систем ценологического типа¹.

¹ Природа и механизмы формирования таких систем подробно рассмотрены в [19].

Наш подход можно рассматривать как полупараметрическую версию метода «модифицированных OLS», который был введен в качестве альтернативы методу MLE для SFA в параметрических установках. Мы утверждаем, что можем идентифицировать локальную асимметрию распределения предприятий отрасли, которая формирует экономическую неэффективность. Затем, проведя аппроксимацию распределения способны получить его оптимальный вариант, где для каждого предприятия с аномальными характеристиками рассчитана граница его асимметрии, которая и может быть управляема извне. Эти предположения делают оценки, которые более надежными, чем те, которые были получены с помощью подходов с использованием методов правдоподобия, вариации и т. п.

Выводы

Объединение классического ценологического инструментария и параметрического анализа эффективности позволяет получить подход, свободный от допущений о технологической границе, позволяющий вычислять действительное отклонение значений, в отличие от статистического шума, определять уровень локальной неэффективности, которая влияет на экономический эффект всей отрасли — ценоза.

Результаты оценки, полученные с использованием ценологического инструментария и графического представления для иллюстрации реальных данных, довольно интересны и интуитивно понятны, раскрывают информацию, которая не очевидна без надлежащей оценки.

Библиографический список

1. *Phan, T. N., Baird, K.* Comprehensiveness of environmental management systems: influence of institutional pressures and impact on environmental performance. — 2015. — Vol. 160. — P. 45–56.
2. *Podsakoff, P. M., MacKenzie, S. B., Lee, J. Y., Podsakoff, N. P.* Common method biases in behavioral research: critical review of literature and recommended remedies // *Appl. Psychol.* — 2003. — № 88 (5). — P. 879–903.
3. *Figge, F., Hahn, T., Schaltegger, S., Wagner, M.* Sustainability balanced scorecard linking sustainability management to business strategy // *Business. Strategy. Environ.* — 2002. — № 11 (5). — P. 269–284.
4. *Bhupendra, K. V., Sangle, S.* What drives successful implementation of pollution prevention and cleaner technology strategy? The role of innovative capability // *Environ. Manag.* — 2015. — № 155. — P. 184–192.
5. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России : моногр. / под науч. ред. В. В. Ивантера. — М. : Научный консультант, 2017.
6. *Crutzen, N., Herzig, C.* Review of empirical research in management control, strategy and sustainability // *Songini, L., Pistoni, A., Herzig, C.* (eds.) *Accounting and control for sustainability, studies in managerial and financial accounting.* — Bingley, 2013. — P. 165–219.
7. *Chan, R. Y.* Does the natural-resource-based view of the firm apply in an emerging economy? A survey of foreign invested enterprises in China // *Manag. Stud.* — 2005. — № 42 (3). — P. 625–672.
8. *Hart, S. L., Dowell, G.* Natural resource based view of the firm: fifteen years after // *Management.* — 2011. — № 37 (5). — P. 1464–1479.
9. *Чупров, С. В.* Управление устойчивостью производственных систем: теория, методология, практика. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012.
10. *Farrell, M.* Measurement of Productive Efficiency // *Journal of Royal Statistical Society.* — 1957. — Vol. 120, Series A (General). — P. III. — P. 11–290.
11. *Førsund, F., Hjalmarsson, L.* Generalized Farrell Measures of Efficiency: Application to Milk Processing in Swedish Dairy Plants // *Economic Journal.* — 1979. — Vol. 89. — P. 294–315.
12. *Li, S.-K., Ng, Y.-C.* Measuring the Productive Efficiency of a Group of Firms // *International Advances in Economic Research.* — 1995. — Vol. 1 (4). — P. 377–390.
13. *Nesterenko, V., Zelenyuk, V.* Measuring Potential Gains from Reallocation of Resources // *Prod Analytics.* — 2007. — № 28. — P. 107–116.
14. *Koopmans, T. C.* Three essays on state of economic analysis. — McGraw-Hill, New York, 1957. — P. 506.
15. *Cesaroni, G., Giovannola, D.* Average-cost efficiency and optimal scale sizes in non-parametric analysis // *Operat. Res.* — 2015. — № 242. — P. 121–133.
16. *Fäare, R., Grosskopf, S., Zelenyuk, V.* Aggregation of cost efficiency: indicators and indexes across firms // *Acad. Econ. Pap.* — 2004. — № 32. — P. 395–411.

17. *Simar, L., Wilson, P. W.* Inference from Cross-Sectional Stochastic Frontier Models // *Econometric Review*. — 2010. — № 29, 1. — № 62–98.

18. *Kuzminov, A. N., Dzhukha, V. M., Ternovskiy, O. A.* Methodology of Structural Stability Management for Industrial Enterprises // *European Research Studies Journal*. — 2017. — Т. 20. — № 3В. — P. 260–268.

19. *Кудрин, Б. И.* Классика технических ценозов. Общая и прикладная ценология. — Томск : ТГУ — Центр системных исследований, 2006. — Вып. 31. «Ценологические исследования».

20. *Кузьминов, А. Н., Коростиева, Н. Г., Филиппов, С. В.* Развитие моделей управления устойчивостью промышленных предприятий // *Вопросы регулирования экономики*. — 2016. — Т. 7. — № 3. — С. 65–78.

Bibliographic list

1. *Phan, T. N., Baird, K.* Comprehensiveness of environmental management systems: influence of institutional pressures and impact on environmental performance. — 2015. — Vol. 160. — P. 45–56.

2. *Podsakoff, P. M., MacKenzie, S. B., Lee, J. Y., Podsakoff, N. P.* Common method biases in behavioral research: critical review of literature and recommended remedies // *Appl. Psychol.* — 2003. — № 88 (5). — P. 879–903.

3. *Figge, F., Hahn, T., Schaltegger, S., Wagner, M.* Sustainability balanced scorecard linking sustainability management to business strategy // *Business. Strategy. Environ.* — 2002. — № 11 (5). — P. 269–284.

4. *Bhupendra, K. V., Sangle, S.* What drives successful implementation of pollution prevention and cleaner technology strategy? The role of innovative capability // *Environ. Manag.* — 2015. — № 155. — P. 184–192.

5. Structural and investment policy in order to ensure economic growth in Russia : monograph / scientific. ed. by

V. V. Ivanter. — M. : Scientific consultant, 2017.

6. *Crutzen, N., Herzig, C.* Review of empirical research in management control, strategy and sustainability // *Songini, L., Pistoni, A., Herzig, C.* (eds.) *Accounting and control for sustainability, studies in managerial and financial accounting*. — Bingley, 2013. — P. 165–219.

7. *Chan, R. Y.* Does the natural-resource-based view of the firm apply in an emerging economy? A survey of foreign invested enterprises in China // *Manag. Stud.* — 2005. — № 42 (3). — P. 625–672.

8. *Hart, S. L., Dowell, G.* Natural resource based view of the firm: fifteen years after // *Management*. — 2011. — № 37 (5). — P. 1464–1479.

9. *Chuprov, S. V.* Management of the stability of production systems: theory, methodology, practice. — Irkutsk : Publishing House of Belarusian State University of Economics, 2012.

10. *Farrell, M.* Measurement of Productive Efficiency // *Journal of Royal Statistical Society*. — 1957. — Vol. 120, Series A (General). — P. III. — P. 11–290.

11. *Førsund, F., Hjalmarsson, L.* Generalized Farrell Measures of Efficiency: Application to Milk Processing in Swedish Dairy Plants // *Economic Journal*. — 1979. — Vol. 89. — P. 294–315.

12. *Li, S.-K., Ng, Y.-C.* Measuring the Productive Efficiency of a Group of Firms // *International Advances in Economic Research*. — 1995. — Vol. 1 (4). — P. 377–390.

13. *Nesterenko, V., Zelenyuk, V.* Measuring Potential Gains from Reallocation of Resources // *Prod Analitcs*. — 2007. — № 28. — P. 107–116.

14. *Koopmans, T. C.* Three essays on state of economic analysis. — McGraw-Hill, New York, 1957. — P. 506.

15. *Cesaroni, G., Giovannola, D.* Average-cost efficiency and optimal scale sizes in non-parametric analysis // *Eur. J. Operat. Res.* — 2015. — № 242. — P. 121–133.

16. *Fäare, R., Grosskopf, S., Zelenyuk, V.* Aggregation of cost efficiency: indicators and indexes across firms // *Acad. Econ. Pap.* — 2004. — № 32. — P. 395–411.

17. *Simar, L., Wilson, P. W.* Inference from Cross-Sectional Stochastic Frontier Models // *Econometric Review.* — 2010. — № 29, 1. — № 62–98.

18. *Kuzminov, A. N., Dzhukha, V. M., Ternovskiy, O. A.* Methodology of Structural Stability Management for Industrial Enterprises // *European Research Studies Journal.* — 2017. — Т. 20. — № 3В. — P. 260–268.

19. *Kudrin, B. I.* Classics of technical cenosis. General and Applied Cenology. — Tomsk : TSU — Center for System Studies, 2006. — Vol. 31 «Cenological research».

20. *Kuzminov, A. N., Korostieva, N. G., Filippov, S. V.* Development of models of management of stability of industrial enterprises // *Issues of economic regulation.* — 2016. — Vol. 7. — № 3. — P. 65–78.

20. *Kuzminov, A. N., Korostieva, N. G., Filippov, S. V.* Development of models of management of stability of industrial enterprises // *Issues of economic regulation.* — 2016. — Vol. 7. — № 3. — P. 65–78.

Г. О. Перов

РОЛЬ МОДЕЛЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ «ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ» РЕГИОНА

Аннотация

В статье доказана необходимость разработки новых и модернизации существующих моделей предпринимательской деятельности при формировании в регионах России «цифровой экономики». Обоснованы направления создания таких моделей и соответствующая методология. Представлены эмпирические данные.

Ключевые слова

Цифровая экономика, бизнес, риски, инфраструктура.

G. O. Perov

ROLE OF MODELS OF ENTERPRISE ACTIVITY IN FORMATION OF «DIGITAL ECONOMY» OF REGION

Annotation

In article necessity of working out new and modernizations of existing models of enterprise activity at formation in regions of Russia of «digital economy» is proved. Directions of creation of such models and corresponding methodology are proved. The empirical data is presented.

Keywords

Digital economy, business, risks, infrastructure.

Актуальность проблемы формирования моделей предпринимательской деятельности в «цифровой экономике»

Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28.07.2017 утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». На регионы страны возложе-

ны задачи кроме формирования инфраструктуры, осуществлять практические мероприятия с участием малого и среднего бизнеса.

На взгляд автора статьи, именно новые модели предпринимательской деятельности, в основе которых должны находиться современные технологии,

являются связующим понятийным и практическим звеном в модернизационных процессах. Если такие модели не будут предусмотрены в региональной и муниципальных стратегиях продвижения «цифровой экономики», неизбежно возникновение системных противоречий. Такие противоречия возникнут между существующими практиками ведения бизнеса и объективными потребностями экономического развития.

Переход к институциональной модели «цифровой экономики» обусловлен объективными законами и потребностями в развитии страны. Как замечает С. Гуриев, «Если мы в ближайшие десятилетия собираемся сократить отставание от развитых стран, спор о том, растет ли российская экономика на 1 % или 2 % в этом году, абсолютно не важен. Российские доходы на душу населения ниже американских примерно в три раза. И чтобы сократить отставание, например, до полутора раз за 25 лет, темпы роста России должны опережать американские на три процентных пункта каждый год» [1]. Технологии трансформируют рабочие места и значительно повышают производительность труда [2]. И в этом отношении сегодня наблюдаются нарастающие экономические дисфункции. К примеру, российская молодежь негативно высказывается по отношению к современным организационным аспектам ведения бизнеса представителями старшего поколения, считая их архаичными и не соответствующими современным реалиям даже несмотря на большое количество компьютеров в офисах [3]. При этом речь идет не о самих компьютерах, а о современных технологических решениях и практиках коммуникаций в принятии управленческих решений на основе современных технологий, которые редки в малом и среднем бизнесе. Как результат — замедление прохождения управленческих сигналов и низкая производительность труда. Именно на устранение такого ро-

да дисфункций и нацелена программа создания в стране «цифровой экономики» [4]. Речь идет о необходимости кардинальных преобразований в организации ведения бизнеса. В качестве иллюстрации приведенного тезиса упомянем Поручение (№ Пр-1235 от 19.07.2018) Президента РФ Путина В. В. Правительству по переходу строительной отрасли на технологии информационного моделирования до 1 июля 2019 г. Текст поручения звучит следующим образом:

«В целях модернизации строительной отрасли и повышения качества строительства обеспечьте:

- переход к системе управления жизненным циклом объектов капитального строительства (далее — система управления) путем внедрения технологий информационного моделирования;
- применение типовых моделей системы управления (проектной, строительной, эксплуатационной и утилизационной), в первоочередном порядке в социальной сфере; утверждение показателей эффективности системы управления; принятие стандартов информационного моделирования, а также гармонизацию ранее принятых нормативно-технических документов с международным и российским законодательством;
- формирование библиотек типовой проектной документации для информационного моделирования;
- подготовку специалистов в сфере информационного моделирования в строительстве;
- стимулирование разработки и использования отечественного программного обеспечения для информационного моделирования» [5].

Из приведенной цитаты видно, что цифровое моделирование рассматривается Президентом не как исключительно техническая проблема, но как инструмент повышения качества строительной деятельности, затрагивающий весь цикл от проектирования до эксплуатации зданий с их последующей утилизацией. В

настоящий момент Минстрой РФ работает над паспортом национального проекта «Цифровое строительство», который должен дать мощный импульс цифровизации упомянутой отрасли.

Применительно к рассматриваемой в настоящей статье проблематике сказанное означает необходимость, не дожидаясь 2019 г., начать в регионах переход организаций к применению цифровых моделей в практической деятельности. Для этого потребуется не только подготовить соответствующих специалистов (на что необходимо не менее года), но и преобразовать организационную, а также технологическую субкультуру. Сделать это в условиях непрерывно функционирующего бизнеса крайне сложно, но необходимо.

Необходимы обоснованные методологически алгоритмы трансформации бизнеса к особенностям новых технологий. Сможет ли отдельно взятая организация самостоятельно решить упомянутую проблему? Отрицательный ответ очевиден. Выход же состоит в разработке на региональном уровне типовых моделей перехода малого и среднего бизнеса к практикам функционирования в условиях «цифровой экономики», учитывающих местный контекст и уровень знаний соответствующих акторов.

Методологические основания разработки экономических моделей предпринимательской деятельности

Продвижение новаций — эволюционный процесс развития идей, которые в свою очередь рождают другие большие идеи [6]. В полной мере сказанное относится и к реализации проекта формирования «цифровой экономики» и практикам использования в его рамках аналитического инструментария.

С методологической точки зрения речь необходимо вести о целенаправленном формировании «желаемого будущего», для чего существует апробированный в экономической науке инструментарий сценарного планирова-

ния. «Анализ сценариев является способом структурирования восприятия будущего, выявления потенциальных проблем, поиска дополнительных возможностей для развития, идентификации барьеров, а также повышения готовности оперативно реагировать на эволюционные изменения. На практике сценарии и связанные с ними модели могут помочь лицам, принимающим решения определить пути развития с учетом существования нежелательных рисков» [6]. В рассматриваемом нами контексте необходимо осуществлять разработку моделей предпринимательской деятельности в формировании «цифровой экономики» с учетом сценариев эволюции региональной экономики.

В числе базовых элементов упомянутых сценариев должны учитываться следующие факторы:

- наличие или отсутствие у субъектов предпринимательской деятельности мотивации внедрения организационных новаций, имеющих отношение к применению в практической деятельности цифровых технологий;
- наличие у органов регионально-го управления обоснованной стратегии перехода к «цифровой экономике» и соответствующих «дорожных карт»;
- наличие или отсутствие на региональном и муниципальном уровне координационных структур, оказывающих содействие переходу к «цифровой экономике»;
- наличие у региона типовых моделей перехода малого и среднего бизнеса к повышенному уровню цифровизации повседневной деятельности;
- осуществление программ просвещения, подготовки и переподготовки кадров по профильной тематике;
- когнитивные карты перехода от существующих практик ведения бизнеса, к практикам, основанным на высоких технологиях;
- существование профессиональных сообществ бизнес-экспертов и кон-

сультантов, способных осуществить поддержку внедрения новых моделей.

Упомянутое автором статьи должно найти отражение в соответствующих региональных программах, а также в деятельности региональных структур поддержки малого и среднего бизнеса. Только в таком случае можно будет вести речь о конкретных результатах выполнения указаний президента и правительства страны, переведенных на региональном уровне в практическую плоскость.

Вторым метаметодологическим инструментом должно стать комплексное управление рисками внедрения новаций. В России существуют ГОСТы по управлению рисками серии 31 000. Проблема в добровольном характере применения упомянутых нормативных актов.

По ориентировочным подсчетам автора настоящей статьи, речь идет о сотнях рисков, которые должны быть учтены при разработке рассматриваемых

моделей и интерпретированы с учетом контекста осуществления предпринимательской деятельности. Упомянутое многообразие рисков позволяет понять, почему подход риск-менеджмента так важен в цифровой окружающей среде.

Результаты социологического исследования востребованности моделей предпринимательской деятельности

В августе 2018 г. автором статьи было проведено социологическое исследование восприятия предпринимателями возможностей участия в «цифровой экономике». Исследование проводилось в городах Ростове-на-Дону и Таганроге методом телефонного интервью (всего было опрошено 56 человек, из них три респондента отказались участвовать в интервьюировании, ссылаясь на различные причины).

Респондентам были заданы следующие вопросы и получены представленные в таблицах ответы:

Знаете ли Вы об инициативе правительства РФ по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации»?

Варианты ответов	Кол-во ответов	Процент
Слышал и понимаю, о чем идет речь в публикациях масс-медиа	–	–
В свободном доступе отсутствуют сведения, позволяющие понять экономическую и иную выгоду «цифровой экономики» применительно к деятельности конкретного предприятия	16	32
Слышал, но не понимаю, какое отношение эта программа может иметь к трансформации моего бизнеса	28	56
В последние годы много говорят о компьютеризации. У меня в офисе компьютер стоит, и этого считаю достаточно для участия в «цифровой экономике»	11	11
Не слышал об этой новации и не понимаю, о чем идет речь	1	2
Всего	56	100

Обобщая приведенные ответы необходимо вести речь о высоком уровне субъективности восприятия малым и средним бизнесом рассматриваемой экономической новации власти. При этом федеральные масс-медиа де-факто не донесли до бизнес-аудитории локально значимые выгоды внедрения «цифровой экономики». Цифровые тех-

нологии не осязаемы и потому сложно неподготовленным акторам понять, как именно абстрактная «цифровая экономика» способна повлиять на повышение производительности и эффективности труда, улучшить навыки трудовых ресурсов и способствовать решению иных проблем бизнеса. Из приведенного тезиса следует необходимость грамотно

выстроенной просветительской деятельности, которая должна осуществляться не только через распространение профильных печатных материалов и СМИ, но и через социальные сети. Со-

ответствующие паттерны должны отражаться в первую очередь в типовых моделях осуществления предпринимательской деятельности, о которых речь идет в настоящей статье.

Имеется ли среди Ваших знакомых или коллег люди, которые могли бы оказать Вам содействие при внедрении принципиально новых цифровых технологий, таких как цифровое моделирование, способных повысить эффективность ведения бизнеса?

Варианты ответов	Кол-во ответов	Процент
Да, у меня имеются такие знакомые и коллеги	1	2
Вообще этими вопросами должны заниматься специализированные компании, а у меня таких знакомых нет	42	84
Я не нуждаюсь во внедрении в бизнес каких-то принципиально новых цифровых технологий	8	16
Затрудняюсь ответить	5	10
Всего	56	100

Изучение представленных выше ответов респондентов позволяет сделать вывод, в соответствии с которым окружающая предпринимателей социальная и профессиональная среда не может оказать помощь во внедрении в бизнес-практики принципиально новых цифровых технологий. Несмотря на информационный шум, связанный с продвижением идей «цифровой экономики», значимые для реорганизации профессиональной деятельности сведения на практике крайне трудно получить.

В мире большого разнообразия данных, значимые для осуществления предпринимательской деятельности сведения прибывают из многочисленных и несоизмеримых по ценности источников. Скрытый процесс структурированного в интересах ведения предпринимательской деятельности синтеза отсутствует, и это зачастую становится непреодолимым барьером для сбора полезных сведений и внедрения передовых практик. Сказанное означает необходимость внедрения в рассматриваемые модели механизмов трансфера знаний и получения оперативных сведений об особенностях протекания рыночных процессов.

Роль государственных и муниципальных структур в вопросах интеграции моделей в региональные (муниципальные) программы «цифровой экономики»

Создание «цифровой экономики» совпало в России с формированием так называемых «умных городов». Под термином «умный город» понимается город, «все более и более составляемый из проникновения вездесущих вычислений» [8]. Все упомянутые факторы должны обрести новое качество в условиях «цифровой экономики».

Умные города призваны помочь гражданам эффективно применять цифровые технологии для повышения качества жизни [9]. Рассматриваемый тренд, над которым призваны работать региональные и муниципальные власти будет реализовываться на практике, он должен найти отражение в сценариях экономического развития территорий и предлагаемых бизнесу для внедрения моделях экономической деятельности. Но для разработки таких сценариев необходимы профильные эксперты, которых сегодня на территориях практически нет. Вопрос формирования соответствующего экспертного сообщества

должен быть зафиксирован в региональной и муниципальной стратегиях формирования «цифровой экономики».

Необходимо учитывать, что при реализации проектных мероприятий «цифровой экономики» на муниципальном уровне существуют угрозы дисбаланса местных и государственных интересов [10]. В силу многочисленных объективных и субъективных причин не все муниципальные образования готовы к внедрению моделей, к примеру, «цифровых городов» и стимулирования цифровых форм предпринимательской деятельности. Этот факт и соответствующие меры по снижению влияния фактора экономической стратификации необходимо учесть при разработке региональных программ, о которых идет речь и связанных с ними индикаторов эффективности взаимодействия власти и бизнеса.

В настоящее время за рубежом для оценки продвижения «цифровой экономики» используется так называемый «индекс цифровой эволюции» [11]. Соответствующую систему индикаторов необходимо разработать и на муниципальном уровне. Один или несколько индикаторов должны отражать продвижение малого и среднего бизнеса к практикам цифровизации как инструменту повышения производительности и качества труда.

Заключение

Объективно необходимо преобразование моделей управления и ведения бизнеса с учетом формирующихся реалий «цифровой экономики». При разработке региональных и муниципальных программ этот фактор необходимо рассматривать в первую очередь. Без тщательно проработанных моделей невозможна не только модернизация бизнес-процессов, но и формирование в регионе «умных городов». Упомянутые идеи взаимосвязаны и должны рассматриваться на всех уровнях регионального и муниципального управления.

Дальнейшая исследовательская работа по созданию моделей предпринимательской деятельности значимых для формирования «цифровой экономики» региона предполагает разработку алгоритмов создания и продвижения моделей, учет факторов риска применения моделей. Актуализируется проблематика организации экспертно-консультативной поддержки предпринимателей в вопросах внедрения моделей и адаптации их к условиям контекста предпринимательской деятельности и решение ряда других вопросов.

Кроме того, для повышения объективности экономического анализа требуется разработать модели не только легальной, но и теневой деятельности в рамках формирования «цифровой экономики». Феномен теневого цифрового бизнеса уже существует в регионах и необходимо понимать его специфику, чтобы эффективно противостоять криминализации экономической деятельности.

Библиографический список

1. *Гуриев, С.* Промежуточные институты. Каковы условия и риски их работы // Фонд Карнеги. — 2017. — Ноябрь.
2. Паспорт приоритетной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 30.08.2017 № 9).
3. *Перов, Г. О., Кузьменко, Н. Ф., Кудрявцев, Д. И.* Социальный капитал и социально трудовые ожидания выпускников вузов на рынке труда : моногр. — М. : РУСАЙНС, 2017.
4. *Перов, Г. О.* Инновационные подходы в управлении социально-экономическим развитием российских регионов // Социально-гуманитарные проблемы современной науки и пути их решения : материалы V Всерос. науч. конф. — Челябинск, 2013.

5. <http://www.ancb.ru/publication/read/6621>.

6. *Nisbet, R.* Idea of Progress // Literature of Liberty: Review of Contemporary Liberal Thought. — 1979. — № 2, 1.

7. *Бондаренко, С. В.* Использование современных методов сценарного подхода при разработке стратегий развития // Проблемы и перспективы развития различных направлений туристской деятельности в Союзном государстве. Материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства (Заседание 47, г. Брест, 10–11 ноября 2016 г.) / под ред. С.Г. Стрельченко. — Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2016. — С. 70–77.

8. *Kitchin, R.* Real-Time City? Big Data and Smart Urbanism // *GeoJournal*. — 2013. — Т. 79. — № 1. — P. 1–14.

9. *Torrens, P. M.* Wi-Fi Geographies // *Annals of Association of American Geographers*. — 2008. — Т. 98. — № 1. — P. 59–84.

10. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Изменение баланса интересов государственной власти и местного самоуправления / под ред. Е. С. Шугриной. — М.: Проспект, 2017.

11. *Digital Planet 2017: How Competitiveness and Trust in Digital Economies Vary Across the World.* — Tufts: University, 2017.

Bibliographic list

1. *Guriev, C.* Intermediate institutes. What conditions and risks of their work // Fund of Carnegie. — 2017. — November.

2. Passport of priority program «Increase in Labour Productivity and Support of Employment» (presidium of Council under President of Russian Federation for

strategic development and priority projects, protocol from 30.08.2017 № 9).

3. *Perov, G. O., Kuzmenko, N. Ph., Kudryavtsev, D. I.* Social capital and socially labor expectations of university graduates in labor market : monogr. — М.: RUSAYNS, 2017.

4. *Perov, G. O.* Innovative approaches in management of social and economic development of Russian regions // Social and humanitarian problems of modern science and way of their decision : materials of V All-Russian scientific conf. — Chelyabinsk, 2013.

5. <http://www.ancb.ru/publication/read/6621>.

6. *Nisbet, R.* Idea of Progress // Literature of Liberty: Review of Contemporary Liberal Thought. — 1979. — № 2, 1.

7. *Bondarenko, S. V.* Use of modern methods of scenario approach when developing strategy of development // Problems and prospects of development of various directions of tourist activity in Allied state. Materials of constantly operating seminar at the Parliamentary Meeting of Union of Belarusiya and Russia concerning construction of Allied state (Meeting 47, Brest, November, 10–11, 2016) / ed. by S. G. Strelchenko. — Minsk: Center of system analysis and strategic researches NAN of Belarus, 2016. — P. 70–77.

8. *Kitchin, R.* Real-Time City? Big Data and Smart Urbanism // *GeoJournal*. — 2013. — Т. 79. — № 1. — P. 1–14.

9. *Torrens, P. M.* Wi-Fi Geographies // *Annals of Association of American Geographers*. — 2008. — Т. 98. — № 1. — P. 59–84.

10. Report on condition of local government in Russian Federation: Change of balance of interests of government and local self-government / ed. by E. S. Shugrina. — М.: Avenue, 2017.

11. *Digital Planet 2017: How Competitiveness and Trust in Digital Economies Vary Across the World.* — Tufts: University, 2017.

М. А. Пономарёва, Л. Р. Хайбуллин

**СИСТЕМА ПРИОРИТЕТОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РЕГИОНОВ РОССИИ: ПОЭЛЕМЕНТНЫЙ АНАЛИЗ
И ЦЕЛЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ**

Аннотация

Пути модернизации российской экономики лежат в плоскости решения проблем пространственного развития страны, так как активизация именно региональных инструментов управления и стимулирования роста регионов способна сгладить диспропорции развития территорий и обеспечить экономический рост всей страны в целом.

В статье рассмотрены основные группы приоритетов социально-экономического развития регионов, новые направления в разработке стратегий регионального развития, учитывающие приоритеты каждого отдельного региона. Автором предложен алгоритм разработки региональных программ социально-экономического развития через призму установления взаимосвязей основных целей и приоритетов развития региона, а также целевые индикаторы выполнения региональных программ. Кроме того, отмечено, что получению заметных темпов роста способствует такая финансовая стабильность, которую возможно достичь только за счет инвестирования в технологическое развитие и человеческий капитал, что подразумевает увеличение объемов капиталовложений в образование и здравоохранение.

Ключевые слова

Региональное развитие, приоритеты региона, целевые индикаторы развития, стратегия регионального развития.

М. А. Ponomariova, L. R. Khaibullin

**SYSTEM OF PRIORITIES OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF RUSSIAN REGIONS: ELEMENT-BY-ELEMENT ANALYSIS
AND TARGET INDICATORS**

Annotation

Ways of modernization of Russian economy lie in the plane of solving the problems of spatial development of country, as activation of regional management tools and stimulate the growth of regions is able to smooth the imbalance of development of territories and ensure economic growth of country as a whole.

Article deals with the main groups of priorities of socio-economic development of regions, new directions in development of regional development strategies that take into account the priorities of each individual region. Author proposes an algorithm for development of regional programs of socio-economic development through the prism of establishing relationships between the main goals and priorities of region, as well as target indicators of regional programs. In addition, it was noted that financial stability, which can be achieved only through investment in technological development and human capital, which implies an increase in investment in education and health, contributes to achievement of significant growth rates.

Keywords

Regional development, priorities of region, target indicators of development, strategy of regional development.

Введение

Специфика России как огромного государства с культурными, историческими, географическими, климатическими и другими особенностями, диктует необходимость использования и специфических методов при формировании территориальных стратегий развития. В последнее десятилетие большое внимание уделяется вопросам модернизации, которая зарождается не в стране в целом, а в конкретных городах и регионах. Соответственно, для этого города и регионы России должны быть наделены соответствующими полномочиями и иметь достаточное количество ресурсов, для чего требуется признание асимметрии развития регионов на самом высоком уровне. Необходимо это для того, чтобы приспособить федеративные механизмы к особенностям текущего экономического состояния отдельных групп регионов.

Исследовательские данные и об- суждение

Как показывает опыт передовых регионов РФ, стратегия развития на долгосрочную перспективу должна быть выстроена по трем группам приоритетов:

первая группа обеспечивает новое качество жизни и создает условия для преумножения человеческого капитала; в этой группе находятся все приоритеты в сфере образования, здравоохранения, культуры, социальной и жилищной политики;

вторая группа обеспечивает выполнение задач новой индустриализации и создает условия для развития промышленности, инноваций и науки в регионе;

третья группа позволяет обеспечить сбалансированное развитие региона и создать максимально комфортные условия для проживания и ведения бизнеса в нем; сюда входит инфраструктурное развитие, развитие туризма, экологическая безопасность.

При выстраивании системы приоритетов социально-экономического развития региона, с их последующим учетом при разработке стратегии регио-

нального развития, необходимо учесть несколько аспектов:

– формирование системы приоритетных направлений развития региона означает, что будет также сформирован определенный перечень задач и соответствующих им проектов, поэтому фактически в регионе будет осуществлен переход к проектному планированию. Этот переход означает использование межведомственного подхода при реализации приоритетных проектов и закрепление за каждым проектом координатора-исполнителя, а за каждым мероприятием — ответственного исполнителя и соисполнителей, которыми станут как представители органов власти, так и предприниматели, вузы, научные сообщества, общественные организации и т. д.;

– уровень детализации приоритетных проектов должен быть достаточно высокий, то есть при разработке стратегии должны быть учтены все мероприятия стратегического характера без учета текущей деятельности региональных министерств, но в то же время их формулировка должна быть максимально конкретной, содержащей указание этапов реализации, сроков исполнения и ответственных лиц;

– положения стратегии должны быть жестко привязаны к приоритетам регионального развития. Все мероприятия, осуществляемые в рамках региональной стратегии, должны быть сгруппированы по соответствующим приоритетам. Оценка ожидаемого результата в этом случае будет осуществляться путем сравнения базовых и конечных значений, а также отдельных промежуточных показателей по каждому этапу реализации. Такой подход позволяет повысить точность планирования на краткосрочный период и связать краткосрочные задачи с долгосрочными;

– в систему приоритетов следует включить методологию оценки достижения поставленных задач, которая будет сформирована целевыми показателями «второго» уровня или ключевыми

событиями, позволяющими оценить успешность реализации каждого отдельного мероприятия;

– важнейшим приоритетом развития каждого региона должно стать накопление и рост человеческого капитала: создание конкурентоспособного образования, повышение качества работы медицинских учреждений, профилактика заболеваний и формирование принципов здорового образа жизни, доступность социального обслуживания населения, улучшение жилищных условий. Для оценки достижения целей в этом направлении может применяться индекс развития человеческого потенциала, который в данном случае выступит в качестве инструмента определения социально-экономических приоритетов устойчивого развития региона [3];

– для большей доли регионов РФ актуальным будет выделить в качестве приоритетных направлений развития повышение конкурентоспособности промышленного комплекса региона, активизацию инвестиционной и инновационной деятельности. Для этого региональными властями должны быть предусмотрены мероприятия, связанные с содействием реализации крупных инвестпроектов, в результате которых будут созданы новые производства, модернизировано оборудование, произведена реконструкция и технологическое обновление действующих мощностей, расширен ассортимент продукции [1, с. 219];

– для большей части субъектов РФ в качестве приоритетных мероприятий можно выделить те, которые направлены на эффективную кооперацию между промышленностью, наукой и образованием, малым бизнесом и другими агентами экономических отношений в рамках уже существующих или потенциальных кластеров [2]. В этих целях необходимо реализовывать мероприятия, способствующие снижению административных барьеров, поиску и привлечению в регион потенциальных инвесторов, развитию проектного управления и инструментов поддержки бизнеса;

– в конечном итоге грамотно выстроенная система приоритетов социально-экономического развития должна обеспечить решение задачи сбалансированного развития всего региона с помощью создания соответствующего инфраструктурного и экономического каркаса.

Нельзя не отметить и тот факт, что нашей стране необходимы новые инфраструктурные проекты, которые смогут предоставить всем регионам равный доступ к возможностям инновационного развития. На сегодняшний же день действующая инновационная модель развития создает такую ситуацию, в которой центры управления инновационными процессами (как правило, транснациональные компании) забирают себе основную долю созданной добавленной стоимости, из-за чего происходит концентрация финансового и человеческого капитала в весьма ограниченном количестве регионов. Другие территории при этом автоматически превращаются в сырьевую и технологическую периферию, несущую на себе также и экологические и социальные риски [4, с. 36]. В связи с этим основной задачей региональной политики является обеспечение приоритетных направлений развития регионов необходимыми ресурсами, обеспечение регионам подходящих условий для кооперации с другими регионами, органами государственной власти, предпринимательским сообществом и общественными институтами.

Система регионального развития, выстроенная с учетом приоритетов пространственного развития, может состоять из трех основных организаций: министерства региональной политики, комитетов по пространственному планированию, агентств регионального развития. В процессе формирования системы приоритетов регионального развития может произойти корректировка или даже частичное изменение приоритетов, что случается в том случае, если при проведении более подробного анализа ситуации стало ясно, что макроэкономические факторы изменились, или изменилась текущая со-

циально-экономическая ситуация. Немаловажную роль играет выбор пространственного и временного масштаба анализа, так как оно должен обеспечить максимально точное и грамотное стратегическое позиционирование региона.

Если проанализировать современные институциональные модели регионального развития, применяемые на практике, станет очевидно, что они связаны тремя технологиями: интеллектуальной, отвечающей за создание так называемой «картины будущего», помогает выявить в системе текущие проблемы и решить их; управленческой, нацеленной на обеспечение реализации целей регионального развития; политической, целью которой является учета различных факторов регионального развития, согласование интересов и контроля деятельности всех участников процесса.

Формирование системы приоритетов социально-экономического развития регионов России является многоуровневой задачей. В первую очередь требуется проанализировать внешнюю среду и ключевые факторы, оказывающие влияние на развитие региона, произвести оценку глобальных тенденций и вызовов, стоящих перед страной, оценить предпосылки в области стратегического развития регионов. Приоритетные задачи по направлениям развития должны быть приведены в соответствие главным целям и стратегическим приоритетам развития региона. На рисунке 1 представлен алгоритм осуществления такой взаимосвязки, который включает в себя ряд последовательных этапов:

- определение полного перечня задач по направлениям, реализация которых нужна для реализации главной цели и выполнения стратегических приоритетов развития региона;

- формулировка перечня показателей в разрезе каждого стратегического приоритета и определение ключевых показателей эффективности их реализации для каждого этапа достижения определенного приоритета;

- разработка комплекса изменений по сферам ответственности и компетенциям органов исполнительной власти региона, и их последующее внедрение в практику работы региональных властей в целях корректировки их деятельности согласно стратегическим задачам регионального развития и реализации приоритетов развития;

- разработка региональных программ, политик и документов в рамках функционального, отраслевого и территориального блока, что необходимо для достижения главной цели развития региона.

Главная цель развития региона будет достигнута в том случае, если удастся создать эффективную систему стратегического управления, которая предполагает, что концепция социально-экономического развития региона будет жестко встроена в работу органов местного самоуправления и общества [5, с. 32]. В этих целях, как показывает практика передовых российских регионов, оптимальным является создание стратегических целевых команд, которые объединяют представителей государственной власти, экспертов, общественности, бизнеса и других заинтересованных групп.

Анализ текущего состояния экономики и уровня качества жизни является обязательным мероприятием для определения ключевых показателей эффективности, по которым в дальнейшем можно будет судить о том, достигаются ли стратегические приоритеты развития региона. В ходе такого анализа показатели экономического развития и качества жизни необходимо сравнивать как со среднероссийскими значениями и показателями других регионов, так и с теми целевыми значениями, которые предусмотрены региональными программами развития. По результатам анализа определяются основные проблемные зоны в экономике и социальном развитии, а также намечаются точки роста и перспективные отрасли.



Рисунок 1 — Алгоритм разработки региональных программ социально-экономического развития: логика взаимосвязи основных целей и приоритетов развития региона

Метод сравнения показателей качества жизни и экономического развития с другими регионами Российской Федерации является наиболее перспективным и результативным, так как:

– на макроуровне каждый регион конкурирует с другими регионами за финансовые и инвестиционные ресурсы, поэтому именно сравнительный анализ отражает стратегическую конку-

рентоспособность региона и его инвестиционную привлекательность;

– положение региона по качеству жизни выступает в качестве главного индикатора его конкурентоспособности в борьбе за человеческий капитал: лучшие научные, профессиональные, рабочие, предпринимательские кадры будут сосредоточены именно в том регионе, который может предложить своим жителям достойное качество жизни. Если уровень социальной стабильности в регионе снижается, то такой регион рано

или поздно теряет основной стратегический потенциал — квалифицированные кадровые ресурсы.

На рисунке 2 приведена структура целевых индикаторов по основным направлениям социально-экономического развития региона, а также критерии для их оценки. Обратим внимание на то, что из индикаторов социального и инновационного развития региона, может быть выделена часть индикаторов, которые станут основой для оценки развития человеческого капитала.

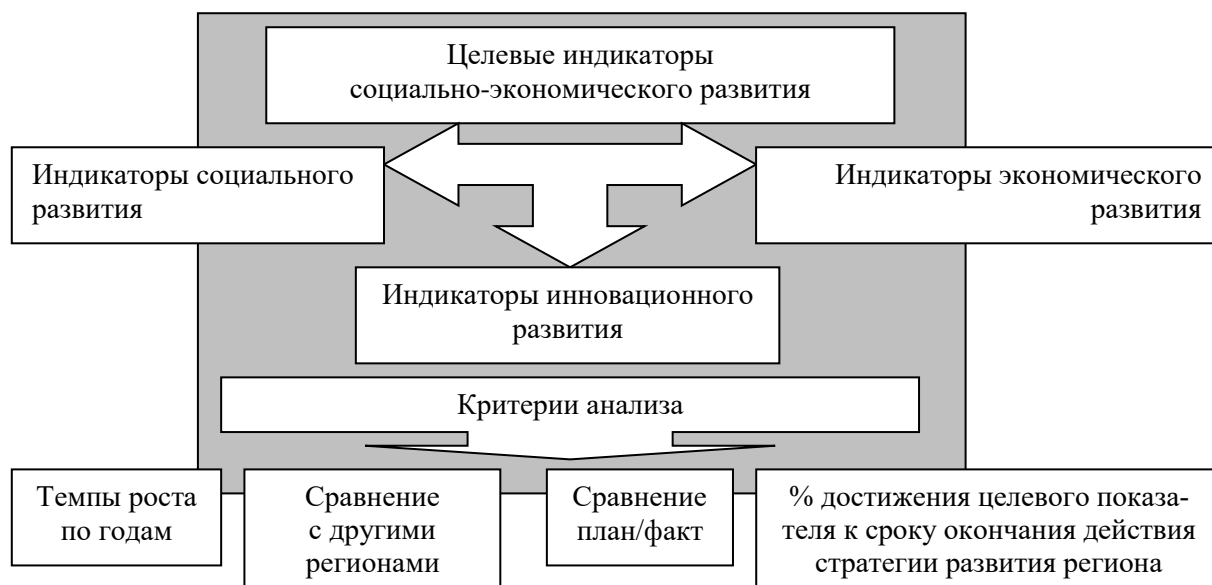


Рисунок 2 — Оценка выполнения целевых показателей региональных программ по основным приоритетным направлениям развития

Выводы

Если в результате проведенного анализа выяснится, что присутствует отставание динамики показателей от других регионов, это будет говорить о том, что имеет место недовыполнение целей социально-экономического развития региона, что будет обусловлено не только внешними, но и внутренними факторами, в том числе несовершенной работой механизмов стратегического управления. В этом случае следует пересмотреть или значительно скорректировать соответствующие региональные программы или изменить механизмы их реализации.

Библиографический список

1. Голова, И. М. Обоснование стратегических приоритетов обеспечения инновационной безопасности регионального развития // Экономика региона. — 2014. — № 3. — С. 218–230.
2. Иджилова, Д. В. Кластерная политика и региональные приоритеты // Управление экономическими системами. — 2013. — № 9.
3. Пономарёва, М. А. Определение приоритетов устойчивого развития региона на основе анализа индекса развития человеческого потенциала // Совре-

менные исследования социальных проблем. — 2011. — Т. 7. — Вып. 3. — Режим доступа : http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/ponomareva_m.pdf.

4. *Скульчес, Д. В.* Совершенствование механизмов разработки и реализации целевых среднесрочных программ социально-экономического развития региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. — 2013. — № 1. — С. 32–40.

5. *Тамагут, П.* Модернизация центра привлекает бизнес и ускоряет развитие городов // Эксперт-Юг. — 2018 — № 5. — С. 29–34.

Bibliographic list

1. *Golova, I. M.* Rationale for strategic priorities ensure security innovation for regional development // Regional Economy. — 2014. — № 3. — P. 218–230.

2. *Idjilova, D. V.* Cluster policy and regional priorities // Management of economic systems. — 2013. — № 9.

3. *Ponomariova, M. A.* Definition of priorities of sustainable development of region on basis of analysis of index of human development // Modern research of social problems. — 2011. — Т. 7. — Vol. 3. — Mode of access : http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/ponomareva_m.pdf.

4. *Sculches, D. V.* Improvement of mechanisms of development and implementation of target medium-term programs of social and economic development of the region // Bulletin of Adyghe State University. Series 5: Economy. — 2013. — № 1. — P. 32–40.

5. *Tamagot, P.* Modernization of center attracts business and accelerates the development of cities // Ekspert-Yug. — 2018. — № 5. — P. 29–34.

И. Н. Рыкова, Д. Ю. Табуров

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

В статье представлено исследование комплекса управленческих мер по выявлению недостатков в организации использования энергетических ресурсов в российской экономике. Оценка энергетического бизнеса, его сильных и слабых сторон, выявление стратегических проблем — атрибут комплексного анализа эффективности использования энергетических ресурсов. Изложен инструментарий внутреннего анализа как комплекса следующих мер: ресурсного анализа экономического потенциала, мониторинга внутренней деятельности с использованием модели цепочки стоимости М. Портера, сравнительной диагностики. Авторами констатируется факт о необходимости интеграции следующих методов внутреннего анализа энергетических потоков: анализа человеческого капитала и корпоративной культуры, анализа финансовых результатов хозяйственной деятельности; SWOT-анализа энергетических ресурсов и их позиционирования на рынке.

В статье говорится о том, что внешний анализ опирается на данные официальной бухгалтерской отчетности, что необходимо учитывать при достижении эффективности использования энергетических ресурсов. Рассмотрен опыт зарубежных стран в области эффективности использования энергетических ресурсов. Так, например, в Индии потенциал энергосбережения составляет 15–30 %. Дана структура суммарных капиталовложений в электроэнергетику. Авторами проведена оценка динамики и структуры экспортных товарных потоков основных энергетических ресурсов

страны. Отмечено, что за анализируемый период сальдо внешнеторгового оборота России с Нидерландами сократилось, в результате чего сформировалось уменьшение экспортного потока нефти.

Предложены организационно-управленческие мероприятия: оптимизация мониторинга и повышение достоверности информации за экспортно-импортными операциями по движению энергетических ресурсов; разработка моделей динамики добычи нефти, цен и их взаимосвязей с факторами; организация единой международной системы оценки и прогнозирования с участием представителей — специалистов из разных стран для укрепления мировой энергетики. Усовершенствован механизм функционирования и развития нефтяного комплекса Российской Федерации сквозь призму регулирования экономики исследуемой отрасли на микроэкономическом уровне.

Ключевые слова

Эффект, эффективность, энергетика, энергетические ресурсы, внутренний анализ, внешний анализ, нефтепродукты.

I. N. Rykova, D. Yu. Taburov

APPROACHES TO ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF USE OF ENERGY RESOURCES: INTERNAL AND EXTERNAL ANALYSIS

Annotation

In article describes the study of set of management actions on identifying gaps in usage of energy resources organizing in Russian economy. Assessment of energy business, its strengths and weaknesses, identifying strategic issues — is an energy resources efficiency comprehensive analyses attribute. Article outlined internal analysis tools as complex of next package: economic potential resource analysis; internal activity monitoring using model of M. Porter's value chain; a comparative diagnostic. Authors noted about need to integrate next inner analysis tools of energy flows: human capital and corporate culture analysis, a result of economic activity analysis, SWOT-analysis — is analysis of energy resources and its positioning on the market. According to article, external review is based on formal accounting records data. Its need to be taken into account when efficient use of energy resources has been achieved. Experience of foreign countries in field of energy resources efficiency was addressed. For example: in India the energy savings potential is 15–30 %.

This article sets the structure of overall investment in electricity. Authors assessed the dynamics and the structure of export commodity flows of major energy resources of country. Noted, that during the analysed period the external trade balance of Russia and Netherlands has decreased. As a result of it, oil export flows reduction has emerged.

Study in article proposes organizational and management outputs: monitoring optimization and enhancing the credibility of the information on energy flow's exports and imports; modeling of oil extraction and price trends, and its linkages with factors; organization of unified international assessment and forecasting system with representatives — specialists from various countries participating, for strengthen the world's energy. Improved functioning and development of Russian Federation oil complex through the prism of economic regulation of studied industry at microeconomic level.

Keywords

Effect, efficiency, energy, energy resources, internal analysis, external analysis, petroleum products.

Введение

В современной системе развития энергетических ресурсов возникает множество проблем, связанных с экономией их добычи, переработки и реализации, в том числе снижение экспортного потенциала страны, увеличение себестоимости технологических и геологоразведочных работ, рост трудоемкости производства. Все эти аспекты свойственны современному механизму взаимодействия энергетических компаний, отраслевого комплекса и государства, не сбалансированному и подверженному высокой нестабильности с позиции реализации государственных программ в сфере обеспечения энергетической безопасности страны.

Материалы и методы

Внутренний анализ [2] включает в себя: ресурсный анализ экономического потенциала; мониторинг и анализ компетенций; оценку внутренней деятельности.

Внешний анализ финансового состояния опирается на данные официальной бухгалтерской отчетности.

Рассмотрим опыт зарубежных стран в области эффективности использования энергетических ресурсов.

В Индии энергоэффективность играет чрезвычайно важную роль, помогая стране решать многочисленные проблемы, стоящие перед энергетикой, сдерживать рост спроса и добиваться достижения целей в области противодействия изменению климата. Потенциал энергосбережения в Индии огромен — около 15–30 % по всем отраслям. По некоторым оценкам, он способен обеспечить совокупную экономию, превышающую 11 млрд долл. Наибольший потенциал экономии энергии существует в промышленности и жилом секторе. Однако возможности повышения энергоэффективности в Индии во многом остаются неиспользованными, что отчасти объясняется нехваткой средств для подобных инвестиций.

Всемирный банк успешно расширяет партнерские отношения с компани-

ей Energy Efficiency Services Limited (EESL), которая координирует и финансирует меры по повышению энергоэффективности жилого и государственного секторов в Индии. Используя комплекс источников финансирования, в том числе взносы учредителей в акционерный капитал, а также займы, предоставляемые партнерами по работе в области развития и коммерческими кредиторами, компания обеспечивает авансовое финансирование инвестиций, а возврат авансов может производиться исходя из экономии энергии потребителями.

Разработав успешную бизнес-модель обслуживания менее крупных потребителей, EESL расширяет рынки энергоэффективных продуктов, снижая цены на них, чтобы сделать их более доступными для широкого потребителя. На сегодняшний день компания уже реализовала 275 млн светодиодных ламп, 4,2 млн трубчатых светодиодных ламп и 4 млн ламп уличного освещения в городах и поселках. В результате розничные цены на светодиодные лампы сегодня сравнялись с ценами на компактные люминесцентные лампы и, как ожидается, будут снижаться и дальше. Согласно прогнозам, к 2020 г. светодиодные лампы будут занимать 60 % всего рынка ламп в Индии [8].

В банковском секторе не наблюдается пока стремления к переливу капитала из «капиталоизбыточных» в «капиталодефицитные» производства. Недостатком современного этапа развития является также избыток денежной массы в стране, который не участвует в реальном развитии экономики. Поскольку в государственном бюджете и государственных внебюджетных фондах ежегодно закладывается недостаточно средств на финансирование инвестиций, уже сейчас необходимо позаботиться о внедрении новых для нашей страны, но хорошо зарекомендовавших себя в экономически развитых странах финансовых механизмах привлечения венчурного капитала [4].

Результаты

Результаты исследования позволяют утверждать, что в список 50 самых

прибыльных компаний мира в 2016 г. вошла только одна российская компания ПАО «Газпром». Однако, амбиции на нефтегазовые эффекты для бюджета Российской Федерации были заданы многими компаниями ТЭК, например, Русгид-

ро, Татнефть, Лукойл, Роснефть и т. д. Для целей мониторинга и критериального анализа исследуем значения прибыли крупных нефтегазовых компаниях из рейтинга Fortune Global 500 за 2016 г. (табл. 1).

Таблица 1 — Данные о нефтегазовых компаниях из рейтинга Fortune Global 500 за 2016 г. [6]

Позиция	Компания	Место в рейтинге GLOBAL 500	Чистая прибыль за 2015 г., млн долл.	Изменение прибыли по сравнению с 2014 г.
1	Apple	9	53 394	+35,1%
2	Industrial & Commercial Bank of China	15	44 098	-1,5%
3	China Construction Bank	22	36 303	-1,8%
4	Agricultural Bank of China	29	28 735	-1,3%
5	Bank of China	35	27 186	-1,2%
6	JP Morgan Chase&Co.	55	24 442	+12,3%
7	BerkshireHathaway	11	24 083	+21,2%
8	Wells Fargo	67	22 894	-0,7%
9	Toyota Motor	8	19 264	-2,5%
10	Gilead Sciences	316	18 108	+49,6%
11	Verizon	30	17 879	+85,8%
12	Novartis	175	17 783	+74,2%
13	Citi group	70	17 242	+135,8%
14	Samsung Electronics	13	16 532	-24,6%
15	Alphabet	94	16 348	+15,6%
16	Exxon Mobil	6	16 150	-50,3%
17	Bank of America Corp.	64	15 888	+228,7%
18	Johnson&Johnson	103	15 409	-5,6%
19	CK Hutchison Holdings	473	15 295	+120,2%
20	Walmart	1	14 694	-10,2%
21	HSBC Holdings	68	13 522	-1,2%
22	AT&T	23	13 345	+114,4%
23	IBM	82	13 190	+9,7%
24	Газпром	56	12 882	+212,3%
25	Glaxo Smith Kline	278	12 867	+183,6%
26	Microsoft	63	12 193	-44,8%
27	Korea Electric Power	172	11752	+360,5%
28	Intel	158	11 420	-2,4%
29	Fannie Mae	40	10 954	-22,9%
30	Bank of Communications	153	10 586	-0,9%
31	State Grid	2	10 201	+4,1%
32	China Mobile Communications	45	10 144	-2,9%
33	Oracle	260	9938	-9,3%
34	General Motors	20	9687	+145,3%
35	Taiwan Semiconductor Manufacturing	403	9542	+13,7%
36	Nestlé	66	9423	-40,4%
37	Daimler	16	9345	+1,2%
38	Roche Group	167	9212	-9,7%
39	China Merchants Bank	189	9181	+1,2%
40	Cisco Systems	183	8981	+14,4%
47	Shanghai Pudong Development Bank	227	8052	+5,5%
48	Industrial Bank	195	7989	+4,4%

Выявляя точки экономического роста через призму количественных индикаторов оценки эффективности инвестиций в отрасли электроэнергетики, определим, что устойчивость экономики исследуемой отрасли возможно

не только от количества инвестиций, но и от качества капиталовложений в энергетике. С учетом данного принципа, исследуем статистику валовых инвестиций в отрасли электроэнергетики (рис. 1).



Рисунок 1 — Структура суммарных капиталовложений в электроэнергетику [3]

Собственных средств предприятий на развитие своего производства, в том числе в сфере энергетики, явно недоста-

точно. Динамика показателей экспорта нефтепродуктов из России в Китай показана на рисунке 2.



Рисунок 2 — Динамика показателей экспорта нефтепродуктов из России в Китай [10]

Рисунок 2 иллюстрирует тенденцию роста энергетического потенциала в 2013–2014 гг., так как в 2014 г. рост экспортного потока нефтепродуктов между Российской Федерацией и Китаем составил 2,9 млрд долл. относительно 2013 г. В 2016 г. экспорт нефтепродуктов из России в Китай снизится до 14,2 млрд долл.

Целевая статистика динамики и структуры экспорта из России в Нидерланды товаров группы 2709 «Нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных минералов» позволяет выявить «узкие сегменты» нефтяного бизнеса в России (рис. 3).

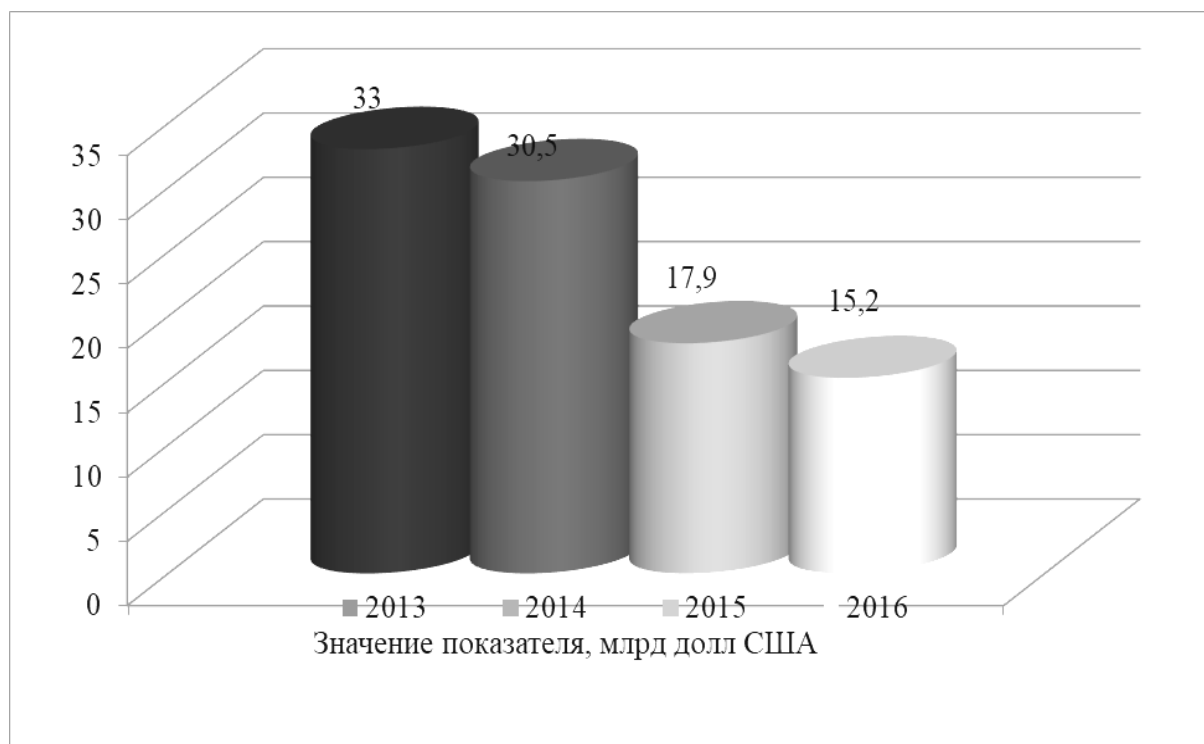


Рисунок 3 — Динамика показателей экспорта нефтепродуктов из России в Нидерланды [10]

Динамика показателей экспорта нефтепродуктов из России в Нидерланды характеризуется устойчивым снижением внешнеторгового оборота по экспорту основных энергетических ресурсов страны. Так, в 2014 г. экспорт нефти составил 30,5 млрд долл., что на 2,5 млрд долл., или на 7,6 % меньше, чем в 2013 г. В 2015 г. сальдо внешнеторгового оборота России с Нидерландами сократилось, в результате чего уменьшение экспортного потока нефти достигло 12,6 млрд долл. по сравнению с 2014 г. В 2016 г. исследуемый показатель уменьшился до

15,2 млрд долл., что усилило отток экспортной выручки и отрицательно отразилось на эффективности использования энергетических ресурсов России с позиции внешнего анализа.

Далее исследуем структуру экспорта товаров из России в Италию в 2016 г. (рис. 4). Доля экспорта из России в Италию таких ресурсов, как нефть и сырые нефтепродукты из битуминозных минералов в 2016 г. составила 56,3 %, что на 12,6 процентного пункта больше, чем по иным энергетическим ресурсам, на долю которых пришлось 43,7 %.



Рисунок 4 — Структура экспорта нефти и нефтепродуктов из России в Италию в 2016 г. [10]

Устойчивый экспортный сырьевой поток из Российской Федерации в Италию обусловлен не только развитыми торговыми экономическими отношениями с данным государством, но и довольно интенсивной внешнеторговой политикой российской стороны, направленной на завоевание более рациональных рыночных ниш.

Обсуждение

В ходе дискуссии выявлено, что процесс выявления точек роста экономики, влияющих на финансирование организаций реального сектора экономики России, протекает хаотично: организации не учитывают кризисных положений страны в момент преодоления санкционных явлений и других внешних факторов, ухудшающих лидерское положение государства на международной арене нефтегазового бизнеса.

Поиск баланса интересов между всеми уровнями экономики:

микроуровня — когда организации будут осуществлять реальный вклад в улучшение конкурентоспособности нефтяного рынка России;

мезоуровня — при условии, что региональные структуры фактически подчинят свои цели развития задачам нефтегазовой и энергетической безопасности страны на период до 2040 г.;

макроуровня — в рамках распределения государством ответственности по вопросам аккумулирования и централизации фондов денежных средств, необходимых для протекания бесперебойного и планомерного бюджетного процесса, создающего основу эффективному и устойчивому экономическому росту в реальном секторе экономике.

Реалии таковы, что в ряде случаев регионы стоят в стороне от проблем государства и нефтяных компаний, непосредственно участвующих в создании добавленной стоимости производства нефтепродуктов. Поэтому важно сконцентрировать дальнейшее развитие нефтяного комплекса в субъектах Российской Федерации сквозь призму реализации следующих мероприятий:

1. Оптимизация мониторинга и повышение достоверности информации за экспортно-импортными операциями.

2. Разработка моделей динамики добычи нефти, цен и их взаимосвязей с факторами. 3. Организация единой международной системы оценки и прогнози-

рования с участием представителей — специалистов из разных стран для укрепления мировой энергетики (табл. 2).

Таблица 2 — **Комплекс мероприятий по развитию нефтяного комплекса Российской Федерации**

Уровень регулирования нефтяного комплекса	Характеристика мероприятий
Макроэкономический (уровень государства)	Обеспечение энергетической безопасности и надежности страны и населения земли энергоресурсами на основе реальной оценки потребностей страны в нефти и нефтепродуктах
	Совершенствование государственного учета выявления запасов топливно-энергетических полезных ископаемых согласно современным международным стандартам, классификация запасов и прогнозных ресурсов нефти
	Государственная поддержка геологоразведочных работ и добычи и процессов комплексного рационального использования возобновляемых источников энергии
	Парламентский и общественный контроль за деятельностью национальных и транснациональных компаний, а также над использованием доходов от экспорта сырья
	Совершенствование государственной политики в области нефтегазового сервиса
	Совершенствование механизма распределения субсидий из федерального бюджета на цели развития нефтяного комплекса
Мезоэкономический уровень (уровень субъекта РФ)	Оптимизация мониторинга и повышение достоверности информации за экспортно-импортными операциями
	Разработка моделей динамики добычи нефти, цен и их взаимосвязей с факторами
	Организация единой международной системы оценки и прогнозирования с участием представителей — специалистов из разных стран для укрепления мировой энергетики
Микроэкономический уровень (уровень нефтяной компании)	Совершенствование технологии добычи нефти и инноватизация процессов нефтепереработки
	Минимизация непроизводительных потерь на стадиях технологического процесса в нефтяной компании
	Активизация логистических процессов в нефтяной промышленности компаний

* Составлена с использованием данных [7, 9].

С учетом взглядов и предложений ученых (Трофимчук Т. С. — 2014, Чанышева Э. Ф. — 2015) [7, 9], мы дополнили существующий комплекс мероприятий по развитию нефтяного комплекса Российской Федерации еще одним уровнем регулирования экономики исследуемой отрасли (микроэкономический уровень нефтяной компании), выделив следующие основные направления:

- соблюдение энергетической безопасности России и эффективное использование энергоресурсов на основе реальной оценки потребностей экономики в нефти и нефтепродуктах;
- государственная поддержка геологоразведочных работ и добычи энергоресурсов;
- внедрение комплексного рационального использования возобновляемых источников энергии;

– распределение субсидий из федерального бюджета на цели развития нефтяного комплекса;

– разработка региональных моделей динамики добычи нефти, цен и их взаимосвязей с факторами развития субъекта РФ;

– организация единой межрегиональной системы оценки и прогнозирования с участием представителей — специалистов из разных субъектов РФ;

– сокращение непроизводительных потерь на стадиях технологического процесса в нефтяной компании региона.

В настоящее время реализуется Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы «Энергоэффективность и развитие энергетики» на 2013–2020 гг.» (далее — Госпрограмма) [11]. Это усилит взаимодействие нефтяных, газовых и энергетических объектов производства и сконцентрирует финансовый поток на развитии возобновляемых источников энергии на период до 2020 г.

Для целей исследования необходимо подчеркнуть, что механизм финансового обеспечения основных программных мероприятий, реализуемых в целях комплексного повышения энергоэффективности усовершенствован и нормативно закреплён Постановлением Правительства РФ № 371 от 30.03.2018 «О внесении изменений в государственную программу «Энергоэффективность и развитие энергетики»» [12]. Так, например, объем финансирования согласно Госпрограмме в масштабах реализуемой подпрограммы «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности» в 2018 г. составляет 65 106,4 тыс. руб. В 2019 г. размер бюджетных ассигнований на реализацию рассматриваемой подпрограммы из средств федерального бюджета составит: 65 975,1 тыс. руб. На 2020 г. запланировано финансирование мер по стимулированию энергетической эффективности в объеме 67 760,7 тыс. руб. [12].

Большое значение для комплексного использования энергетических ресурсов в рамках стратегического планирования повышения энергетической эффективности имеет активизация логистических процессов в нефтяной промышленности компаний, что даст толчок к расширению межрегиональных хозяйственных связей в закупочной и сбытовой деятельности топливно-энергетического комплекса России.

Между тем, отметим, что согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации № 703-р от 19.04.2018 «Об утверждении комплексного плана по повышению энергетической эффективности экономики России» (далее — План) разработан комплекс мероприятий по обеспечению и увеличению уровня энергетической эффективности в отношении регулируемых инфраструктурных компаний, предприятий бюджетной сферы, а также организаций промышленности.

Целями реализации комплекса мероприятий, предусмотренных Планом, являются: увеличение вклада энергетических прорывных проектов в снижение энергоёмкости валового внутреннего продукта до 1,5 % в год, модернизация основных фондов, сокращения технологического отставания России от зарубежных партнеров по энергетическому бизнесу. Для формирования механизмов координации Правительством Российской Федерации деятельности федеральных органов исполнительной власти при реализации мероприятий Плана в части организационного обеспечения роста энергоэффективности в 4 квартале 2018 г. предусмотрено установление полномочий Правительственной комиссии по вопросам топливно-энергетического комплекса и энергетической эффективности экономики. Исполнителем данной позиции Плана заявлено Министерство экономического развития России, которое выявив ключевые тенденции развития в секторах экономики в 2017 г.,

установило, что доля электроэнергии, произведенной тепловыми электростанциями, в общей выработке электроэнергии уменьшалась с 64,2 % до 63,1 % в январе — сентябре 2017 г., атомными электростанциями увеличилась с 17,8 % до 18,9 %, гидроэлектростанциями сохранялись на уровне прошлого года и составили — 17,9 % [13].

Обращает на себя внимание тот факт, что сальдированный финансовый результат энергетических компаний в августе 2017 г. продемонстрировал снижение на 7 млрд руб. относительно июля 2017 г. и составил 27,2 млрд руб. Уменьшение финансового результата в энергетике свидетельствует о необходимости поиска резервов снижения производственной себестоимости при выпуске электроэнергии и увеличении энергетической эффективности функционирования отрасли. В качестве одного из таких резервов, на наш взгляд, выступает устранение существующих барьеров привлечения внебюджетных инвестиций для целей реализации мероприятий по энергосбережению и повышению энергоэффективности через механизм энергосервисного договора (контракта) в бюджетной сфере [14].

Положительное решение проблем привлечения внебюджетных источников финансирования отраслей ТЭК будет способствовать применению равноправного режима бережливого производства в сфере энергетики, что позволит оптимизировать не только бюджетные расходы, но и рационально включить издержки компаний энергетической отрасли в себестоимость производства.

Таким образом, внедрение плановых мероприятий по распределению зон ответственности за энергосбережение и энергопотребление будет способствовать не только повышению экономической эффективности бюджетного процесса при ассигновании энергетических отраслей экономики, но и спо-

способствовать многоаспектной эффективности частных инвесторов и компаний с госучастием, которые, вкладывая собственные ресурсы в компании ТЭК России, достигнут эффекты коммерциализации.

Заключение

В заключении следует систематизировать ключевые решения проблем неэффективного использования энергетических ресурсов России, выявленных по результатам внутреннего и внешнего анализа.

1. Совершенствование технологии добычи нефти и инноватизация процессов нефтепереработки, которые позволят частично решить проблему истощения западносибирских месторождений и, следовательно, компенсировать дефицит запасов нефти.

2. Минимизация непроизводительных потерь на стадиях технологического процесса в нефтяной компании в целях снижения себестоимости производства нефтепродуктов.

3. Активизация логистических процессов в нефтяной промышленности компаний ТЭК для расширения спектра границ бережливого производства и максимизации экономических выгод.

Таким образом, интегрированный подход к модернизации технологии добычи нефти и внедрению инновационных процессов в сфере нефтепереработки в целях компенсации истощения западносибирских месторождений нами предлагается система мер по оказанию государственной поддержки и стимулированию геологоразведочных работ для обеспечения рационального использования возобновляемых источников энергии. Это позволит удовлетворить требования энергетической безопасности России на период до 2035 г., создать резервы собственных энергетических ресурсов для потребления будущим поколением, повысить потребление ресурсов для неэнергетического использования топлива.

Библиографический список

1. *Бариленко, В. И.* Анализ финансовой отчетности : учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Бариленко. — 4-е изд. — М. : КНОРУС, 2016.

2. *Бариленко, В. И., Бердников, В. В., Булыга, Р. П. [и др.]*. Основы бизнес-анализа : учеб. пособие / под ред. В. И. Бариленко. — М. : КНОРУС, 2016.

3. *Веселов, Ф., Соляник, А.* Подходы к гармонизации параметров ценовой и инвестиционной политики в электроэнергетике России / 179 заседание семинара ИНИ РАН «Экономические проблемы отраслей ТЭК» (Семинар А. С. Некрасова). — Москва, 2017.

4. *Деева, А. И.* Финансы и кредит : учеб. пособие. — М. : КНОРУС, 2016.

5. *Нуралиев, С. У., Нуралиева, Д. С.* Экономика : учебник. — М. : Дашков и Ко, 2015.

6. Самые прибыльные компании мира за 2016 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://globalstocks.ru/materialyi/rejtingi/top-50-naiboolee-pribyilnyih-kompaniy-mira-v-2016-godu>.

7. *Трофимчук, Т. С.* Статистическое исследование развития нефтяного комплекса Российской Федерации : дисс. к. э. н. — Уфа, 2014. — С. 143.

8. Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/results/2017/12/01/energy-efficiency>.

9. *Чанышева, Э. Ф.* Перспективы развития топливно-энергетического комплекса России [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. — 2015. — № 9. — Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2015/09/12441> (дата обращения: 17.04.2018).

10. http://data.trendeconomy.ru/data-viewer/trade/statistics/export_h2?time_period=2016&reporter=Russia&trade_flow=Export&commodity=2709.

11. Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации : [Распоряжение Правитель-

ства РФ №1950-р от 11.11.2010] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://government.ru/docs/1171>.

12. <http://docs.cntd.ru/document/557014311>.

13. Тенденции развития в секторах экономики [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/1ff35de6-c9e0-4abe-9b74-4801776b5661/monitoring17.pdf>.

14. Об утверждении комплексного плана мероприятий по повышению энергетической эффективности экономики Российской Федерации : [Распоряжение Правительства РФ № 703-р от 19.04.2018].

Bibliographic list

1. *Barilenko, V. I.* Analysis of financial statements : textbook / ed. by V. I. Barilenko. — 4th ed. — M. : KNORUS, 2016.

2. *Barilenko, V. I., Berdnikov, V. V., Bulyga, R. P. [et al.]*. Fundamentals of business analysis : textbook / ed. by V. I. Barilenko. — M. : KNORUS, 2016.

3. *Veselov, F., Solyanik, A.* Approaches to harmonization of parameters of price and investment policy in Russian power industry / 179 session «Economic problems of fuel and energy sector» (Seminar of A. S. Nekrasov). — M., 2017.

4. *Deeva, A. I.* Finance and credit: textbook. — M. : KNORUS, 2016.

5. *Nuraliev, S. U., Nuralieva, D. S.* Economics : textbook. — M. : Dashkov and Co, 2015.

6. Fortune Global 500 [Electronic resource]. — Mode of access : <http://globalstocks.ru/materialyi/rejtingi/top-50-naiboolee-pribyilnyih-kompaniy-mira-v-2016-godu>.

7. *Trofimchuk, T. S.* Statistical study of development of oil sector of Russian Federation : diss. of candidate of economic sciences. — Ufa, 2014. — P. 143.

8. Official website of World Bank [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/results/2017/12/01/energy-efficiency>.

9. *Chanysheva, E. Ph.* Prospects of development of fuel and energy complex of Russia // Humanities scientific researches. — 2015. — № 9 [Electronic resource]. — Mode of access : <http://human.snauka.ru/2015/09/12441>.

10. http://data.trendeconomy.ru/data/viewer/trade/statistics/export_h2?time_period=2016&reporter=Russia&trade_flow=Export&commodity=2709.

11. About approval of list of state programs of Russian Federation : [Order of Government of Russian Federation № 1950-r from 11.11.2010] [Electronic re-

source]. — Mode of access : <http://government.ru/docs/1171>.

12. <http://docs.cntd.ru/document/557014311>.

13. Development tendencies in sectors of economy [Electronic resource]. — Mode of access : <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/1ff35de6-c9e0-4a6e-9b74-4801776b5661/monitoring17.pdf>.

14. About the statement of comprehensive plan of actions for increase in power efficiency of economy of Russian Federation : [Order of Government of Russian Federation № 703-r from 19.04.2018].

V. С. Семёнов

КРИЗИС МАКРОУПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Аннотация

В статье рассмотрен ряд экономических и социально-политических аспектов снижения эффективности международного макроуправления, связанного с глобализационными изменениями. Исследован ряд экономических составляющих межгосударственной конвенционализации и попытки скоординированного решения проблем человечества. На основе анализа финансово-экономических и политических факторов отмечены глобальные риски и угрозы безопасности.

Ключевые слова

Управление, макроуправление, глобализация, ВТО, теневой банковский сектор, дисперсия власти, риски и угрозы безопасности.

V. S. Semionov

CRISIS OF MACRO-GOVERNANCE IN PROCESS OF GLOBALIZATION

Annotation

Article considers some economic, political and social aspects of decrease in effectiveness of interstate and interregional macro management, related to globalization changes. Number of economic components of interstate conventionalization and attempts to coordinate the problems of mankind have been studied. Based on the analysis of financial, economic and political factors, global risks and threats to security were noted.

Keywords

Governance, macro governance, globalization, WTO, shadow banking sector, power dispersion, risks and security threats.

¹ Тема НИР ЮНЦ РАН «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России», в рамках Государственного задания на 2018 г. (№ 0256-2018-0013, № госрегистрации АААА-А16-116012610051-6), в рамках Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. (Направление IX).

Проблемы макроуправления, возникающие в процессе глобализации, относятся к числу наиболее актуальных, определяющих пути и возможности дальнейшего развития человечества. Глобализация ставит вопросы планетарного масштаба, порождает новые и усложняет существовавшие риски, вызовы и угрозы безопасности. Однако практика показывает, что управленческие реакции необходимого уровня, т. е. со стороны крупных корпораций, политического руководства государств, межгосударственных объединений, — не соответствуют остроте и уровню постоянно возрастающих опасностей. Отсутствует конвенционное согласие о принципах глобального макроуправления. Между тем скорость соответствующих изменений нарастает, риски и угрозы безопасности обретают новые качества, а система глобального управления отстает от темпов разнонаправленного развития человечества. Целями исследования данной проблематики является анализ актуальных примеров макроуправления, выделение сложностей их реализации. Задача исследования — определение факторов воспроизводства рисков и угроз безопасности, проявляющихся при попытках организации глобального управления в экономической и социально-политической сфере.

Глобализационные процессы, по оценкам специалистов, имеют волнообразный характер [1, с. 19]. Их нарастание наблюдается примерно 200 лет, когда индустриализация кардинально увеличила объемы торговли и инвестиций в планетарном масштабе. В 50–70-е гг. XX в. ускорение глобализации вышло на качественно новый уровень, благодаря новым тенденциям эпохи НТР: распространению транснациональных корпораций как экономической базы глобализации, скачку в создании систем массовых коммуникаций, развитию новых средств транспортировки, появлению ядерного оружия, усилению конкуренции в информационной сфере.

С начала 1990-х гг. стал очевидным разрыв между растущей потребностью в глобальном управлении и снижающейся способностью национальных и международных структур обеспечить соответствующие услуги. К этому периоду относится старт взрывного ускорения сетевых процессов, расширение спектра различных интересов, исходящих от частных лиц и сообществ во все более подвижных взаимосвязях на всех уровнях, — вплоть до глобальных. Материальной основой названного явления стало бурное развитие всемирных компьютерных сетей, качественный рост объема ресурсов, доступных отдельным пользователям. Принципиально новый способ коммуникаций, дающий неограниченный доступ к информации компьютерных сетей, способствовал появлению и экспансии глобальной информационной среды [2, с. 212].

Ускорение почти не прогнозируемых и слабоуправляемых процессов актуализирует вопросы безопасности, поскольку расшатывается баланс сил между крупнейшими игроками мировой экономики и политики [3, с. 21]. Глобальные изменения последних десятилетий все очевиднее требуют макроуправляемости. Многочисленные публикации и форумы по проблемам «global governance» пока не внесли ясности в принципы его функционирования. Растущий разрыв между ускоряющейся финансово-экономической глобализацией мира и отставанием либо отсутствием необходимых реакций в сфере управления позволяет характеризовать ситуацию как кризисную.

Трансформации экономических и политических отношений являются ключевыми компонентами глобализации. Эти процессы проявляются во всех сферах управления, оказывая растущее влияние на распределение ресурсов, перспективы жизни и её уровень в рамках отдельных социумов, а также на их отношения с другими сообществами. Различают не менее пяти уровней ре-

лизации подобных влияний: локальный (поселки, малые и средние города), субгосударственный региональный (мегаполисы, округа, области), национально-государственный, региональный уровень за пределами национального государства (например, Евросоюз), наконец, глобальный (ВТО, G-20, учреждения ООН и др.) [4, с. 34].

Среди множества примеров переплетения процессов интеграции и фрагментации, влияющих на политическое управление, весьма наглядна *ситуация в системе международной торговли*, которая до недавнего времени считалась позитивным примером межгосударственного взаимодействия. Ее объем, согласно данным ВТО, превышает темпы роста мировой экономики [5]. Средняя доля экспорта и импорта товаров и коммерческих услуг в мировом ВВП существенно возросла, то есть сегодня ВВП зависит от международной торговли. В большинстве стран, прежде всего развитых, увеличилась доля торговли в объеме национальной экономики, увеличивается часть общественного благосостояния, основанная на процессах обмена с другими экономиками. В этой связи очевидна необходимость глобальной регламентации, управления в данной сфере. Весомую часть соответствующих функций выполняет Всемирная торговая организация, имеющая аналог высшего органа — Конференцию министров стран-участников, а также прообраз исполнительной власти — Гендиректора ВТО, секретариат в Женеве и, кроме того, орган урегулирования споров — апелляционный суд. Эффективность «судебной власти» ВТО высоко оценивают специалисты, которые указывали на признание и исполнение решений независимого арбитража в торговых конфликтах даже крупнейшими торговыми державами — США, Китаем и ЕС [6, с. 11]. Однако в координационно-управленческой деятельности ВТО обостряются фундаментальные проти-

ворочия между интересами ее членов. Так, большинство стран стремятся открыть для себя рынки торговых партнеров, но при этом не спешат либерализовать свои, поскольку ряд секторов международной торговли весьма значим не только для развивающихся, но и для развитых стран. Это базисное противоречие отчетливо проявилось в ходе Дохийского раунда переговоров, проводившегося в рамках ВТО с 2001 г., а особенно в последовавших попытках воплотить достигнутые договоренности и сбалансировать интересы стран-участниц в сельскохозяйственных секторах экономик, машиностроении, торговле химикатами и автомобилями. На деле противоречия лишь усугублялись, а многочисленные преференциальные соглашения не позволили исключить дискриминацию в международной торговле [7, с. 126]. Стремление блокировать договоры, невыгодные одной или нескольким из сторон, привели к росту числа двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле. Так, предшественник ВТО — ГАТТ за 46 лет своего существования (с 1948 по 1994 гг.) получил уведомления о заключении 124 региональных договоров о торговле товарами, а за вдвое меньший период с 1995 г. по настоящее время ВТО получил более 400 таких уведомлений [8]. Эксперты отмечают усиление фрагментации существующих правил, когда сепаратные сделки между несколькими субъектами ведут, в конечном итоге, к разрушению мирового торгового порядка.

В последние месяцы стала реальной перспектива сворачивания ВТО. Президент США, заявив в марте 2018 г. о новых тарифах на сталь и алюминий, по существу выступил против основы ВТО — международного арбитража и продемонстрировал готовность решать торговые споры по «законам джунглей». Д. Трамп полагает, что правила ВТО лишь ограничивают возможности США действовать в своих националь-

ных интересах. В этой связи торговый секретарь Франции Ж.-Б. Лемойн отметил, что политика Трампа «направлена на то, чтобы избавиться от системы урегулирования споров Всемирной торговой организации» [9]. Но ликвидация данной системы практически равнозначна уничтожению ВТО.

Неэффективность попыток управлять явлениями глобального масштаба обусловлена, в том числе, изменением «правил игры» в финансово-экономической сфере, широкомасштабным вторжением в нее новых акторов, располагающих значительно расширившимися возможностями для реализации своих устремлений (далеко не всегда законных) по накоплению и оперированию финансовыми и иными активами. Соответствующие перемены проявляются в быстром развитии *теневого банковского сектора* (ТБС) и наблюдаются уже несколько десятилетий [10, с. 21]. Сегодня к теневому банкингу относят «сегмент финансового рынка, функционирующий вне контроля и надзора официальных банковских регуляторов, включая центральные банки» [11, с. 14]. В понятие ТБС не включают движение преступных доходов и коррупционные схемы. Некоторые участники рынка и представители органов власти предпочитают определение «рыночное финансирование», что расширяет круг организаций и схем, попадающих под него.

В процессе развития ТБС выделяют как положительные, так и отрицательные стороны. Однако всемирный кризис 2007–2009 гг. продемонстрировал деструктивный характер слабоуправляемых теневых акторов финансового рынка, внесших заметный вклад в углубление кризиса. Практика развития теневого банкинга позволяет полагать, что его дальнейшая эволюция способствует коллапсу существующих депозитно-кредитных организаций и системы финансовых рынков, рецессии ре-

альной экономики. Этому содействует бурное развитие новых финансовых платформ, криптовалют, нерегулируемых платежных сервисов и т. п.

Означенную позицию подтверждает характерное для теневого банкинга стремление инвестировать в наиболее ликвидные финансовые документы, процессы, инструменты, отличающиеся волатильностью и краткосрочностью. При этом сокращается финансирование долгосрочных инфраструктурных проектов, производства, транспорта и подобных. Наиболее активно этот сектор растет в США, Англии и Нидерландах. Мониторинг всеобщего сектора небанковского финансового посредничества (MUNFI), осуществляемый Советом по финансовой стабильности, демонстрирует ускорение роста его объема, который на 2016 г. составил 160 триллионов долларов в 21 стране и зоне евро [12, с. 1]. При этом доля MUNFI в глобальных финансовых активах увеличивается пятый год подряд и достигла 48%.

Негативные последствия спекулятивного перекоса ТБС проявляются в экономике развивающихся и слаборазвитых государств, таких как Китай, Аргентина, Греция, Венесуэла, Украина. Так, взрывной рост общего частного долга в Китае 2010–2014 гг. стал отражением массовых кредитов, предоставленных теневыми банками параллельно с ростом тендерного банковского кредитования и достигших в 2014 г. более 9 трлн долл. [13]. Соответственно, общий долг в Китае к середине 2017 г. превысил 300 % ВВП [14]. Растут местные долги регионов. Специалисты усматривают в этом предпосылки финансовой нестабильности в Китае, чреватой экономическим спадом, опасным для мировой экономики.

По мнению экспертов, сложности регулирования теневых финансовых институтов обусловлены нехваткой скоординированной системы надзора, адекват-

ного мониторинга. При этом противоречия между тремя условными мировыми зонами или парадигмами финансовых структур [15, с. 12] препятствуют согласованию и реализации необходимых мер международного, глобального характера.

Огромная и динамично растущая новая финансовая экономика недостаточно прозрачна, закрыты сведения о ее структуре и операциях, источниках и локации активов. Обозначились сложности, вызванные недоступностью предметов залога для операторов по деривативам, что порождает обмен неравноценных активов за комиссию [11, с. 19]. В целом, принципы управления ТБС всё более определяются автономными субъектами, не заинтересованными в государственном юридическом контроле и системном регулировании со стороны центральных банков. Экспансия ТБС, опережающего традиционный банковский сектор и срастающегося либо конкурирующего с ним в зависимости от ситуации, угрожает финансовой стабильности.

Приведенные примеры частично отражают сложности и дисбалансы управления в современной глобальной экономической системе. Специалисты отмечают парадоксальную ситуацию, когда «глобализация расширяется, а роль международных институтов уменьшается» [16, с. 329]. Снижение роли подобных структур наиболее заметно после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., когда депрессивные регионы стали избегать поддержки интернациональных структур, предпочитая региональную кооперацию. Очевидно, они негативно оценили доминирование развитых стран в международных институтах, которые к тому же довольно узко специализированы и не эффективны в решении экономических вопросов, имеющих комплексный характер и тесно переплетающихся с политической проблематикой. Мировой кризис 2007–2009 гг. доказал, что без должной координации и системы кон-

троля финансовые рынки могут обрести деструктивное влияние.

Потребность в общих «правилах игры» заставляет выдвигать на роль координаторов и регуляторов мировой экономики существующие международные структуры. В их числе «Большая двадцатка» и созданный ее членами Совет по финансовой стабильности, МВФ, Мировой банк, Международная организация регуляторов фондового рынка (IOSCO), Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), Совет по Международным стандартам финансовой отчетности (IASB) и др. Однако их деятельность находит согласие не у всех и не везде. Страны Азии дистанцируются от экономических организационных структур Запада, не желая соглашаться на роль младшего партнера. Усиление полицентризма современного мира сопровождается расхождением по ключевым экономическим и социально-политическим вопросам.

Столь непростые условия не позволяют однозначно воспринимать существующие сценарии преодоления возникающих сложностей и поиска глобального консенсуса. Возможно, реалии глобальных изменений ведут к воплощению концепции «функционального суверенитета» Яна Тинбергена [17], поместившего экономику в основу нового международного порядка, призванного стать базой в сфере политики, культуры, права. «Функциональный суверенитет», в отличие от национального, подразумевает развитие структур, которые могут возникнуть в процессе кооперации государств, сохраняющих юрисдикцию над своим экономическим пространством, но допускающих функционирование на нем специализированных международных органов. Такие органы, по замыслу автора, должны сформировать систему регулирования экономических, политических и иных отношений. Однако затяжные кризисы в еврозоне заставляют сомневаться в эффективности

регулирования новых экономических отношений наднациональными структурами. Примечательно, что другая известная концепция Тинбергена относительно «общего наследия человечества», подразумевающая владение природными ресурсами всем населением Земли, не находит поддержки у владельцев ресурсов. Пока все концепции международного регулирования и глобального управления разбиваются об отсутствие согласия хотя бы ключевых участников данных процессов [18, с. 33].

Перспективы макроуправления затронуты и в докладе Национального разведывательного совета США: «На международном уровне усиление индивидуумов и малых групп усложнит организацию коллективного взаимодействия против большинства глобальных проблем» [19, с. 7]. Действительно, ускоряющаяся глобализация сопровождается интеграцией и одновременно фрагментацией экономических и социально-политических отношений, ростом числа субъектов экономической деятельности и акторов политической жизни. Так, с середины прошлого века утроилось количество государств-членов ООН [1, с. 16]. Еще нагляднее темпы роста международных неправительственных организаций, численность которых в начале XX века составляла 134, к концу 1980-х гг. — более 4 тысяч, а к настоящему времени превысила 35 тысяч [20]. Развитие гражданского общества сделало их транснациональным фактором, и влияние НПО распространяется на все более обширный спектр экономических и социально-политических проблем.

Междисциплинарный анализ с позиций экономики и политологии позволяет обозначить ключевые факторы рисков и угроз безопасности.

Диффузия власти и управления проявляется в быстром росте числа субъектов международных и региональных процессов, что способствует росту влияния небольших групп и от-

дельных лиц на экономическое и политическое развитие государств и глобальные процессы. Так, действия спекулянта Дж. Сороса в ходе кризиса Европейской валютной системы (EWS) 1992 г. вынудили британский фунт уйти из EWS [21, с. 124]. В целом управление как обеспечение баланса интересов усложняется, становится все более многофакторным и труднореализуемым.

Глобальный кризис управления отражается в росте числа локальных и крупномасштабных проблем, усугублении их последствий при снижении эффективности мер противодействия. Дестабилизируется государственность, международные структуры не справляются со старыми и новыми вызовами из-за нехватки средств и ресурсов на фоне растущих требований суверенитета стран-участниц и усложнения координации экономических и политических действий, значимых для всего человечества. Несоответствие деятельности политиков и управленческих институтов возросшим требованиям усугубляют проблемы планетарного масштаба, а перегрузки приводят к сбоям управленческих структур на всех уровнях власти, — от муниципального до межгосударственного.

Глобальное изменение «правил игры» в условиях роста независимости идентичностей и децентрализации власти порождает автономизацию управления различными видами деятельности. Так, смена базовых основ глобальной финансово-экономической системы кардинально расширяет число ее участников и их возможности. В накопление и перемещение финансовых и иных активов наряду с традиционными институтами внедряются криминальные структуры, разного рода конфессиональные, этнические и другие объединения.

В целом, потребности человечества не могут быть удовлетворены сообществом, которое пока не сложилось как субъект социально-политического и экономического управления. Кризис боль-

шинства государств, объективно связанный со снижением темпов роста экономики, усилением долговой нагрузки и старением населения, усугубляется стагнацией международных институтов. Растущая самостоятельность управления экономической и иной деятельностью, разбалансировка управленческих функций и структур дает возможности несистемным организациям, теневым акторам финансово-экономической деятельности добиваться власти за пределами конвенционных систем. Таким образом, общей тенденцией мирового развития пока остается снижение управляемости, что умножает риски и угрозы безопасности.

Библиографический список

1. Альбеков, А. У., Старостин, А. М. Глобальная динамика современного мира в контексте смены парадигмы в глобалистике // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2017. — № 3 (59).
2. Скородумова, О. Б., Меламуд, В. Э. Компьютеризация // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 3.
3. Современные теории международных отношений / под ред. В. Н. Кобышева, А. А. Сергунина. — М. : РГ-Пресс, 2013.
4. Maull Hanns, W. Von den Schwierigkeiten des Regierens in Zeiten der Globalisierung // Aus Politik und Zeitgeschichte. — 2015. — № 31–32.
5. World Trade Organization (WTO). International Trade Statistics 2015 [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/wts16_toc_e.htm.
6. Standard of Review and Impact of Trade Remedy Rulings. United States General Accounting Office. — Washington D. C., 2003.
7. Трофименко, О. Ю. Доха раунд: последствия для развития современной международной торговой системы // Вестник СПбГУ. — 2007. — Вып. 2. — Сер. 5.
8. World Trade Organization. Regional Trade Agreements: Facts and Figures [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.wto.org/English/tratop_e/region_e/regfac_e.htm.
9. Hanke, J. Europe fears Trump is out to kill the World Trade Organization // POLITICO [Electronic resource]. — Mode of access : <https://www.politico.eu/article/wto-donald-trump-protectionism-brussels-fears-trump-wants-the-wto-to-fail>.
10. Усоскин, В. М. Теневой банкинг: место и роль в системе финансового посредничества // Деньги и кредит. Информационно-аналитические материалы. — 2016. — № 4.
11. Дворецкая, А. Е. Теневой банкинг: институциональное и функциональное регулирование // Деньги и кредит. Информационно-аналитические материалы. — 2013. — № 4.
12. Global Shadow Banking Monitoring. Report 2017 // Financial Stability Board. — 5 March, 2018.
13. Rasmus, J. China Chases Its Shadow (Banks) [Electronic resource] // TeleSUR. — 06.01.2015. — Mode of access : <https://www.telesurtv.net/english/opinion/China-Chases-Its-Shadow-Banks-20150106-0039.html>.
14. Долг Китая превысил 300 % ВВП. Кризис уже рядом? [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. — 29.06.2017. — Режим доступа : <http://www.vestifinance.ru/articles/87427>.
15. The Three «Financial Structure» Paradigms of Modern Finance // Global Shadow Banking Monitoring Report. — 18 November, 2012.
16. Ближковский, П., Прантл, Й. Глобальное экономическое управление: какие проблемы стоят перед Азией и Европой? // Куда движется век глобализации? — Волгоград : Учитель, 2014.
17. Тинберген, Я. Пересмотр международного порядка. — М. : Прогресс, 1980.
18. Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. — М. : ИМЭМО РАН, 2015.

19. Global Trends: Paradox of Progress. A publication of National Intelligence Council. NIC 2017–001. — January, 2017.

20. NGO Branch, Department of Economic and Social Affairs of UNO [Electronic resource]. — Mode of access : <http://csonet.org/index.php?menu=14>.

21. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. — М. : ИНФРА-М, 1999.

Bibliographic list

1. *Albekov, A. U., Starostin, A. M.* Global dynamics of modern world in context of paradigm shift in globalistics // Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH). — 2017. — № 3 (59).

2. *Skorodumova, O. B., Melamud, V. E.* Computerization // Journal of Knowledge. Understanding. Skill. — 2005. — № 3.

3. Modern theories of international relations: textbook / ed. by V. N. Konyshcheva, A. A. Sergunina. — М. : WG-Press, 2013.

4. *Maull Hanns, W.* Von den Schwierigkeiten des Regierens in Zeiten der Globalisierung // Aus Politik und Zeitgeschichte. — 2015. — № 31–32.

5. World Trade Organization (WTO). International Trade Statistics 2015 [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/wts16_toc_e.htm.

6. Standard of Review and Impact of Trade Remedy Rulings. United States General Accounting Office. — Washington D. C., 2003.

7. *Trofimenko, O. Yu.* Doha round: implications for development of modern international trading system // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 5. — 2007. — Issue 2.

8. World Trade Organization. Regional Trade Agreements: Facts and Figures [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.wto.org/English/tratop_e/region_e/regfac_e.htm.

9. *Hanke, J.* Europe fears Trump is out to kill the World Trade Organization //

POLITICO [Electronic resource]. — Mode of access : <https://www.politico.eu/article/wto-donald-trump-protectionism-brussels-fears-trump-wants-the-wto-to-fail>.

10. *Usokin, V. M.* Shadow Banking: place and role in system of financial intermediation // Money and credit. Information-analytical materials. — 2016. — № 4.

11. *Butler, A. E.* Shadow Banking: Institutional and Functional Regulation // Money and Credit. Information-analytical materials. — 2013. — № 4.

12. Global Shadow Banking Monitoring. Report 2017 // Financial Stability Board. — 5 March, 2018.

13. *Rasmus, J.* China Chases Its Shadow (Banks) [Electronic resource] // TeleSUR. — 06.01.2015. — Mode of access : <https://www.telesurtv.net/english/opinion/China-Chases-Its-Shadow-Banks-20150106-0039.html>.

14. China's debt exceeded 300 % of GDP. Is the crisis close? // News. Economy. — 29.06.2017. — Mode of access : <http://www.vestifinance.ru/articles/87427>.

15. The Three «Financial Structure» Paradigms of Modern Finance // Global Shadow Banking Monitoring Report. — 18 November, 2012.

16. *Plizhkovskiy, P., Prankl, I.* Global Economic Management: What are the problems facing Asia and Europe? // Where is the age of globalization moving? — Volgograd : Teacher, 2014.

17. *Tinbergen, Ya.* Revision of international order. — М. : Progress, 1980.

18. Global Governance: Opportunities and Risks / ed. by V. G. Baranovskiy, N. I. Ivanova. — М. : IMEMO RAN, 2015.

19. Global Trends: Paradox of Progress. A publication of National Intelligence Council. NIC 2017–001. — January, 2017.

20. NGO Branch, Department of Economic and Social Affairs of UNO [Electronic resource]. — Mode of access : <http://csonet.org/index.php?menu=14>.

21. *Soros, J.* Crisis of world capitalism. — М. : INFRA-M, 1999.

Т. Сирьянто, В. А. Бондаренко

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В РАМКАХ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ПЕДАГОГА ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Аннотация

В статье на основании проведенного эмпирического исследования (опроса преподавателей) и литературного анализа достоверно определена корреляционная зависимость между социальной компетентностью педагога, духовным и эмоциональным интеллектом. Сделан вывод о том, что данные виды интеллекта не являются антагонистичными, а могут сочетаться и способствовать более высокой профессиональной компетентности педагога в реализуемом образовательном процессе и духовном общении педагога с обучающимися на экономических специальностях и коллегами.

Ключевые слова

Эмоциональный интеллект, духовный интеллект и социальная компетенция педагога, обучающиеся.

T. Suryanto, V. A. Bondarenko

**INTERACTION OF EMOTIONAL AND SPIRITUAL INTELLIGENCE
IN FRAMEWORK OF DEVELOPMENT OF SOCIAL COMPETENCE
OF TEACHER OF ECONOMIC SPECIALTIES**

Annotation

Article considers the role of spiritual and emotional intelligence in the formation of social competence of teacher. On the basis of empirical research and literary analysis, correlation between the teacher's social competence, spiritual and emotional intelligence is reliably determined. It is concluded that these types of intelligence are not antagonistic, but can be combined and contribute to a higher professional competence of teacher in educational process and spiritual communication of teacher with economic specialties and colleagues.

Keywords

Emotional intelligence, spiritual intelligence and social competence of teacher.

Введение

В современном обществе происходит множество изменений, касающихся сферы образования, выдвигающих новые требования к обучающим и обучающимся, что предполагает объективный рост интереса к современным траекториям образовательного процесса, в том числе в подготовке экономистов [Бадалова, Бондаренко и др., 2017]. Ввиду явления глобализации это справедливо для ситуации в России и в других странах, например в Индонезии.

Отмеченные обстоятельства выдвигают повышенные требования к педагогу, который должен иметь авторитет в глазах обучающихся, вызывать у них чувство доверия и заинтересованность к изучаемым дисциплинам; уметь направлять в выборе и обработки нужной для их воспитания, нравственного и профессионального развития информации.

Социальные компетенции важны для педагогов при профессиональном общении и адаптации к профессиональным требованиям на работе; среди социального окружения, общение с кото-

рым сопряжено с выполнением преподавательских обязанностей. На практике сегодня зачастую преподаватель овладевает социальной компетентностью не на том уровне, которого требует его профессия. Об этом свидетельствуют следующие факты (по результатам исследований в Индонезии: а) еще есть преподаватели, которые не владеют на должном уровне навыками устной, письменной и / или невербальной коммуникации, б) не могут выстраивать эффективные коммуникации с учащимися, коллегами по образовательной сфере, руководителями учебных заведений, родителями или опекунами учащихся; в) не демонстрируют понимания способов социального взаимодействия (с привлечением медиа средств) с окружающим сообществом с учетом существующих норм и системы ценностей.

Согласно исследованиям министерства образования и культуры Индонезии преподавательская компетентность, в целом, у учителей школ остается не достаточно высокой, по этой причине не достаточным является их социальное влияние на окружающих. Одно из официальных СМИ (Sindonews.com, 2012) отмечало, что министерство образования и культуры (Кемендикбуд) выразило свою обеспокоенность по поводу результатов тестирования на компетентность педагога. Эти результаты продемонстрировали недостаточные профессиональные, а также социальные компетенции у преподавателей в Индонезии.

В существующей литературе социальные компетенции педагога трактуются по-разному. Так, Демир [Demir, 2015]; Ким, Янгс и Фрэнк [Kim, Youngs, Frank, 2017] утверждают, что помимо компетенции личности и профессионального опыта, которые всегда должны сопровождать ежедневную деятельность педагога, необходима такая компетенция как способность к социальной адаптации, т. е. социальная компетенция. В данном аспекте большая роль принадлежит духовному интеллекту педагога. Так, в

сфере духовного интеллекта от педагога ожидают умения передавать обучающимся «от сердца к сердцу» правильную модель поведения в социуме.

Ким, Янгс и Фрэнк [Kim, Youngs, Frank, 2017] полагают, что педагоги являются значимой компонентой школьной организации, которая играет важную роль в определении процесса образования и обучения в школах. Профессиональные учителя при выполнении своих обязанностей должны обладать компетенциями, как в педагогической области, так и в личностной, социальной и в области профессиональной экспертизы. Это необходимо для повышения эффективности работы образовательной организации.

Получается, что компетентность — это способность выполнять действия на рабочем месте, применяя навыки и знания в новых нестандартных ситуациях. Согласно Нолану и Молла [Nolan, Molla, 2017], «компетентность — это способность учителя ответственно и достойно выполнять свои обязанности». Согласно Херли и др. [Hurley, etc., 2017], «социальная компетентность — это способность человека общаться, строить отношения и работать вместе с другими людьми, толерантно относиться к разногласиям, брать на себя ответственность, уважать права других людей, способность приносить пользу другим. Способность строить отношения включает в себя социальные навыки, поощрение дружеских отношений, профессиональных отношений или деловых связей». Таким образом, еще раз подчеркнем, что социальная компетенция современного педагога должна строиться на выстраивании эффективной коммуникации с обучающимися и обществом.

Согласно Нолану и Молла [Nolan, Molla, 2017], «социальная компетентность — это особый набор моделей поведения, которые лежат в основе самопонимания как неотъемлемой части социальной среды и достижения эффектов социального взаимодействия. Социальная

компетентность включает интерактивные способности, организационные навыки и решение проблем социальной жизни».

Характеризуя эмоциональный интеллект педагога, Дуркасен и др. отмечают, что «эмоциональный интеллект относится к способности распознавать наши чувства и чувства других, способности к самомотивации и способности хорошо управлять своими эмоциями, как в отношении себя, так и во взаимоотношениях с другими» [Durksen, Klassen, Daniels, 2017)].

Согласно Судманд Афшар и Раими [Soodmand Afshar, Rahimi, 2016], «эмоциональный интеллект определяется, как способность ощущать, понимать и эффективно использовать энергетику и эмоциональную чувствительность в качестве источника энергии, информации, связей и человеческого влияния». Также Судманд Афшар и Раими [Soodmand Afshar, Rahimi, 2016], определяют «эмоциональный интеллект как заботу об эффективном самопознании и понимании других, как умение отлично налаживать отношения с другими людьми и адаптироваться к окружающей среде, чтобы быть более успешными в свете тех требований, которые эта среда выдвигает». Соответственно, в современном мире эмоциональный интеллект может полноценно раскрываться на основе привлечения массовых коммуникаций.

Преподаватели, обладающие социальной компетентностью, устанавливают хорошие отношения и не испытывают затруднений в решении проблем и выборе наиболее эффективных возможностей их решения, они способны сопереживать, выстраивать коммуникации и поддерживать хорошие отношения с другими членами социума.

В литературе присутствуют различные характеристики духовного интеллекта. Согласно Рахману и Шаху [Rahman, Shah, 2015], «духовный интеллект — это ум, существовавший в каждом человеке от рождения, который заставляет человека жить этой жизнью в

полном смысле, всегда слушать голос своей совести, никогда не тратить чувства впустую, осознавать, что все, что он пережил, стоило того». Согласно Бахаруддину и Исмаилу [Baharuddin, Ismail, 2015], «духовно интеллектуальный человек — это тот, кто способен актуализировать Божественные ценности как проявление деятельности в повседневной жизни, тот, кто стремится поддерживать гармонию».

Викар, Баскар и Рамеш [Vichare, Bhaskar, Ramesh, 2016]; Вакабаяши и Кавашима [Wakabayashi, Kawashima, 2015] полагают, что педагоги, которые обладают духовным интеллектом, проявляющимся через любовь, как к ученикам, так и к их обязанностям — вести себя честно, искренне, и в беде, и в несчастье, быть справедливыми, смиренными, терпеливыми и прощающими — почувствуют смысл жизни во всех ее проявлениях, и будут использовать каждую неудачу в качестве мотивировки к прогрессу. Это будет повышать мотивацию, и способствовать приросту социальной компетентности, необходимой для достижения профессиональных успехов.

Методология исследования

В исследовании используется количественный подход к результатам множественного корреляционного анализа. Количественные исследования позволяют получить необходимый объем информации об исследуемых объектах [Darmadi, 2011]. На основании количественного исследования может быть выявлена социальная компетентность педагога и показана взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и духовным интеллектом при улучшении социальной компетентности учителей в образовательных учреждениях (применительно к конкретному примеру — образовательном учреждении SMK Negeri 3 в провинции Лампунг в Индонезии), готовящей учащихся экономического направления — сферы бухгалтерского учета.

В исследовании проводится анализ данных с использованием статисти-

ческого анализа множественных корреляций. Множественные корреляции и вычисления выполняются с использованием SPSS 16. Корреляционный анализ используется для анализа отношения некоторых независимых переменных к зависимой переменной.

Результаты исследования и обсуждение

Согласно данным результатов исследования, зависимая переменная — это социальная компетентность учителя (Y), которая собирается путем распространения вопросников множественного типа, содержащих 21 вопрос и шкалу ответов с пятью вариантами ответа для выбора, и теоретически может быть оценена от 21 до 105 баллов. Хотя эмпирический балл

распространяется от самого низкого показателя 71 к самому высокому — 101 с общим счетом 6725, средний (M) — 86,22, стандартное отклонение (SD) — 6,772, режим (Mo) — 85, медиана (Me) — 86,00 и 45,861 вариантов. Чтобы узнать описание социальной компетентности педагога, необходимо разделить среднее значение результата исследования на максимальное значение, умноженное на сто. После расчета полученная величина социальной компетентности учителей составила 85,37 %. Эта оценка дает подтверждение того, что социальная компетентность преподавателей школы SMK Negeri 3 довольно высока. Гистограмма социальной компетентности приведена на рисунке 1.

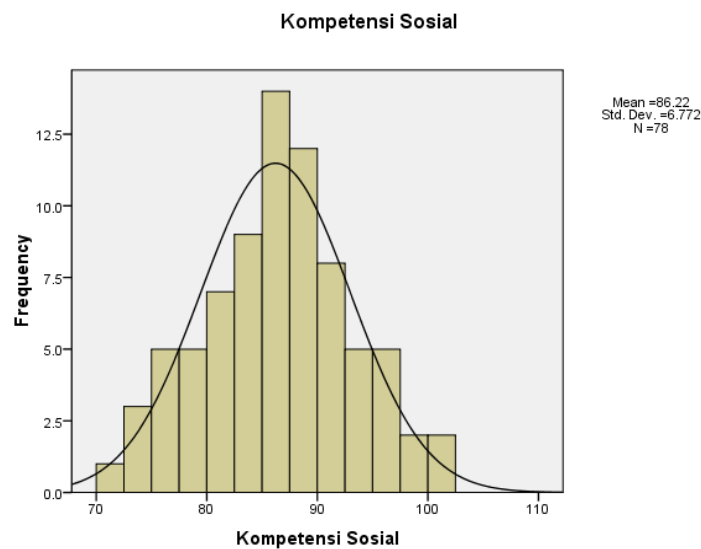


Рисунок 1 — Гистограмма частотности социальной компетентности педагога (Y)

Данные эмоционального интеллекта (X_1). Данные результатов исследования переменных эмоционального интеллекта (X_1), собранных с помощью вопросников с вопросом с использованием 5-балльной шкалы ответов (5 вариантов), имели теоретически возможный балл от 21 до 105. При распространении эмпирических оценок от самого низкого 68 до самого высокого балла 105, с общим счетом 6568, среднее (M) — 84,21, стандартное отклонение (SD) — 7,755, режим (Mo) — 82, медиана

(Me) — 83,00 и дисперсия 60,139. Чтобы вычислить эмоциональный интеллект педагогов, необходимо разделить среднее значение результатов исследования на максимальное значение, умноженное на сто. После расчетов получена величина эмоционального интеллекта 82,56 %. Эта оценка определяет, высокую степень эмоционального интеллекта учителей школы SMK Negeri 3 в провинции Лампунг.

Гистограмма эмоционального интеллекта (X_1) приведена на рисунке 2.

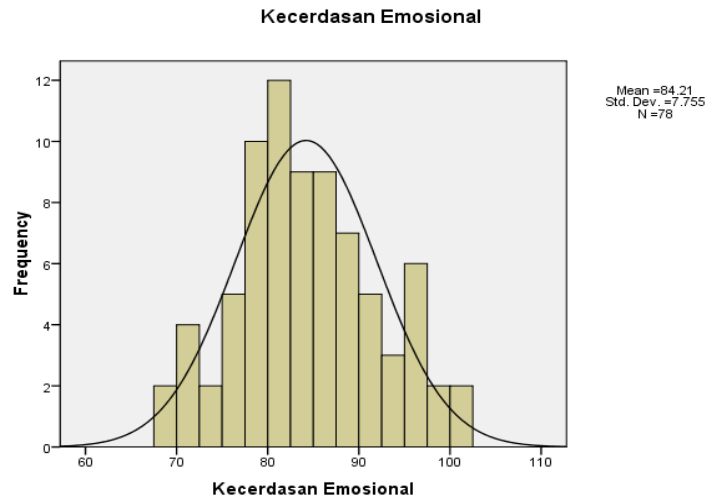


Рисунок 2 — Гистограмма частотности эмоционального интеллекта (X_1)

Данные результатов исследования переменных духовного интеллекта (X_2) с помощью распространения вопросников множественного выбора с числом вопросов из 23 пунктов и использованием пяти вариантов ответа имеют теоретический балл от 21 до 105. При распределении эмпирических десятков от наименьшего балла 69 до максимального балла 105 с общим счетом 6844, среднее (M) — 87,74, стандартное отклонение (SD) — 8,421, режим (Mo) — 90, медиана (Me) — 88,50 и дисперсия — 70,920.

Чтобы определить духовный интеллект педагога, необходимо разделить среднее значение результатов исследования на максимальное значение, умноженное на сто. После расчета была получена оценка умственных знаний — 83,56 %, которая подтверждает факт того, что эмоциональный интеллект педагогов образовательного учреждения (готовящего бухгалтеров) SMK Negeri 3 в провинции Лампунг довольно высок.

Гистограмма духовного интеллекта (X_2) приведена на рисунке 3.

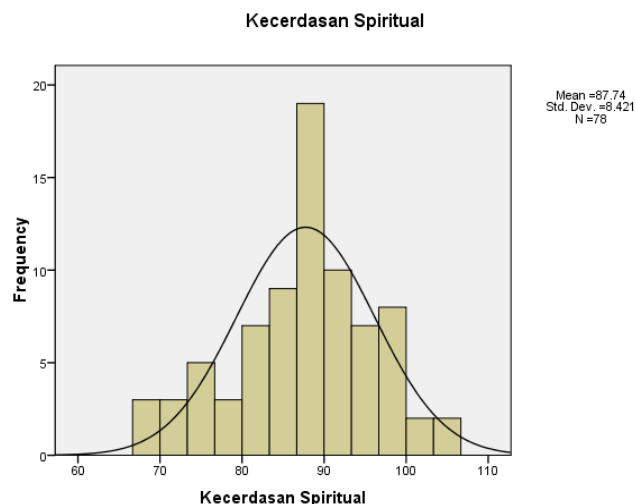


Рисунок 3 — Гистограмма частотности духовного интеллекта (X_2)

На основе этих данных можно привести статистику по переменным социальной компетентности педагога

(Y), эмоционального интеллекта (X_1) и духовного интеллекта (X_2) в качестве следующей таблицы.

Таблица 1 — Резюме базовой статистики

		эмоциональный интеллект	духовный интеллект	социальная компетентность
N	действительных	78	78	78
	недействительных	0	0	0
	среднее значение	84,21	87,74	86,22
	медиана	83,00	88,50	86,00
	режим	82	90a	85
	стандартное отклонение	7,755	8,421	6,772
	дисперсия	60,139	70,920	45,861
	минимум	68	69	71
	максимум	102	105	101
	Итого	6568	6844	6725

Взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и социальной компетентностью. Результаты исследования подтверждают положительную связь между эмоциональным интеллектом и социальной компетентностью учителя. Взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и социальной компетентностью учителя составляет 0,612, что означает, что взаимосвязь между этими двумя переменными сильна. Это исследование основано на результатах исследования Вакабаяши и Кавашима [Wakabayashi, Kawashima, 2015], которые изучили вклад интеллектуального, эмоционального и духовного интеллекта педагогов и руководителей образовательных учреждений в становление социальной компетентности педагога. Данное исследование отражает тот факт, что педагоги, которые обладают эмоциональным интеллектом, включающим самосознание, самоуправление, умеют управлять отношениями, способны адаптироваться в социуме и наладить общение с профессиональным сообществом. Эмоциональный интеллект педагога может улучшить способность контролировать эмоции и привести к позитивным результатам в саморазвитии и процессе обучения.

Взаимосвязь между духовным интеллектом и социальной компетентностью. Согласно результатам данного исследования, духовный интеллект также положительно соотносится с социальной компетентностью педагога. Корреляция духовного интеллекта с социальной компетентностью составляет 0,781, что ука-

зывает на сильное соотношение между этими двумя переменными.

Результаты исследования совпадают с результатами исследования Раман и Шах [Rahman, Shah 2015], согласно которому духовный интеллект оказывает положительный и значительный эффект 0,313 на повышения эффективности работы сотрудников. Согласно исследованию Бахаруддин и Исмаил [Baharuddin, Ismail, 2015], духовный интеллект (обучение «от сердца к сердцу») способствует большей производительности преподавателей и росту результативности их работы. Духовный интеллект педагога необходим для профессиональной деятельности, потому что способствует его позитивному влиянию на учеников, формированию чувства уважения и трансляции правильных жизненных ценностей.

Взаимосвязь эмоционального и духовного интеллекта с социальными компетенциями профессионала. Согласно результатам исследования, существует положительная и значимая взаимосвязь эмоционального и духовного интеллекта с социальными компетенциями учителя. Согласно проведенным рядом исследователей расчетам, коэффициент двойной корреляции равен (R) = 0,825, а значимое значение составляет $0,000 < 0,05$. Эмоциональный интеллект и духовный интеллект могут работать и действовать независимо. Эмоциональный интеллект и духовный интеллект не являются взаимно противоположными, но положительно динамично влияют на социальную компетентность учителя.

Социальная компетентность преподавателя, реализуемая посредством выполнения обязанностей и обязательств путем повышения качества образования в целом и повышения качества обучения, в частности, также влияет на рост профессионализма самого педагога.

Выводы

Существует определенная и значительная взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и социальной компетентностью преподавателя. Положительный коэффициент корреляции показывает, что взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и социальными способностями является однонаправленной. В случае увеличения переменной интеллекта повысится и социальная компетентность преподавателя.

Существует положительная и значительная взаимосвязь между духовным интеллектом и социальной компетентностью педагога. Положительный коэффициент корреляции показывает, что взаимосвязь между религиозным интеллектом и социальной властью является однонаправленной. Если переменная духовного интеллекта увеличивается, повышается и социальная компетентность преподавателя.

Эмоциональный и духовный интеллект взаимосвязаны с коммуникативной способностью педагогов, что продемонстрировано на примере исследования в школе SMK Negeri 3 в провинции Лампунг. Результаты вычислений показывают, что коэффициент множественных корреляций имеет прочную связь между двумя независимыми переменными с переменными социальной компетентности.

Библиографический список

1. Бадалова, А. Г., Бондаренко, В. А., Жебровская, Л. А., Колесников, Ю. А., Ларионов, В. Г. Медиаобразование в развитии образовательной среды в условиях экономики инноваций // Медиаобразование. — 2017. — № 2. — С. 62–73.

2. Baharuddin, E. Bin, Ismail, Z. B. 7 Domains of Spiritual Intelligence from

Islamic Perspective [Electronic resource] // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — № 211. — 2015. — P. 568–577. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.075>.

3. Darmadi, H. Metode Penelitian Pendidikan. — 2011.

4. Demir, K. Teachers' Organizational Citizenship Behaviors and Organizational Identification in Public and Private Preschools [Electronic resource] // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2015. — № 174. — P. 1176–1182. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.734>.

5. Durksen, T. L., Klassen, R. M., Daniels, L. M. Motivation and collaboration: keys to a developmental framework for teachers' professional learning [Electronic resource] // Teaching and Teacher Education. — 2017. — № 67. — P. 53–66. — Mode of access : <http://doi.org/10.1016/j.tate.2017.05.011>.

6. Hurley, L., O'Donnell, M., O'Hara, M. C., Carey, M. E., Willaing, I., Daly, H., Dinneen, S. F. Is diabetes self-management education still the Cinderella of diabetes care? [Electronic resource] // Patient Education and Counseling. — 2017. — № 100 (10), 1957–1960. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.pec.2017.05.026>.

7. Kim, J., Youngs, P., Frank, K. Burnout contagion: Is it due to early career teachers' social networks or organizational exposure? [Electronic resource] // Teaching and Teacher Education. — 2017. — № 66. — P. 250–260. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.tate.2017.04.017>.

8. Nolan, A., Molla, T. Teacher confidence and professional capital [Electronic resource] // Teaching and Teacher Education. — 2017. — № 62. — P. 10–18. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.tate.2016.11.004>.

9. Rahman, Z. A., Shah, I. M. Measuring Islamic Spiritual Intelligence [Electronic resource] // Procedia Economics and Finance. — 2015. — № 31 (15). — P. 134–139. — Mode of access : [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)01140-5](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01140-5).

10. Soodmand Afshar, H., Rahimi, M. Reflective thinking, emotional intelligence,

and speaking ability of EFL learners: Is there a relation? [Electronic resource] // *Thinking Skills and Creativity*. — 2016. — Vol. 19. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2015.10.005>.

11. *Vichare, G., Bhaskar, A., Ramesh, D. S.* Are the equatorial electrojet and the Sq coupled systems? Transfer entropy approach [Electronic resource] // *Advances in Space Research*. — 2016. — № 57 (9). — P. 1859–1870. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.asr.2016.01.020>.

12. *Wakabayashi, A., Kawashima, H.* Is empathizing in E-S theory similar to agreeableness? The relationship between EQ and SQ and major personality domains [Electronic resource] // *Personality and Individual Differences*. — 2015. — № 76. — P. 88–93. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.11.030>.

Bibliographic list

1. *Badalova, A. G., Bondarenko, V. A., Zhebrovskaya, L. A., Kolesnikov, Yu. A., Larionov, V. G.* Media education in development of educational environment in conditions of innovation economy // *Media education*. — 2017. — № 2. — P. 62–73.

2. *Baharuddin, E. Bin, Ismail, Z. B.* 7 Domains of Spiritual Intelligence from Islamic Perspective [Electronic resource] // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. — № 211. — 2015. — P. 568–577. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.075>.

3. *Darmadi, H.* Metode Penelitian Pendidikan. — 2011.

4. *Demir, K.* Teachers' Organizational Citizenship Behaviors and Organizational Identification in Public and Private Preschools [Electronic resource] // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. — 2015. — № 174. — P. 1176–1182. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.734>.

5. *Durksen, T. L., Klassen, R. M., Daniels, L. M.* Motivation and collaboration: keys to a developmental framework for teachers' professional learning [Electronic resource] // *Teaching and Teacher Education*. — 2017. — № 67. — P. 53–66. —

Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.tate.2017.05.011>.

6. *Hurley, L., O'Donnell, M., O'Hara, M. C., Carey, M. E., Willaing, I., Daly, H., Dinneen, S. F.* Is diabetes self-management education still the Cinderella of diabetes care? [Electronic resource] // *Patient Education and Counseling*. — 2017. — № 100 (10), 1957–1960. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.pec.2017.05.026>.

7. *Kim, J., Youngs, P., Frank, K.* Burnout contagion: Is it due to early career teachers' social networks or organizational exposure? [Electronic resource] // *Teaching and Teacher Education*. — 2017. — № 66. — P. 250–260. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.tate.2017.04.017>.

8. *Nolan, A., Molla, T.* Teacher confidence and professional capital [Electronic resource] // *Teaching and Teacher Education*. — 2017. — № 62. — P. 10–18. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.tate.2016.11.004>.

9. *Rahman, Z. A., Shah, I. M.* Measuring Islamic Spiritual Intelligence [Electronic resource] // *Procedia Economics and Finance*. — 2015. — № 31 (15). — P. 134–139. — Mode of access : [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)01140-5](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01140-5).

10. *Soodmand Afshar, H., Rahimi, M.* Reflective thinking, emotional intelligence, and speaking ability of EFL learners: Is there a relation? [Electronic resource] // *Thinking Skills and Creativity*. — 2016. — Vol. 19. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2015.10.005>.

11. *Vichare, G., Bhaskar, A., Ramesh, D. S.* Are the equatorial electrojet and the Sq coupled systems? Transfer entropy approach [Electronic resource] // *Advances in Space Research*. — 2016. — № 57 (9). — P. 1859–1870. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.asr.2016.01.020>.

12. *Wakabayashi, A., Kawashima, H.* Is empathizing in E-S theory similar to agreeableness? The relationship between EQ and SQ and major personality domains [Electronic resource] // *Personality and Individual Differences*. — 2015. — № 76. — P. 88–93. — Mode of access : <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.11.030>.

РАЗДЕЛ 2. ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

М. Ф. Афанасьева, Н. Р. Хачатурян, С. С. Кундрюков

РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В РЕШЕНИИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В АСПЕКТЕ РОСТА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Аннотация

В статье авторами исследуется обеспечительная роль системы обучения и подготовки кадров для развития инновационной экономики России. Отмечаются сложившиеся и требующие преодоления трудности в осуществлении подготовки инноваторов в вузовской и предпринимательской среде, способных участвовать в международных обменах знаниями. Детализирован текущий рубеж международной конкурентоспособности России и желаемые показатели на пролонгированную перспективу, которых можно достичь на основе при планомерных изменениях в подготовке кадров для решения обеспечительных проблем развития инновационной экономики.

Ключевые слова

Инновационная экономика, международная конкурентоспособность, инновации, подготовка кадров.

M. Ph. Afanasyeva, N. R. Khachaturyan, S. S. Kundryukov

ROLE OF SYSTEM OF EDUCATION AND TRAINING IN SOLVING SECURITY PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ECONOMY OF RUSSIA IN ASPECT OF GROWTH OF INTERNATIONAL COMPETITIVENESS

Annotation

In article the authors investigate the security role of system of education and training for development of innovative economy of Russia. It is noted that there are existing and need to overcome the difficulties in implementation of training of innovators in University and business environment, able to participate in international knowledge exchanges. Current level of international competitiveness of Russia is detailed and desired ones are shown for a long-term perspective, which can be achieved on basis of systematic changes in training to solve security problems of development of innovative economy.

Keywords

Innovative economy, international competitiveness, innovation, training.

Введение

В России для роста международной конкурентоспособности и отстаивания собственных интересов на мировой арене поставлена и реализуется цель по созданию экономики нового типа — инновационной экономики, которая должна обеспечить России достойное

место в межстрановом «табеле о рангах», соответствующее ее реальному геоэкономическому положению в мире. Построение инновационной экономики предполагает активное создание, контролирующую диффузию и трансферт инноваций внутри страны и за ее пределами на выгодных для национальной

экономической системы условиях. Большую роль в данном процессе имеет качество вузовского образования и создание инновационной системы управления персоналом [1, 3, 4].

В отношении количественных индикаторов инновационной экономики в России к 2020 г. озвучивается необходимость занятия доли на рынках высокотехнологичных товаров и услуг в размере от 5 до 10 % и достижения размеров высокотехнологичного сектора в ВВП порядка 18 %, а также представительности инновационно активных предприятий (крупных, средних и малых) в размере 40–50 % от общей численности [5, с. 8]. Целесообразно заострить внимание на том, что в таком аспекте для развития инновационного потенциала России и наращивания международной конкурентоспособности в сложившихся условиях хозяйствования в мировой экономике, а также возмож-

ности осуществления выбранной приоритетной стратегии инноваций значимой составляющей представляется кадровое обеспечение [1, 4].

Исследовательские материалы

В отмеченном контексте речь идет как о непосредственно кадрах, задействованных в НИОКР, так и о подготовке подрастающего поколения в плане готовности быть инноваторами и воспринимать инновации, способствовать их продвижению от лица предпринимательской прослойки и образовательного сообщества. В «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» это именуется созданием общества, формирующего в своей среде инновационного человека [5, с. 45]. В рамках достижения таких качеств у населения России государством анонсируются ряд задач, которые требуют планомерного и обстоятельного решения (рис. 1).



Рисунок 1 — Основные направления государственной политики России, направленные на формирование социума, состоящего из «инновационных индивидов» [5]

В отношении ориентации всей системы образования на формирование у индивидов компетенций, способствующих инновационной деятельности можно отметить, что предполагается подготовка эффективных работников сферы образования, передающих знания и готовящих кадры, интересующиеся и готовые к инновационной активности;

эффективных управленцев, которые могут способствовать процессу создания инноваций, их поддержки, продвижения на рынки; эффективных предпринимателей, которые смогут активно коммерциализировать произведенные новинки с пользой для себя и государства. Такая направленность деятельности предполагает активное применение маркетинга в

работе вузов и в подготовке будущих специалистов для нужд отечественного рынка [3]. В этом аспекте внедренная система высшего образования в России нацелена на то, что студенты, обучающиеся на магистерских программах, в обязательном порядке должны заниматься научной деятельностью в сопряжении с предприятиями, задействованными в создании инноваций. Кроме того, в качестве приоритетного рассматривается обучение взрослого населения, имеющего опыт практической работы, в рамках повышения квалификации и стажировок, стимулирующих интерес к инновациям разного рода [1].

Для подготовки инноваторов-предпринимателей предусматриваются соответствующие государственные программы подготовки и поддержки практикующих специалистов, самостоятельно или в рамках формируемых коммерческих структур, вовлеченных в процессы коммерциализации разработок.

Для вовлечения молодежи в процесс создания инноваций целесообраз-

ными считаются организация и проведение различных конкурсов, олимпиад, соревнований в сфере подготовки научных работ, молодежных исследовательских проектов. Одной из важных составляющих представляется обеспечение возможности для учащихся и выпускников сельских школ участвовать в таких мероприятиях и обучаться в крупных вузах, реализующихся инновационную деятельность. Также планируется трансляция телепередач, способствующих интересу молодежи к научно-образовательной деятельности и вовлечению в процесс дополнительной подготовки для инновационной активности.

Значимой также представляется популяризация в обществе профессии преподавателя, ученого и инноватора, а также восприимчивости общества к выводимым и внедряемым инновациям [1, 5]. В рамках такой программы в аспекте перспективных мероприятий рассматривают возможности учета региональной принадлежности учебных заведений (школ, колледжей и вузов) (рис. 2).

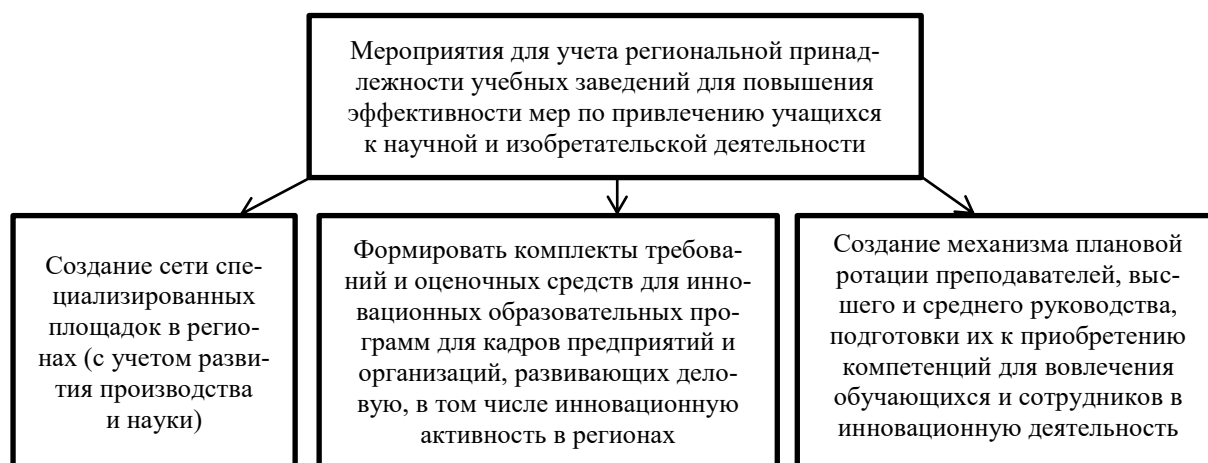


Рисунок 2 — Мероприятия в системе образования по содействию инновационной активности с учетом региональной специфики [5]

В рамках данной программы по формированию социума, состоящего из «инновационных индивидов», поставлены определенные задачи, выражающиеся в индикаторах, характеризующих охват и возрастной диапазон вовлекае-

мого населения, оплаты труда. Вместе с тем, несмотря на традиционно воспринимаемые конкурентные позиции в сфере образования в России, согласно последним обзорам наметился кризис, заключающийся в падении уровня образо-

вания и качества полученных компетенций. Согласно приведенным результатам обследования (PISA, 2009 — Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) «российские школьники старших классов уступают своим зарубежным сверстникам из развитых стран по большинству показателей уровня знаний по математике (38–39-е место из 65 стран), тем же навыкам работы с текстом (41–43-е из 65 стран), знаниям в области точных наук (38–40-е из 65 стран)» [5, с. 14].

Представляется очевидным, что в системе среднего образования должны наступить определенные перемены. Их необходимость осознается в обществе и выражается в различных требованиях, которые формулируются в различных вариантах (отменить ЕГЭ, ввести сочинения, убрать занятия физической культурой и т. д.). По нашему мнению, данная проблема имеет две стороны, связанные между собой. Первая — это подготовка преподавательского состава и изменения в ней в плане трансляции знаний и умений в средней школе. Вторая — это собственно подготовка учащихся, включающая в себя дифференциацию учеников, стимулы к качественному образованию и организация эффективного процесса получения образования с минимальными затратами.

Эффективная трансляция знаний и умений требует подбора качественного кадрового преподавательского состава, что, в свою очередь, предполагает формулирование определенного уровня достижений компетенций, а также стимуляции преподавателей к качественному труду, создание условий для эффективной трудовой деятельности, отдыха после работы и морального и физического восстановления. Значимым представляется формирование в общественном сознании и в сознании учеников важности определенного имиджа преподавателя, который является уважаемым человеком с достойной заработной платой и

уровнем жизни, уважаемым административными и силовыми структурами и всеми слоями общества. Только таким образом он сможет быть уважаем и авторитетен для своих учеников, и сможет эффективно транслировать им необходимую информацию. Еще О. Бисмарк говорил, что Францию во франко-прусской войне победил немецкий школьный учитель. Тогда как, в современном обществе отмечается определенный нигилизм, как в отношении деятельности преподавателей, так и отношении них самих, что широко транслируется в средствах массовой информации и в различных художественных фильмах («Географ глобус пропил», «Физрук», «Хороший мальчик») и различных телевизионных шоу (где представляются истории разоблачения, очерняющие профессию педагога). Соответственно, требуется коррекция информационной политики в необходимую сторону, формирование комплекса мер по отбору достойных кандидатов с необходимыми качествами (психологическая устойчивость, человеколюбие, отсутствие склонности к насилию) в студенты педагогических вузов, а не просто прием тех, кто имеет необходимый уровень ЕГЭ. В отношении материальных стимулов уже приняты определенные меры, способствующие повышению интереса к профессии педагога. По поводу создания комфортной рабочей атмосферы в педагогических коллективах, отметим, что необходимо «разгрузить» педагога от различных форм отчетности, организации формальных мероприятий, не интересных и ненужных ученикам, позволить им сосредоточиться на трансляции учебного процесса и защитить педагогических работников от необоснованных претензий по обеспечению безопасности учеников, их здоровья и уровня предоставляемых образовательных услуг. Пренебрежение или формальное отношение к решению обозначенного круга проблем

будет нивелировать усилия по подготовке и вовлечению школьников в процесс подготовки «инновационного человека» для наращивания в России инновационного потенциала.

Организация качественного образования и отбора способных к инновациям личностей значительно облегчится при введении дифференциации будущих учеников средних школ и учеников школ в ходе образовательного процесса по уровню интеллекта и объему усвоенных знаний. Необходимо группировать учеников и потенциальных учеников в группы (классы) с близкими интеллектуальными и компетентностями показателями. Недопустимо объединять в одни и те же учебные группы слушателей с индексами интеллекта, значительно расходящимися по величине, равно, как и по уровню подготовки. В ходе образовательного процесса может проводиться своеобразный аудит: повторное определение уровня интеллекта и компетентностных характеристик, например, в 4, 6, 8 и 9 классах, после чего возможна ротация учащихся в другие учебные группы. Целью данных усилий является отбор потенциальных инноваторов — лиц с высоким интеллектом и уровнем эрудиции, ускоренная их подготовка, концентрация в группах, школах, образовательных центрах, своеобразное «прикрепление» к высшим учебным заведениям соответствующего профиля и выработка у этих учащихся определенной мотивации к дальнейшей деятельности в сфере инноваций. Применяемая в настоящий период времени система конкурсов и олимпиад не способствует выполнению именно этих задач.

Целенаправленное применение обозначенных действий, как в отношении преподавательских кадров, так и в отношении учеников будет способствовать своевременной селекции будущих инноваторов, которые при помощи системы социальных и профессиональных лифтов будут трудиться на объектах

инновационной инфраструктуры и своим интеллектуальным трудом способствовать приращению инновационного потенциала России.

В противовес олимпиадам предлагается система регулярных обменов / командировок учеников, имеющих определенный интеллектуальный потенциал и учебные успехи, с такими же учениками из Китая, Индии, Южной Кореи, что может способствовать формированию коллабораций учебных заведений и неформальных обществ инноваторов уже со школьной скамьи, что позволит рассчитывать на равноправное сотрудничество и устойчивые связи в сфере НИОКР в дальнейшем.

В высшей школе необходимо аккредитовать возможность организации специальных групп, курсов по ускоренной и усиленной подготовке инноваторов для определенных отраслей экономики, куда будут набираться ученики из школьного сообщества молодых инноваторов. Это будет способствовать притоку обучающихся в определенные перспективные учебные заведения, снижая их собственные риски [3]. Данные предложения никак не отменяют ЕГЭ, они способствуют его дополнению и конкретизации при использовании его результатов.

В отношении изменений в высшей школе и повышении эффективности науки необходимы пересмотр расходов на исследования, изменение процентного соотношения расходов государства и бизнеса на инновации, привлечение молодых кадров в науку, а также повышение доли участия высшей школы в расходах на инновации.

Текущий уровень, а также желаемый результат по затратам на разработки в процентах к ВВП приведен на рисунке 3. Информация об источниках финансирования НИОКР и изменении доли государства в этом процессе в соответствии с программой инновационного развития России представлена на рисунке 4.

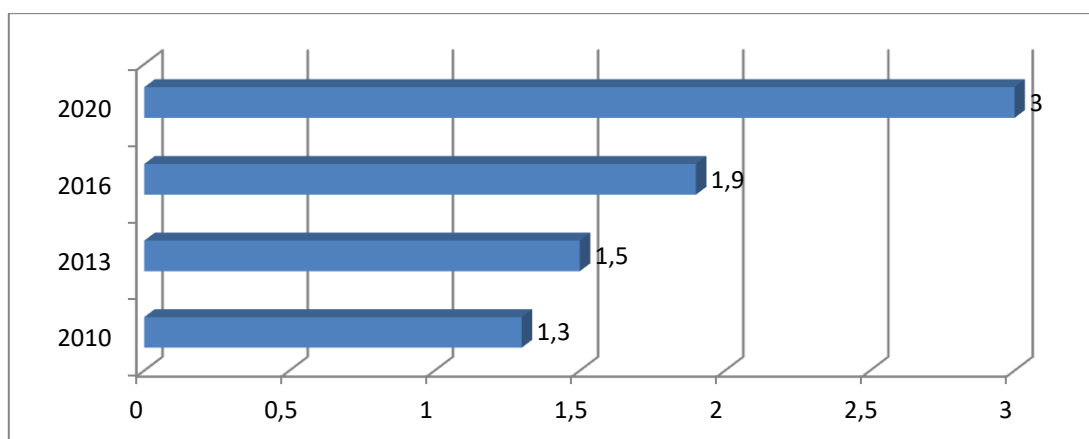


Рисунок 3 — Внутренние затраты на исследования и разработки, % от ВВП [5]

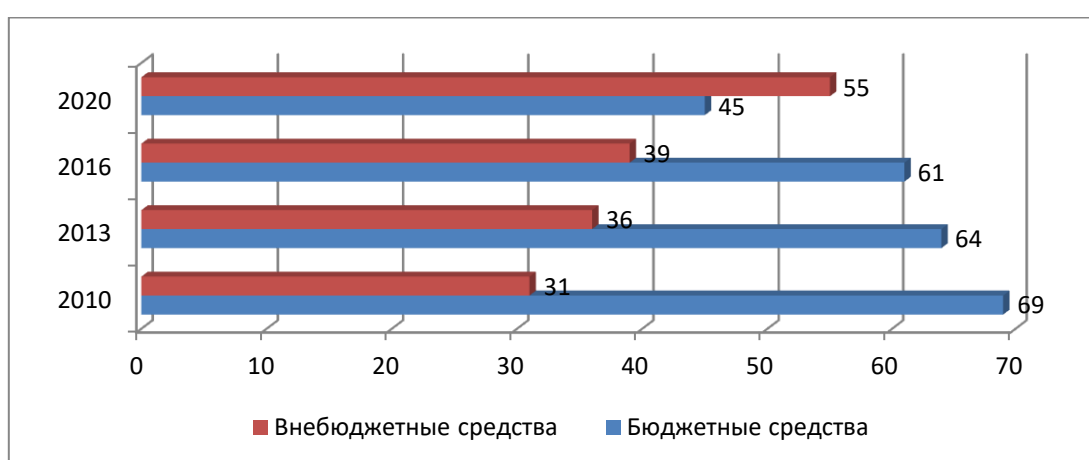


Рисунок 4 — Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования в России [5]

Доля внебюджетного финансирования в сфере НИОКР возрастает в течение последнего времени и к 2020 г. планируется достигнуть паритета с государственными расходами на исследования и разработки. Те индикаторы, которые используются в настоящее время для оценки «силы» инновационного сектора государства, представленного научным сообществом (цитируемость ученых, участие в публикациях Scopus и т. д.) не имеют, на самом деле, принципиального значения. Но, поскольку, данные индикаторы широко распространены в современной мировой практике, в том числе при оценке рейтингов вузов и их инновационного потенциала, они начинают активно использоваться в практике российской образовательной сферы.

Развитие инновационной сферы в РФ предполагает омоложение научных кадров за счет вовлечения молодых инноваторов. Динамика данного процесса представлена на рисунках 5, 6. Анонсированные изменения в сфере высшего и специального образования опосредуют соответствующие изменения в квалификации и компетентностных параметрах управленцев бизнеса и государственных служащих, рекрутируемых из числа выпускников вузов. Для тех управленцев и госслужащих, которые получали подготовку до изменения вузовской политики в этой сфере, организуются соответствующие тренинги и командировки, в том числе за рубеж для повышения их квалификации в инновационной активности.

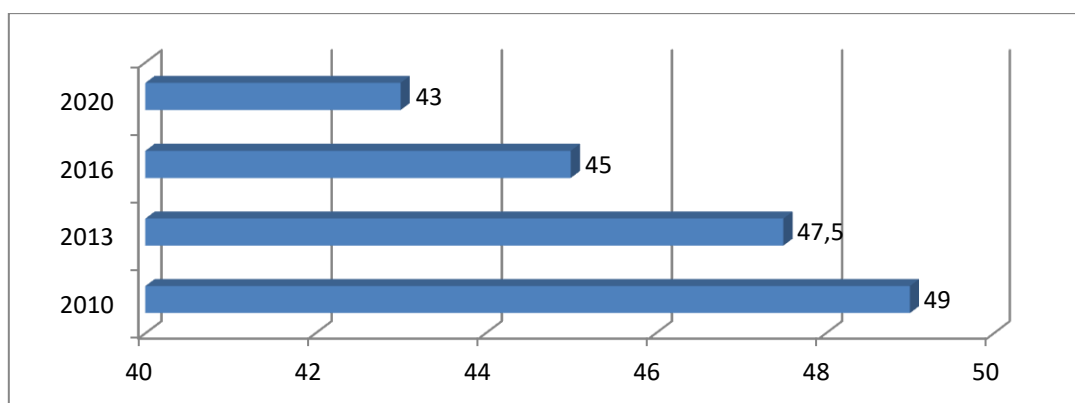


Рисунок 5 — Средний возраст исследователей в России [5]

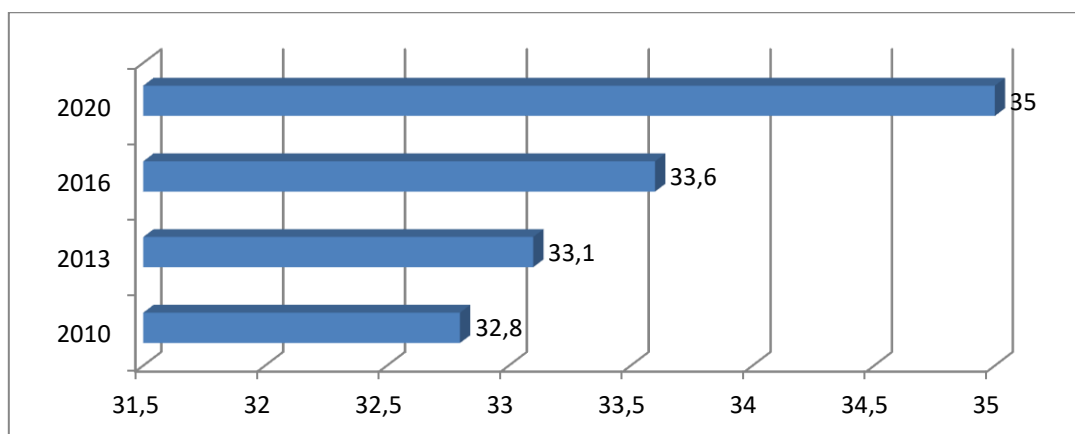


Рисунок 6 — Удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей, % [5]

В рамках реализуемых мероприятий по созданию инновационной среды предполагаются также мероприятия по изменению качественного состава и обеспечения управления в государстве, данные изменения именуется созданием «инновационного государства» [5, с. 101]. В рамках контроля осуществле-

ния данных изменений предлагается ряд индикаторов, такие как, например: омоложение руководящего состава.

Курс на омоложение руководителей бизнес-структур и государственных организаций реализуется параллельно с таковым в сфере НИОКР. Данная динамика приведена на рисунке 7.

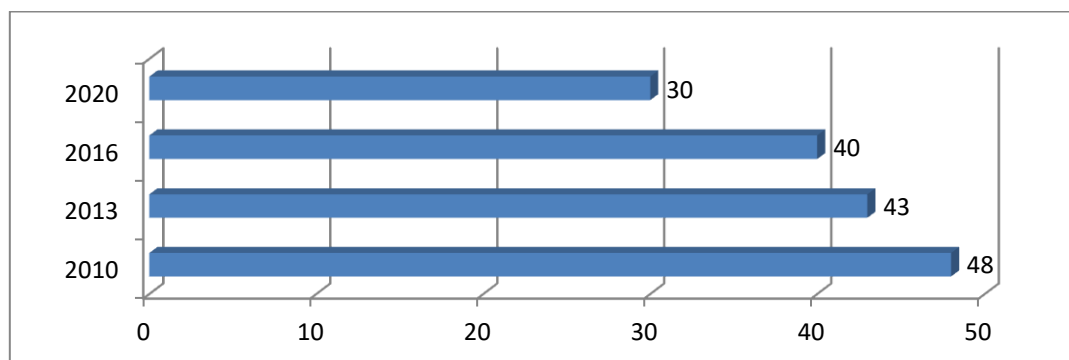


Рисунок 7 — Доля лиц старше 50 лет, занимающих должности руководителей высшей и главной групп должностей государственной гражданской службы в России, % [5]

Своеобразным критерием готовности к деятельности в сфере инновационной экономики, подразумевающей открытость и кадровый обмен, является

свободное владение иностранными языками [2]. Динамика увеличения доли госслужащих, владеющих иностранными языками, приведена на рисунке 8.

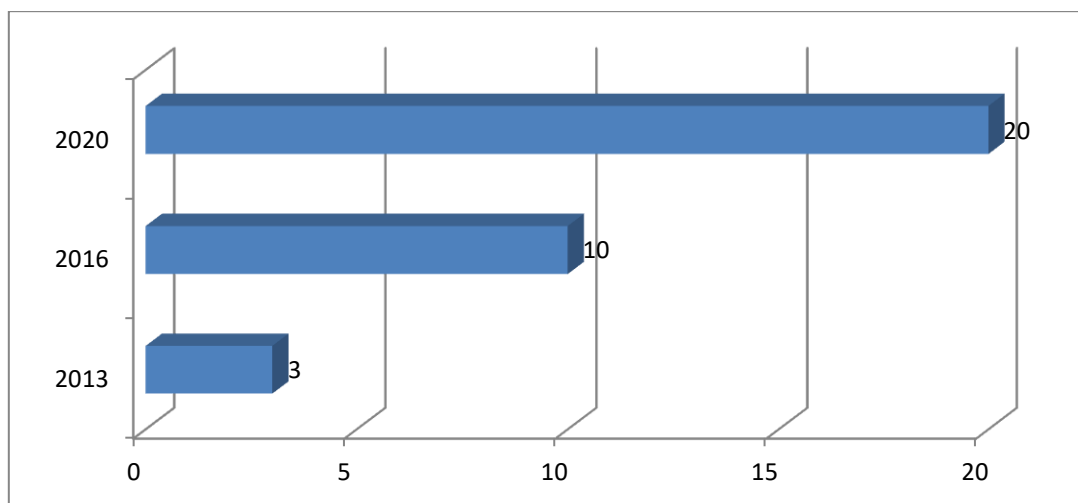


Рисунок 8 — Доля государственных служащих, свободно владеющих иностранным языком в России, % [5]

Успешность трансферта и диффузии инноваций предполагает определенный уровень развития в обществе

информационных технологий. Динамика данного индикатора представлена на рисунке 9.

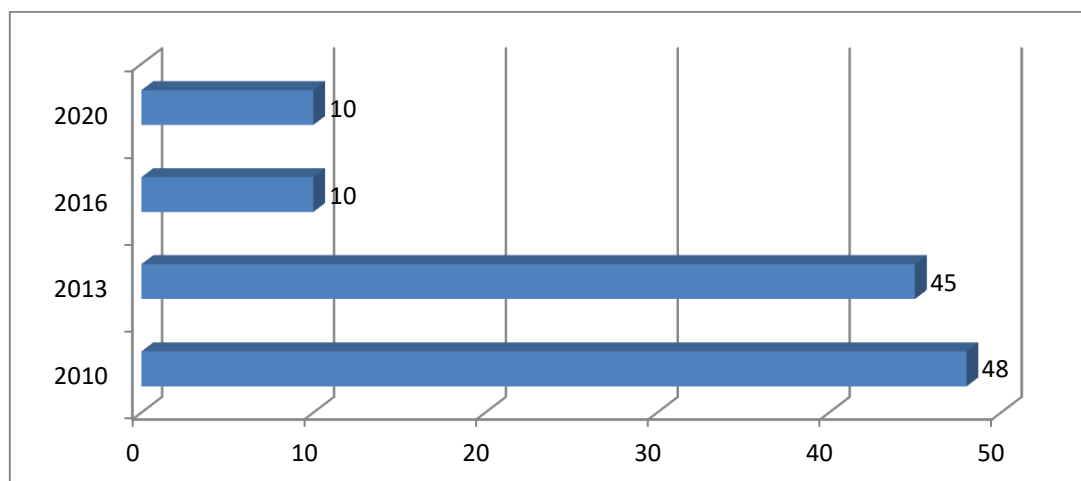


Рисунок 9 — Место РФ в международном рейтинге по индексу развития информационных технологий [5]

Согласно представленным данным, показатели данного индекса в РФ являются достаточно комфортными для успешного развития инновационной экономики и позволяют участвовать в международном обмене инновациями.

Заключение

Облегчение диффузии инноваций и процесс участия в международном обмене инновациями предполагает наличие соответствующих правовых гарантий для всех участников данного процесса,

как в России, так и в странах — участницах обмена. Анонсированные предложения по улучшению деятельности начального, среднего, высшего и дополнительного образования нацелены на решение кадровых проблем в функционировании, как инновационной инфраструктуры, так и в продуцировании инноваций в России. При осуществлении предложенных комплексных мероприятий и мониторинга качества их реализации во временной перспективе можно рассчитывать на рост инновационного потенциала и успешный обмен инновациями на равноправной основе с зарубежными стратегическими партнерами.

Библиографический список

1. Бадалова, А. Г., Бондаренко, В. А., Жебровская, Л. А., Колесников, Ю. А., Ларионов, В. Г. Медиаобразование в развитии образовательной среды вуза в условиях экономики инноваций // Медиаобразование. — 2017. — № 2. — С. 62–73.

2. Бондаренко, В. А., Писарева, Е. В., Казначеева, С. Н. Вопросы исследования мотивов к дополнительному изучению иностранных языков бакалаврами экономических направлений // Концепт. — 2017. — № S31. — С. 226–230.

3. Бондаренко, В. А. Маркетинговое сопровождение образовательных услуг как средство снижения рисков высшего учебного заведения // Практический маркетинг. — 2005. — № 11 (105). — С. 14–19.

4. Егоров, Е. Е., Бондаренко, В. А. Инновационные тенденции в управлении персоналом организации // Социальные и технические сервисы: проблемы и пути развития сборник статей по

материалам III Всерос. науч.-практ. конф. — Н. Новгород : Нижегородский гос. пед. ун-т им. К. Минина, 2017. — С. 254–258.

5. Инновационная Россия. Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. — М., 2011.

Bibliographic list

1. Badalova, A. G., Bondarenko, V. A., Zhebrovskaya, L. A., Kolesnikov, Yu. A., Larionov, V. G. Media education in development of educational environment of University in economy of innovation // Media Education. — 2017. — № 2. — P. 62–73.

2. Bondarenko, V. A., Pisareva, E. V., Kaznacheeva, S. N. Questions of research of motives to additional study of foreign languages by bachelors of economic directions // Concept. — 2017. — № S31. — P. 226–230.

3. Bondarenko, V. A. Marketing support of educational services as a means of reducing the risks of higher education // Practical marketing. — 2005. — № 11 (105). — P. 14–19.

4. Egorov, E. E., Bondarenko, V. A. Innovative trends in personnel management of the organization // Social and technical services: problems and ways of development collection of articles on materials of III all-Russian scientific and practical conference. — Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod State Pedagogical University named by Kozma Minin, 2017. — P. 254–258.

5. Innovative Russia. Strategy of innovative development of Russian Federation for the period up to 2020. — М., 2011.

В. А. Беспалько, Н. В. Гузенко, Н. А. Дадаян, Р. М. Межаев

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНКИ РЕЗЕРВОВ РОСТА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ – ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ МАШИН,
ОБОРУДОВАНИЯ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ**

Аннотация

В статье исследуется вопрос конкурентоспособности российских предприятий, производящих машины, оборудование и транспортные средства на внутреннем рынке, что актуализировано поставленными в рамках импортозамещения задачами. Делается вывод о необходимости выстраивания процесса импортозамещения за счет качественного роста в отрасли и создания долговременных центров и полюсов промышленного развития, обладающих стратегическим потенциалом роста конкурентоспособности.

Ключевые слова

Конкурентоспособность, транспортное машиностроение, импортозамещение, внутренний рынок.

V. A. Bepal'ko, N. V. Guzenko, N. A. Dadayan, R. M. Mezhaev

**ACTUALIZATION OF ASSESSMENT OF RESERVES FOR GROWTH
OF COMPETITIVENESS OF RUSSIAN ENTERPRISES – MANUFACTURERS
OF MACHINERY, EQUIPMENT AND VEHICLES IN DOMESTIC MARKET**

Annotation

Article examines the competitiveness of Russian enterprises producing machinery, equipment and vehicles in domestic market, which is actualized by tasks, set in framework of import substitution. It is concluded that it is necessary to build the process of import substitution at expense of quality growth in industry and creation of long-term centers and poles of industrial development with a strategic potential for competitiveness growth.

Keywords

Competitiveness, transport engineering, import substitution, domestic market.

Введение

К числу стратегических приоритетов развития отечественной экономики в ближайшей, средне- и долгосрочной перспективе, без сомнения, относится рост конкурентоспособности отечественного машиностроительного комплекса и его базовых отраслей, прежде всего — производства машин, различных видов оборудования и транспортных средств [1, 2]. За время, прошедшее с перехода к открытой либеральной хозяйственной модели, отечественное машиностроение из лидера национальной экономики превратилось в стагнирующий производственный комплекс, уступивший значительную часть внутреннего рынка продукции импорта и не имеющий устойчивых перспектив реа-

лизации сложившегося резерва импортозамещения. Данная ситуация актуализирует исследование вопросов оценки резервов роста конкурентоспособности российских предприятий – производителей машин, оборудования и транспортных средств на внутреннем рынке.

Аналитические материалы

За период 2013–2017 гг. совокупный объем импорта во внешней торговле Российской Федерации сократился с 315,298 до 227,833 млрд долл. (на 87,465 млрд долл., или 27,74 %), в том числе по группе товаров «Машины, оборудование и транспортные средства» – на 45,486 млн долл., или 29,77 % [3]. Детально статистические данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 — **Импортозависимость и резервы промышленного импортозамещения на внутреннем российском рынке машин, оборудования и транспортных средств***

Показатель	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017**
Импорт всего, млн долл.	315 298	287 063	182 719	182 267	227 833
Импорт машин, оборудования и транспортных средств, млн долл.	152 773	136 580	81 868	92 167,2	107 287
Доля группы «Машины, оборудование и транспортные средства» в общем объеме национального импорта, %	48,45	47,58	44,81	50,57	47,09
Средневзвешенный курс, руб. / долл. (данные ЦБР)	31,848	38,4217	60,9579	67,0349	58,3529
Стоимостная оценка импорта машин, оборудования и транспортных средств на территорию РФ по средневзвешенному курсу, млн руб.	4 865 515	5 247 636	4 990 501	6 178 419	6 260 507,6
Внутреннее производство машин, оборудования и транспортных средств, млн руб.	6 049 570	6 268 977	7 026 089	7 455 797	7 679 471
Экспорт машин, оборудования и транспортных средств, млн долл.	28 841	26495	25 440	24293	17 531
Доля экспорта машин, оборудования и транспортных средств в их внутреннем производстве, %	15,18	16,24	22,07	21,84	13,32
Запасы товарной группы для внутреннего потребления, млн руб.	5 131 042	5 250 994	5 475 320	5 827 318	6 656 486,2
Общий объем внутреннего рынка товарной группы, млн руб.	9 996 556	10 498 630	10 465 821	12 005 737	12 916 994
Доля продукции российского производства на внутреннем рынке, %	51,33	50,02	52,32	48,54	51,53

* Рассчитана по данным Росстата [3].

** Данные 2017 г. — прогноз.

Необходимо отметить стабильно высокую долю рассматриваемой товарной группы в составе национального импорта, которая составляла на протяжении рассматриваемого периода (2013–2017 гг.) почти половину стоимости этого потока внешней торговли, свидетельствуя о сложившемся и устойчивом уровне импортозависимости в потреблении ряда важнейших видов промышленной продукции.

Несмотря на широко объявленную в 2014 г. стратегию национального импортозамещения в базовых секторах реального сектора (промышленности и сельском хозяйстве), объективные количественные данные свидетельствуют об отсутствии более или менее устойчивой позитивной динамики по этому вопросу.

На вопрос о причинах подобного состояния дел ответили сами разработчики Государственной программы № 328, нацеленной на развитие отечественной промышленности с ожидаемым устойчивым ростом ее конкурентоспособности: «Основные тезисы программы относятся к фундаментальным правовым факторам, определяющим формальный порядок промышленного импортозамещения и не определяют конкретные шаги для достижения названной цели» [4]. Хочется в этом случае сразу определиться с содержательной ценностью документа, в котором подробно расписан комплекс целей, задач, критериев оценки успешности, исполнителей и контролеров, но детально не раскрыты конкретные шаги и этапы.

Видимо, текущий уровень стратегического развития промышленности страны и ее базовых секторов не в полной мере коррелирует с существующими маркетинговыми реалиями, сопровождающими деятельность отечественных предприятий на внутренних рынках промышленной продукции производственно-технического и потребительского назначения.

В то же время конкретные резервы промышленного импортозамещения как результат роста эффективности маркетингово-конкурентных стратегий отечественных предприятий на внутренних рынках вполне поддаются формализации и оценке с точки зрения операционной, социальной и бюджетной эффективности (табл. 2).

Таблица 2 — Резервы роста конкурентоспособности российских предприятий – производителей машин, оборудования и транспортных средств на внутреннем рынке, доступные в рамках стратегии импортозамещения*

Показатель	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017**
Импорт машин, оборудования и транспортных средств, млн долл.	152 773	136 580	81 868	92 167,2	107 287
Импорт машин, оборудования и транспортных средств, млн руб.	4 865 515	5 247 636	4 990 501	6 178 419	6 260 507,6
Норма импортозамещения, возможного на территории РФ, % от общего объема импорта по товарной группе					
пессимистический сценарий	50				
базовый сценарий	70				
оптимистический сценарий	90				
Внутреннее производство машин, оборудования и транспортных средств, млн руб.	6 049 570	6 268 977	7 026 089	7 455 797	7 679 471
Количество организаций-производителей, ед.	4127	3963	3838	3773	3622
Средний объем отгрузки промышленной продукции по товарной группе «Машины, оборудование и транспортные средства», в расчете на 1 предприятие, млн руб.	1465,9	1581,9	1830,7	1976,1	2120,2
Число новых субъектов отрасли, доступных к организации деятельности при освоении резерва импортозамещения внутреннего рынка, ед.					
пессимистический сценарий	1660	1659	1363	1563	1476
базовый сценарий	2323	2322	1908	2189	2067
оптимистический сценарий	2987	2986	2453	2814	2657
Число новых рабочих мест на импортозамещающих предприятиях (при средней численности ППП 100 чел.), тыс. чел.					
пессимистический сценарий	165,96	165,87	136,30	156,33	147,64
базовый сценарий	232,35	232,21	190,82	218,86	206,69
оптимистический сценарий	298,73	298,56	245,35	281,39	265,75

* Рассчитана по данным Росстата [3].

** Данные 2017 г. — прогноз.

Продолжение табл. 2

Показатель	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017**
Рост налоговых поступлений консолидированного бюджета при освоении резерва импортозамещения внутреннего рынка (уровень фискальной нагрузки 35 % от оборота), млрд руб.					
пессимистический сценарий	851,47	918,34	873,34	1081,22	1095,59
базовый сценарий	1192,05	1285,67	1222,67	1513,71	1533,82
оптимистический сценарий	1532,64	1653,01	1572,01	1946,20	1972,06

За период 2013–2017 гг. импорт на внутренний рынок Российской Федерации машин, оборудования и транспортных средств составил более 570 млн долл., или 27,542 трлн руб. В 2017 г. показатель импорта по указанной группе с учетом значительной девальвации

национальной валюты в 2014–2017 гг. вырос на 1,394 трлн руб., или 28,67 %.

Освоение имеющегося внутреннего резерва конкурентоспособности может обеспечить следующую положительную динамику числа новых российских промышленных предприятий (рис. 1).

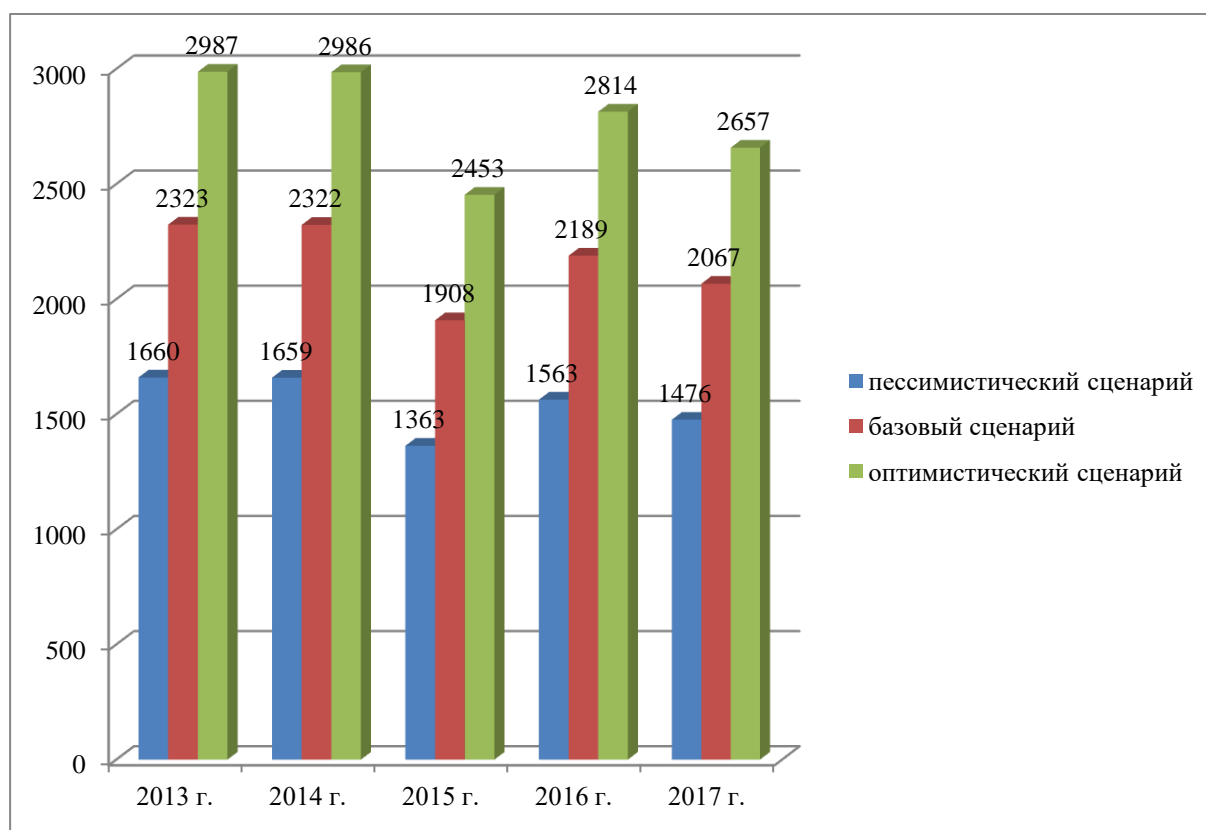


Рисунок 1 — Возможный прирост числа новых промышленных предприятий – производителей машин, оборудования и транспортных средств при реализации пессимистичного (норма замещения 50 %), базового (70 %) и оптимистичного (90 %) замещающего сценариев*

* Составлен на основе исследовательских данных.

Даже в пессимистичной оценке число новых производителей промышленной продукции по рассматриваемой товарной группе может превысить 1476 ед. (при условии среднего объема производства в расчете на 1 предприятие 2,12 млрд руб. в год и производительностью труда при средней численности промышленно-производственного персонала в 100 чел. на уровне 20 млн руб. / чел.). Отметим, что сегодняшним критерием высокопроизводительного рабочего места является производительность труда в 3 млн руб. на человека в год [4], которая с легкостью может быть перекрыта на высокотехнологичных машиностроительных

производствах с высокой долей добавленной стоимости и маржинальности продаж.

В базовом сценарии число новых производителей машин, оборудования и транспортных средств по данным резерва импортозамещения 2017 г. может составить более 2 тыс. новых предприятий, в оптимистическом сценарии – более 2,6 тыс.

Прикладная реализация накопленного резерва импортозамещения на внутреннем рынке по указанной товарной группе может привести к значительному приросту числа новых рабочих мест (рис. 2).

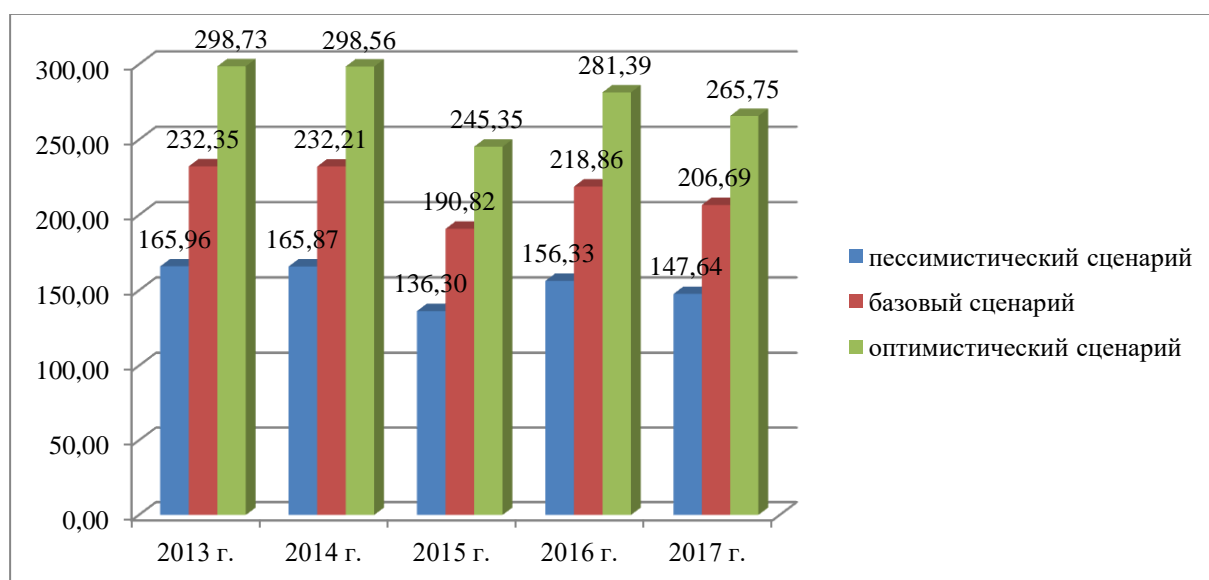


Рисунок 2 — Возможный прирост числа высокопроизводительных рабочих мест в машиностроительном комплексе Российской Федерации на основе реализации резерва внутреннего импортозамещения на рынках машин, оборудования и транспортных средств*

* Составлен на основе исследовательских данных.

Из расчетных данных виден потенциал роста занятости работоспособного населения страны в реальном секторе на 147,64 тыс. чел. в пессимистическом сценарии (+5 % численности занятых по ВЭД «Обрабатывающие производства»), 206,69 тыс. чел. в базовом сценарии (+7 %), 265,75 тыс. чел. в оптимистическом сценарии (+9 % числен-

ности занятых по ВЭД «Обрабатывающие производства»).

Укажем также, что при ограничении фискальной нагрузки на производительный промышленный бизнес в размере не больше 35 % от объема продаж, дополнительные поступления в консолидированный бюджет, ожидаемые по результатам эффективного

промышленного импортозамещения, могут быть оценены в пессимистическом прогнозе в 1,095 трлн руб., в базовом — в 1,533 трлн руб., в оптимистическом — в 1,972 трлн руб. (для справки: все расходы на национальное образование в бюджете-2018 оценены на уровне 0,619 трлн руб., а весь дефицит государственного бюджета страны определен в 1,332 трлн руб. и может быть компенсирован не из резервного фонда национального благосостояния, а посредством развития всего лишь трех видов промышленного производства, составляющих ВЭД «Обрабатывающие производства» [5]).

Заключение

Резюмируя, отметим актуальность и значимость народнохозяйственной проблемы снижения импортозависимости посредством эффективного импортозамещения на внутренних рынках высокотехнологичной промышленной продукции машиностроения, решение которой позволит стабилизировать финансовые потоки государственного масштаба, придаст новый импульс развития наиболее прогрессивному и инновационному сектору промышленности, обладающему глобальным потенциалом конкурентоспособности. Вклад в эффективное импортозамещение должен быть внесен и на основе качественного роста эффективности и значимости маркетингово-конкурентных стратегий, основанных на реализации принципа конкурентной устойчивости и направленных на создание долговременных центров и полюсов промышленного развития, обладающих стратегическим потенциалом роста конкурентоспособности.

Библиографический список

1. Пьянова, Н. В., Третьякова, Н. А. Конкурентная стратегия в системе управления конкурентоспособностью организации // Научные записки Орел-ГИЭТ. — 2017. — № 3 (21). — С. 13–21.

2. Цыкалова, В. В., Лымарева, О. А. Пути оптимизации конкурентной стратегии компании // Стратегия импортозамещения: проблемы, тенденции, перспективы (на примере Краснодарского края): материалы рег. науч. конф. — М., 2017. — С. 138–141.

3. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise.

4. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/86100fe66c1448fb62701d35f1643d2886937bea.

5. <http://investorschool.ru/byudzhetrossii-2018-v-cifrax>.

6. Галазова, С. С. Актуальные аспекты современной теории экономической безопасности страны // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. Коста Левановича Хетагурова. — 2013. — № 4. — С. 381–385.

Bibliographic list

1. Pianova, N. V., Tretyakova, N. A. Competitive strategy in system of management of competitiveness of organization // Scientific notes of OriolSIET. — 2017. — № 3 (21). — P. 13–21.

2. Tsykalov, V. V., Lymareva, O. A. Ways of optimization of company competitive strategy // Strategy of import substitution: problems, trends, prospects (by example of Krasnodar region): materials of regional scientific conference. — M., 2017. — P. 138–141.

3. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise.

4. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/86100fe66c1448fb62701d35f1643d2886937bea.

5. <http://investorschool.ru/byudzhetrossii-2018-v-cifrax>.

6. Galazova, S. S. Relevant aspects of modern theory of economic security of country // Bulletin of North Ossetian state university named by Costa Levanovich Khetaurov. — 2013. — № 4. — P. 381–385.

П. А. Голота, И. А. Козлякова

СОВРЕМЕННЫЙ БЕНЧМАРКИНГ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПРИКЛАДНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация

В статье исследуются вопросы сущностного наполнения современного бенчмаркинга, как исследовательского инструментария, проанализирована его эволюция в рамках усложнения конкурентного рыночного поля. Акцент в статье сделан на пятом эволюционном этапе бенчмаркинга, именуемом «глобальным», в рамках которого проявляется его роль в маркетинговом обеспечении успешного территориального развития.

Ключевые слова

Эволюция, бенчмаркинг, территория, маркетинговые исследования, развитие.

P. A. Golota, I. A. Kozlyakova

MODERN BENCHMARKING IN TERRITORIAL DEVELOPMENT: EVOLUTION AND APPLICATION CONTENT

Annotation

Authors study the issues of essential content of modern benchmarking as a research tool, analyze its evolution in framework of complexity of competitive market field. Article focuses on fifth evolutionary stage of benchmarking, called «global», which manifests its role in marketing to ensure successful territorial development.

Keywords

Evolution, benchmarking, territory, marketing research, development.

Введение

В сложившейся экономике, которая ориентирована на инновационный сценарий развития и характеризуется высоким уровнем конкурентной борьбы между различными игроками, определенные преимущества имеют те, кто обладает доступом к информационному обмену, внедряют передовые методики в своей деятельности, выстраивают эффективные партнерские связи и долгосрочные взаимоотношения с потребителями. Это предполагает необходимость постоянного участия в проведении масштабных маркетинговых исследований, ориентированных на специфику функционирования бизнеса, поиск приоритетных направлений развития рынков. Описывая такое многогранное явление, как бенчмаркинг, целесообразно отметить,

что его правильно рассматривать в качестве функции осуществления эффективных маркетинговых исследований компаниями или территориями, ориентированными на успешное функционирование в высоко конкурентной среде в пролонгированной перспективе. Бенчмаркинг, как функция маркетинговых исследований, разработка научно-методического инструментария и практических рекомендаций по повышению конкурентоспособности экономических субъектов на основе метода объективного систематического сопоставления собственной деятельности с работой лучших отечественных и мировых компаний, входит в число самых популярных и наиболее эффективных методик маркетингового управления, которые успешно применяются для нужд территориального развития.

Исследовательские данные и об- суждение

Сложилось мнение, что бенчмаркинг возник и укрепился в качестве направления комплекса маркетинговых исследований, прежде всего, в деловой практике компаний в США. Затем, он получил свое развитие в деятельности различных исследовательских и консалтинговых структур в США и Европе. В данной связи, ряд отечественных исследователей приводят данные о том, что бенчмаркинг выступает одним ведущих исследовательских направлений для выбора траектории ведения успешного бизнеса в практике зарубежных компаний [2].

В зарубежной среде высок интерес к данному исследовательскому направлению. Так, в Великобритании функционирует «Центр бенчмаркинга», оказывающий консультационную помощь в различных направлениях ведения бизнеса [11]. Им было проведено исследование (в виде анкетного опроса) среди представителей 770 различных организаций. В рамках данного исследования были получены следующие результаты, характеризующие вовлеченность в процессы бенчмаркинга представителей бизнеса, а также готовности делиться информацией, позволяющей приобретать конкурентные преимущества, с другими участниками рынка. Получилось, что порядка 70 % компаний и организаций уже вовлечены в исследовательскую деятельность в рамках бенчмаркинга; более 90 % компаний высказали готовность участвовать в информационном обмене с другими участниками рыночных процессов; и почти 90 % организаций полагают, что им необходимы компании-партнеры, обладающие высокими компетенциями, позволяющими проводить систематические сопоставления в рамках бенчмаркинга на регулярной основе [11, 15].

Ввиду общности протекающих в мире экономических процессов интерес к данному направлению эффективных мар-

кетинговых исследований, ориентированных на возможности развития бизнеса или территории в высоко конкурентной среде стал популярным и в России. Тем не менее, внедрение медик эталонного сравнения в рамках осуществления маркетинговых исследований при оценке внутренней и внешней среды функционирования компаний для выявления возможных резервов роста или поиска направлений эффективного развития территорий в России значительно ниже.

В сложившихся в национальной экономике условиях отечественные предприятия используют в упрощенной форме инструментарий современного бенчмаркинга, как правило, не задумываясь над его научными характеристиками и потенциально возможными преимуществами. Имеется в виду, что обмениваясь опытом в рамках общего информационного пространства, или во время проведения официальных научных и бизнес-мероприятий, представители предприятий и управленческого аппарата, перенимают (на сколько это возможно) опыт конкурентов, ориентируясь на их более весомый экономический эффект.

Относительно государственного бенчмаркинга (нацеленного на развитие территорий в конкурентной среде) отметим, что он применим далеко не повсеместно, хотя имеет значительные перспективы для внедрения. В целом, в российской бизнес-среде, просматривается тенденция детерминировать бенчмаркинг в качестве эталонного сопоставления чужих достижений и маркетингового анализа деятельности конкурентов, хотя потенциал бенчмаркинга, как функции перманентных масштабных маркетинговых исследований значительно шире.

Проанализируем основные существенные характеристики и научно-прикладное содержание понятия бенчмаркинг в арсенале отечественных и иностранных исследователей.

Каренов Р., исходя из современных позиций практической трактовки данно-

го направления эталонных исследований, отождествляет бенчмаркинг с необходимостью определения показателей, характеризующих собственную деятельность предприятия; сопоставлением выделенных показателей с таковыми у конкурирующих организаций (лидирующих в данной сфере) и оценкой возможности использования данного позитивного примера в своей деловой практике [7]. Отечественный исследователь Михайлова Е., развивая его мысль применительно к бенчмаркингу, уточняет, что изучению (по сути, комплексным маркетинговым исследованиям на базе эталонных сравнений) подлежат характеристики товаров и сервисов компаний-лидеров на рынке, а также модель их взаимодействия с партнерами по бизнесу и потребителями [8], что возвращает бенчмаркетинговую технологию в проблемное поле маркетинговых исследований.

Зарубежные исследователи Харрингтон Х. Дж., Харрингтон Дж. также дают широкую трактовку процессу бенчмаркинга, полагая, что при непрерывном осуществлении позволяет почерпнуть все лучшее из делового опыта других компаний и внедрить в работу собственной организации в обозримой перспективе [12].

Определение бенчмаркинга зарубежного исследователя Кернса Д. находится в поле проведения систематической маркетинговой аналитики качественных характеристик продуктов и сервисов, а также анализа конкурентов, лидирующих в рыночной нише, которой интересуется компания, осуществляющая сопоставления [14].

Известные российские ученые-маркетологи Багиев Е., Аренков И. отмечают, что бенчмаркинг состоит в проведении мероприятий (на систематической основе), включающих в себя поисковый модуль, оценочный модуль, модуль изучения передовых практик и возможностей [4]. Данными авторами подчеркивается то обстоятельство, что для полноценной маркетинговой оценки

ситуации и нахождения перспектив развития бизнеса с вовлечением инструментов бенчмаркинга не следует ставить ограничительных рамок в эталонных сравнениях, касающихся отраслевой принадлежности компании, размеров бизнеса и размещения.

Панов А. указывает, что, по его мнению, наиболее распространенной является следующая трактовка бенчмаркинга, характеризующая его в качестве исследовательского процесса, в рамках которого осуществляются сопоставления по характеристикам продуктов и сервисов, конкурентов и лидеров в отрасли с деятельностью вашей компании для нахождения траектории повышения качества осуществляемой деятельности по всем искомым направлениям [9].

Например, Черенков В. определяет сущностное (функциональное) содержание бенчмаркинга как: «процесс, посредством которого компания непрерывно осуществляет самооценку и сравнение себя с лидерами бизнеса во всем мире, образующими, так называемый ведущий рынок, получая информацию, необходимую для улучшения собственных бизнес-характеристик» [13].

Такие специалисты, как Зуб А., Локтионов М. подчеркивают, что бенчмаркинг представляет собой исследовательскую методику, в рамках которой организация сравнивает все функциональные области своей деловой практики и лидерами, представленными в данном рыночном поле [5]. Соответственно, комплекс мероприятий по управлению определенной организацией должен быть построен на принципах маркетингового видения ситуации и принятия адекватных действительности маркетинговых решений за счет применения процедур бенчмаркинга.

Следует отметить, что данные специалисты, в отличие от Багиева Е., Аренкова И., считают целесообразным отчертить суженный «ареал исследовательского поля», в который, по их мнению, необходимо включать организа-

ции, занятые схожими видами деловой активности; обладающие сопоставимыми с вашей организацией видами ресурсов; достигшие существенных результатов в этом виде деятельности. Далее, следует определить лаг отставания от данных организаций и наметить возможные конкретные шаги (на основании комплексных исследований и эвристических предположений) для преодоления отставания и выхода на лидирующие позиции [5].

Зарубежный исследователь Андерсен Б. рассматривает бенчмаркинг в качестве систематического сопоставле-

ния бизнес-процессов компаний. Бизнес-процессы данный специалист определяет в качестве действий, осуществляемых в интересах потребителей компании и обладающих ценностью в глазах потребителей. Сопоставлению в таком ключе подлежит ценный опыт других организаций с отслеживанием итогов его внедрения и адаптации в работе конкретного предприятия [1].

Описывая действия ряда компаний и происходившие на рынках изменения, Иванова Е., Разорвин И. представляют схему эволюционирования бенчмаркинга на протяжении XX в. (рис. 1).



Рисунок 1 — Этапы эволюции бенчмаркинга [6]

Наибольший интерес для нас представляет 5-й этап. По мнению Багиева Г., Тарасевича В., Анн Х. современный этап целесообразно именовать глобальным бенчмаркингом, поскольку в нем сопоставления производятся компаниями и организациями по всему миру с учетом мультикультурных различий и моделей организации бизнес-процессов, специфики построения взаимоотношений производителей и потребителей [3].

Применительно к современному периоду хозяйствования, в рамках пятого этапа развития бенчмаркинга можно выделить такое его направление, как бенчмаркинг территориальных образований, когда за присутствующие ресурсы в экономической системе конкурируют не предприятия и организации, а территории, осуществляющие эталонное сопоставление и адаптирующие лучшие практики под возможно-

сти собственного успешного развития. На основании учета деятельности лидирующих территорий формируются возможные альтернативные траектории (сценарии) собственного развития, описываемые с маркетинговой стратегии развития территории; создания конкурентоспособной успешной городской агломерации на основании «ведущего» городского центра и примыкающих муниципальных образований на основе осмысления опыта успешных агломераций подобного рода. При таком видении сложившейся ситуации цель бенчмаркинга в общем виде состоит в совершенствовании бизнеса и повышении конкурентоспособности экономических субъектов, территориальных образований на долгосрочную перспективу.

Выступая органичным инструментом современного маркетинга (его ана-

литического исследовательского инструментария), бенчмаркинг нацелен на достижение поставленных целей и, формируя процесс и сущность самого эталонного сравнения, выстраивая на этой основе траекторию эффективности и успеха в развиваемом направлении.

Следует выделить фундаментальные группы задач, которые должны быть разрешены в рамках проведения процедуры эталонного сопоставления:

1. Исследование собственной деятельности, угроз, потенциала и тенденций развития и сопоставление результатов с другими (анализ внутренней и внешней маркетинговой среды).

2. Исследование и внедрение в собственную практику наиболее эффективного опыта других организаций (выявление, внедрение, адаптация и мониторинг эффективности).

Таблица 1 — Различия в теоретико-методическом обеспечении маркетинговых решений с привлечением управленческого инструментария [7, 9]

Рассматриваемый элемент	Исследование рыночного поля, потребителей	Изучение показателей конкурентоспособности	Бенчмаркинг
Детерминированная цель	Анализ возможных и существующих объемов производства, анализ потребностей целевых сегментов потребителей, анализ эффективности существующих «точек контакта» с потребителями	Исследование и сопоставление конкурентных стратегий	Анализ причин, которые позволяют лидерам рынка быть успешными и действовать эффективно
Ключевой параметр исследования	Выявляемые запросы целевой аудитории	Осуществляемые конкурентные стратегии	Маркетинговая модель взаимоотношений с потребителями, направленная на их полноценное удовлетворение
Анализируемые объекты	Продукты (товары), сервисы, бизнес-процессы	Стратегические решения в развиваемом рыночном поле	Маркетинговая модель взаимоотношений с потребителями, направленная на их полноценное удовлетворение
Информационный ресурс	Представители целевой аудитории	Анализ собственного предприятия и анализ конкурентов	Деловые практики лидеров рынка и конкурентов

Бенчмаркинг (в своей основе) предполагает конкурентный анализ, но в данном теоретико-прикладном арсенале этот анализ глубоко детализирован и упорядочен, поэтому он имеет существенные отличия, как от классического маркетингового исследовательского подхода, так и от иных методик современных научных исследований. Соответственно, бенчмаркинг представляет собой эффективное применение концепции объективного систематического сопоставления, формируемое комплексом инструментов для данного адаптивного сопоставления. Его внедрение и планомерное использование помогает в случае правильных мотивационных решений вовлечь персонал в достижение организацией искомым конкурентных преимуществ и выбрать наиболее рациональный способ достижения планируемого результата [10]. Процедуры бенчмаркинга включают в себя такие направления в рамках маркетинговых организаций, как модель организации сотрудничества с партнерами, построение взаимоотношений с потребителями, оценка удовлетворенности ключевых потребителей, осуществляемые стратегические и тактические решения и т. д.

Выводы

В заключение отметим, что на современном этапе основные сущностные характеристики и научно-прикладное содержание бенчмаркинга, а так же его эволюция и современное актуальное развитие в российских условиях предполагают необходимость проведение процессов не предприятий, а территорий, в которых составляются планы (программы) перспективного развития, содержащие маркетинговые решения, отражающиеся на возможностях рыночных агентов (предприятий и организаций) данной территории. Такая постановка вопроса актуализирует использование бенчмаркинг-инструментов в современной действительности и предопределяет необходимость исследования аспектов применения бенчмаркинга в территориальном развитии.

Библиографический список

1. *Андерсен, Б.* Бизнес-процессы: инструменты совершенствования. — М. : Стандарты и качество, 2008. — С. 22.
2. *Андрасюк, М., Чардымский, М.* Бенчмаркинг как инструмент совершенствования ассортиментной политики промышленного предприятия // *Маркетолог*. — 2010. — № 3 (125). — С. 11–17.
3. *Анн, Х., Багиев, Г. Л., Тарасевич, В. М.* Маркетинг : учебник. — 3-е изд. — СПб. : Питер, 2005.
4. *Багиев, Е. Г., Аренков, И. А.* Бенчмаркинг и маркетинговые решения. — СПб.: СПГУФ, 2007. — С. 27.
5. *Зуб, А. Т., Локтионов, М. В.* Системный стратегический менеджмент: методология и практика. — М. : Генезис, 2001. — С. 405.
6. *Иванова, Е. А., Разорвин, И. Е.* Бенчмаркинг как эффективная маркетинговая технология сравнительного анализа эффективности [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2009/02/12>.
7. *Каренов, С. Р.* Бенчмаркинг — управленческая технология, позволяющая формализовать передачу и адаптацию передового управленческого опыта [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://articlekz.com/article/8512>.
8. *Михайлова, Е. А.* Основы бенчмаркинга. — М. : Юристь, 2008. — С. 11.
9. *Панов, А. Н.* Стратегический менеджмент : учеб. пособие. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. — С. 182.
10. *Руденко, М., Дорофеева, А.* Технология бенчмаркинга // *Маркетинг*. — 2013. — № 2 (129). — С. 57–66.
11. *Стариков, В. В.* Бенчмаркинг — путь к совершенству // *Маркетинг в России и за рубежом*. — 2006. — № 4.
12. *Харрингтон, Х. Дж., Харрингтон, Дж. С.* Бенчмаркинг в лучшем виде [Электронный ресурс]. — СПб. : Питер, 2004. — Режим доступа : <http://msk.treko.ru>.
13. *Черенков, В.* Международный маркетинг : учеб. пособие. — СПб. : Знание, 1998. — С. 283.

14. *Kearnes, D. T.* Quality improvement begins at the top // *World*. — 1986. — Vol. 20 (5). — P. 21.

15. *Pffiffer, R.* Von den besten Lösungen // *Markt und Mittelstand*. — 2006.

Bibliographic list

1. *Andersen, B.* Business processes: tools for improvement. — M. : Standards and quality, 2008. — P. 22.

2. *Andrasyuk, M., Chardymkiy, M.* Benchmarking as a tool for improving the assortment policy of industrial enterprise // *Marketer*. — 2010. — № 3 (125). — P. 11–17.

3. *Ann, H., Bagiev, G. L., Tarasevich V. M.* Marketing: Proc. for universities. — 3rd ed. — SPb. : Peter, 2005.

4. *Bagiev, E. G., Arenkov, I. A.* Benchmarking and marketing solutions. — SPb. : SPHUT, 2007. — P. 27.

5. *Zub, A. T., Loktionov, M. V.* Strategic management system: methodology and practice. — M. : Genesis, 2001. — P. 405.

6. *Ivanova, E. A., Razorvin, I. E.* Benchmarking as effective marketing technology of comparative efficiency analysis [Electronic resource.] — Mode of access : <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2009/02/12>.

7. *Karen, S. R.* Benchmarking is management technology that allows to formalize the transfer and adaptation of advanced management experience [Electronic resource]. — Mode of access : <http://articlekz.com/article/8512>.

8. *Mikhailova, E. A.* Fundamentals of benchmarking. — M. : Lawyer, 2008. — P. 11.

9. *Panov, A. N.* Strategic management : textbook. — M. : UNITI-DANA, 2002. — P. 182.

10. *Rudenko, M., Dorofeeva, A.* Technology benchmarking // *Marketing*. — 2013. — № 2 (129). — P. 57–66.

11. *Starikov, V. V.* Benchmarking — the way to perfection // *Marketing in Russia and abroad*. — 2006. — № 4.

12. *Harrington, H. J. Harrington, J. C.* Benchmarking at its best [Electronic resource]. — SPb. : Peter, 2004. — Mode of access : <http://msk.treko.ru>.

13. *Cherenkov, V.* International marketing : textbook. — SPb. : Znanie, 1998. — P. 283.

14. *Kearnes, D. T.* Quality improvement begins at the top // *World*. — 1986. — Vol. 20 (5). — P. 21.

15. *Pffiffer, R.* Von den besten Lösungen // *Markt und Mittelstand*. — 2006.

С. В. Грицунова, Ю. А. Седых

ОЦЕНКА УРОВНЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ПО НЕКОТОРЫМ ГРУППАМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся достижения РФ необходимого уровня продовольственной независимости достаточного для обеспечения населения необходимыми продовольственными товарами. Проведен анализ уровня самообеспечения по основным группам продовольственных товаров, являющихся приоритетными в РФ. Приведена оценка уровня продовольственной независимости РФ по ряду продовольственных товаров.

Ключевые слова

Продовольственная безопасность, продовольственная независимость, импорт, уровень самообеспечения, продовольственный сектор.

ASSESSMENT OF LEVEL OF FOOD INDEPENDENCE ON SOME GROUPS OF FOOD PRODUCTS OF RUSSIAN FEDERATION

Annotation

In article the questions concerning achievement of Russian Federation of necessary level of food independence of population, sufficient for providing, with necessary food products are considered. Analysis of level of self-sufficiency on the main groups of food products which are priority in Russian Federation is carried out. Assessment of level of food independence of Russian Federation on a number of food products is given.

Keywords

Food security, food independence, import, self-sufficiency level, food sector.

Введение

В результате происходящих на протяжении последних десятилетий различных реформ в аграрном секторе РФ, вступления России в ВТО, а также многих других причин, произошла некоторая утрата потенциала к самостоятельности, независимости продовольственного рынка РФ от других мировых держав в области обеспечения населения необходимыми продовольственными товарами [4–5,7–9]

Введение экономических санкций против РФ, ответные меры в виде эмбарго на ввоз некоторых видов продовольственных товаров из ряда европейских стран, США, Канады, состояние внешнеполитических и экономических связей РФ, актуализируют вопросы продовольственной независимости государства. Помимо этого, в современных условиях развития экономики страны существует реальная потребность в развитии собственного сельского хозяйства, а также продовольственного сектора.

Продовольственная независимость отражает фактически уровень развития отечественного АПК и достигается тогда, когда основные группы продовольственных товаров на рынок поставляются в основном или полностью за счет собственных ресурсов страны [2, 3].

Материалы и методы

Исследованы вопросы обеспечения продовольственной независимости

РФ по приоритетным видам продовольственных товаров. В доктрине продовольственной безопасности РФ, утвержденной указом президента РФ № 120 от 30.01.2010 (с доп. и изм. от 25.01.2018) указан один из предельно-критических показателей, позволяющий оценить продовольственную независимость страны в целом или отдельных ее регионов. Этот показатель называется уровень самообеспечения. Уровень самообеспечения определяется как процентное отношение объема отечественного производства конкретного продовольственного товара к объему их внутреннего потребления, имеющих пороговые значения, которые установлены в вышеуказанном документе:

- зерно: не менее 95 %;
 - сахар: не менее 90 %;
 - растительное масло: не менее 90 %;
 - мясо и мясопродукты: не менее 85 %;
 - рыба и рыбопродукты: не менее 85 %;
 - картофель: не менее 95 %;
 - овощей и бахчевых: не менее 90 %;
 - фруктов и ягод: не менее 70 %;
 - соль пищевая: не менее 85 % [1].
- Четко прослеживаемое превышение фактически достигнутого уровня продовольственной независимости по

конкретному продовольственному товару над его пороговым значение, позволяет утверждать о наличии экспортного потенциала.

Для оценки уровня самообеспечения РФ использовались данные баланса продовольственных ресурсов по основным группам продовольственных товаров РФ, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики РФ. Информацию по некоторым группам продовольственных товаров Федеральная служба гос. статистики предоставила за 2012–2016 гг., а для некоторых за 2013–2017 гг., поэтому для анализа в статье также были использованы аналогичные периоды. Для анализа структуры и географии импорта в РФ были использованы данные Географии

импорта в РФ по отдельным наименованиям продовольственных товаров, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики РФ.

Результаты

Для оценки состояния продовольственной независимости выбраны товары сельскохозяйственной, рыбной продукции и некоторые виды продовольственных товаров.

По данным на 25.01.2018 в Доктрине продовольственной безопасности РФ пороговое значение по уровню самообеспеченности молоком и молочными продуктами установлен на уровне не менее 90 %. Динамика уровня самообеспечения молоком и молочными продуктами за 2013–2017 гг. приведена на рисунке 1.

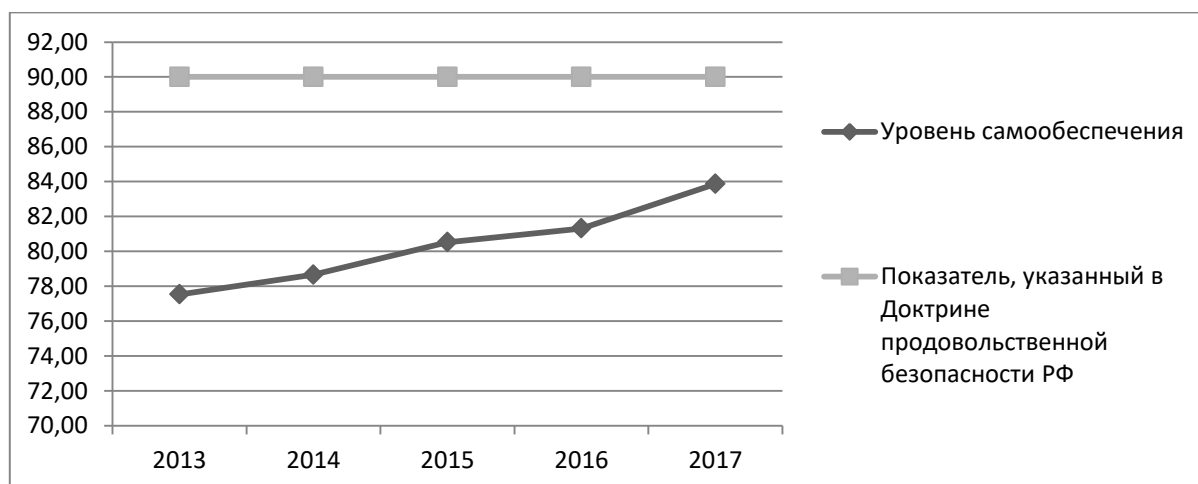


Рисунок 1 — Динамика уровня самообеспечения молоком и молочными продуктами за 2013–2017 гг.*

* Рассчитан на основании данных: Баланс продовольственных ресурсов 2013–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

В Доктрине продовольственной безопасности РФ пороговое значение по уровню самообеспеченности мяса и мясопродуктов установлен на уровне не менее 85 %.

На рисунке 2 видно, что к 2016 г. был достигнут пороговый уровень, заявленный в Доктрине продовольственной безопасности и значение уровня самообеспеченности составил 90 %.

В Доктрине продовольственной безопасности РФ заявлен показатель уровня самообеспечения зерна в размере 95 %. Рисунок 3 продемонстрировал уровень самообеспечения зерном в Российской Федерации такой, что его достаточно не только для собственного потребления, но и для экспорта зерна в другие страны.

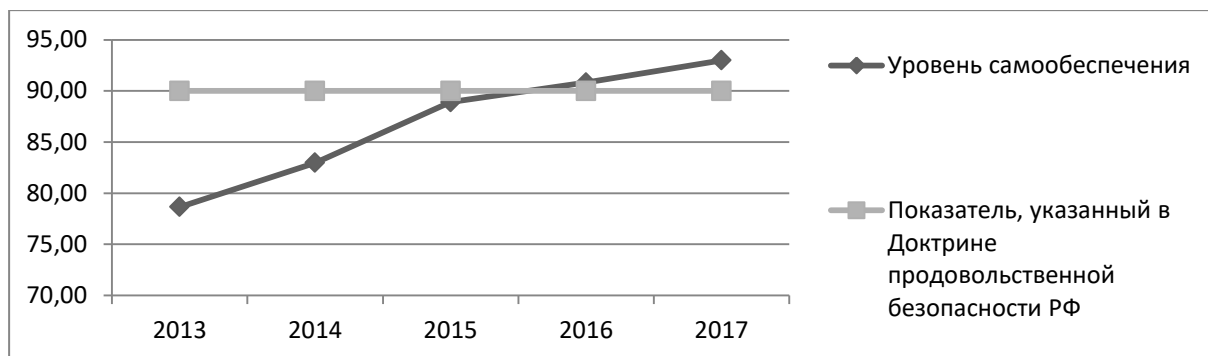


Рисунок 2 — Динамика уровня самообеспечения мясом и мясопродуктами в РФ за 2013–2017 гг.*

* Рассчитан на основании данных: Баланс продовольственных ресурсов 2013–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

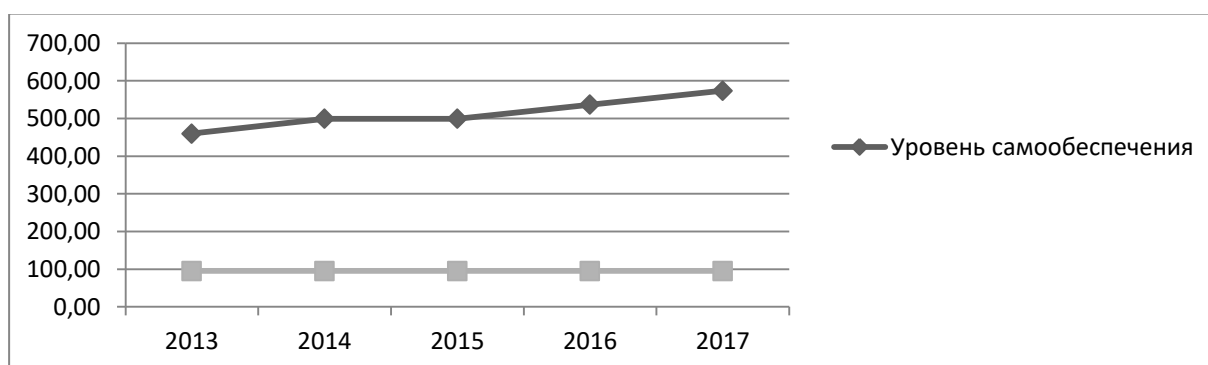


Рисунок 3 — Динамика уровня самообеспечения зерном в РФ за 2013–2017 гг.*

* Рассчитан на основании данных: Баланс продовольственных ресурсов 2013–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

В Доктрине продовольственной безопасности РФ заявлен показатель уровня самообеспечения рыбы и рыбопродуктов в размере 85 %.

На рисунке 4 приведена динамика уровня самообеспечения рыбой и рыбопродуктами в РФ за 2012–2016 гг.

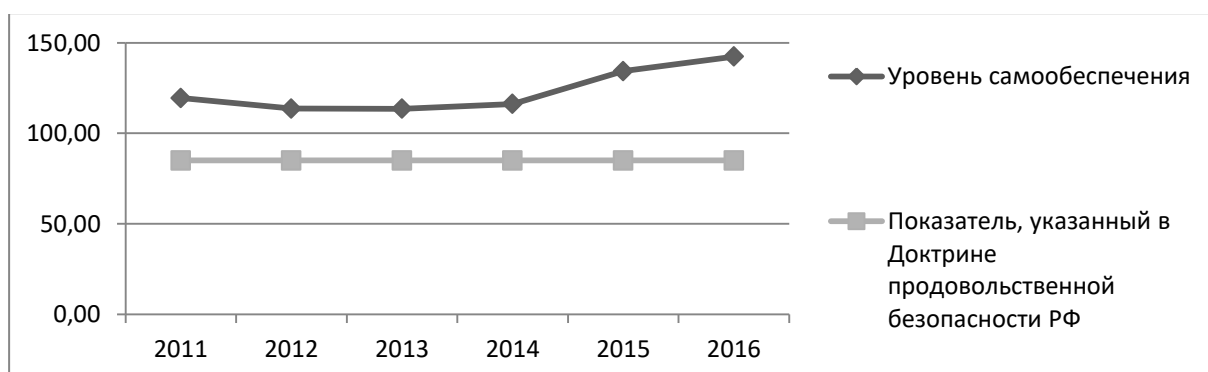


Рисунок 4 — Динамика уровня самообеспечения рыбой и рыбопродуктами в РФ за 2012–2016 гг.*

* Рассчитан на основании данных: Баланс продовольственных ресурсов 2013–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

В Доктрине продовольственной безопасности РФ заявлен показатель уровня самообеспечения овощей и бахчевых культур в размере 90 %.

Динамика уровня самообеспечения овощами и бахчевыми культурами в РФ за 2013–2017 гг. изображена на рисунке 5.

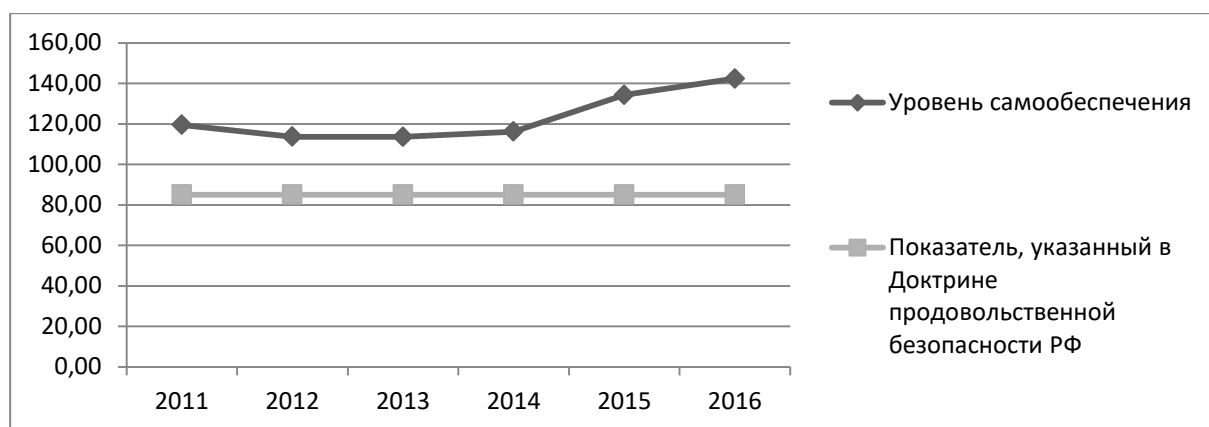


Рисунок 5 — Динамика уровня самообеспечения овощами и бахчевыми культурами в РФ за 2012–2016 гг.*

* Рассчитан на основании данных: Баланс продовольственных ресурсов 2013–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

В Доктрине продовольственной безопасности РФ заявлен показатель уровня самообеспечения картофеля в размере 90 %.

Динамика уровня самообеспечения картофелем в РФ за 2013–2017 гг. приведена на рисунке 6.

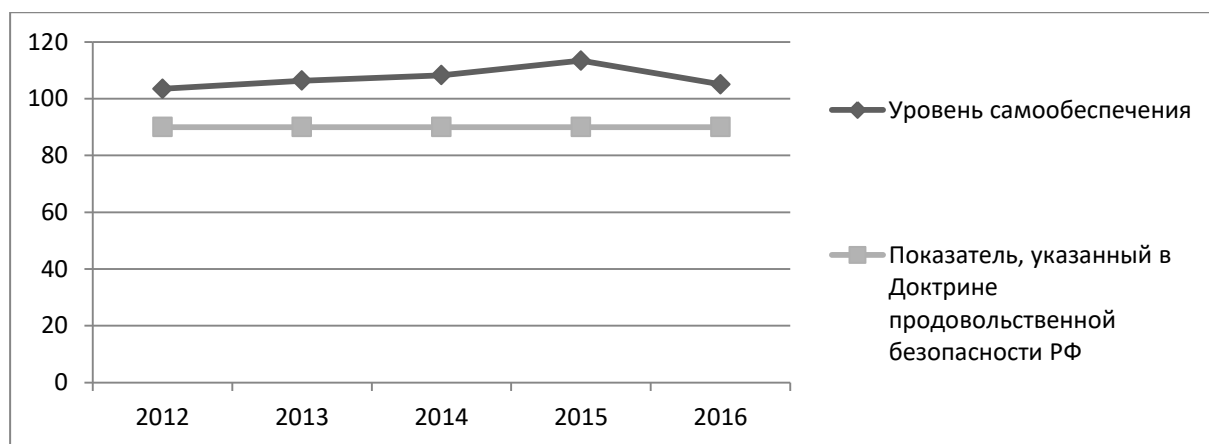


Рисунок 6 — Динамика уровня самообеспечения картофелем в РФ за 2013–2017 гг.*

* Рассчитан на основании данных: Баланс продовольственных ресурсов 2013–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

В Доктрине продовольственной безопасности РФ заявлен показатель уровня самообеспечения фруктами и ягодами установлен в размере 70 %. На

рисунке 7 видно, что данный показатель находится гораздо ниже установленного уровня на протяжении всего рассматриваемого периода.

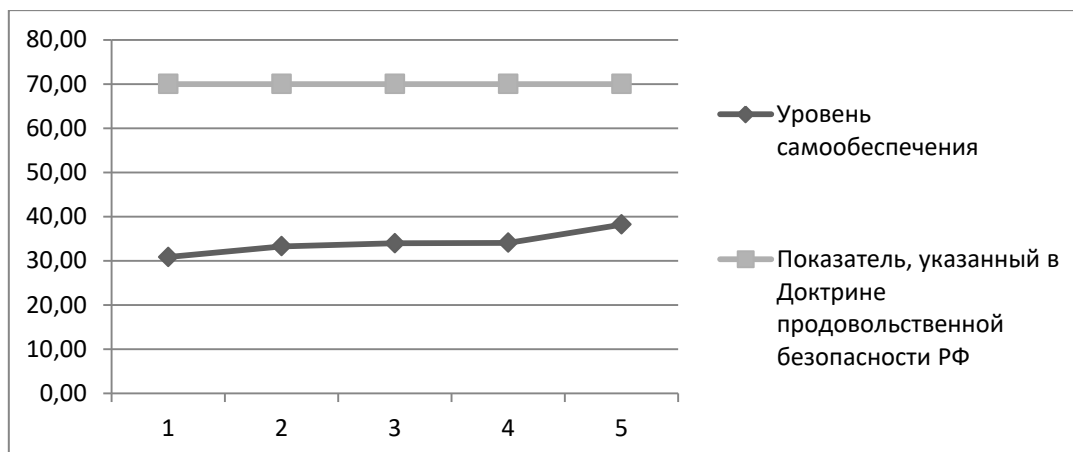


Рисунок 7 — Динамика уровня самообеспечения фруктами и ягодами в РФ за 2013–2017 гг.

* Рассчитан на основании данных: *Баланс продовольственных ресурсов 2013–2017 гг.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

Обсуждение

На протяжении 2013–2017 гг. уровень самообеспечения молоком и молочными продуктами находится на уровне ниже, чем утвержден в Доктрине продовольственной безопасности. И несмотря на то что уровень самообеспечения молоком и молочными продуктами в РФ в 2017 г. по сравнению с 2013 г. увеличился на 8,16 %, не был достигнут такой уровень, чтобы не возникло необходимости РФ импортировать в страну молока и молочных продуктов. Основными поставщиками молока и сливок сгущенных в РФ в 2017 г. стали Беларусь — 89,86 %, Новая Зеландия — 4,15 %; молока и сливок не сгущенных стали: Беларусь — 89,47 %, Казахстан — 10,09 %; сыра и творога стали: Беларусь — 82,26 %, Аргентина — 4,92 %, Сербия — 4,26 %.

В РФ в последние годы наблюдается развитие и рост собственного мясного производства, появление его новых направлений. Все это не могло не оказать влияние на динамику уровня самообеспечения мясом и мясными продуктами в РФ.

На протяжении 2012–2015 гг. по уровню продовольственной независимости по производству мяса и мясопродуктов был не очень высокий. К 2016 г.

был достигнут пороговый уровень, заявленный в Доктрине продовольственной безопасности и значение уровня самообеспеченности составил 90 %. Несмотря на положительную динамику уровня самообеспечения в 2013–2017 гг. — 18,2 % мясом и мясопродуктами РФ осуществляла поставки данного вида продовольственных товаров из-за рубежа. Основными поставщиками мяса крупного рогатого скота, свежего или охлажденного в 2017 г. в РФ являлись: Парагвай — 41,89 %, Бразилия — 25,66 %, Беларусь — 19,62 %, Индия — 12,83 %; свинины свежей, охлажденной или замороженной: Бразилия — 80,74 %, Чили — 18,52 %, Беларусь — 0,7 %; мяса птицы свежее, охлажденное или замороженное: Беларусь — 65,72 %, Бразилия — 27,92 %.

Произведенное в РФ зерно является основным сырьем для производства хлебобулочных изделий и хлебопродуктов, которые являются незаменимыми, востребованными ежедневно, социально значимыми пищевыми продуктами для каждого из слоев населения. Данные продукты способны обеспечить до 40 % калорийности рациона индивида. Зерно, также является жизненно важным продуктом, для обеспечения сырьем пищевых продуктов животного происхожде-

ния и если учесть и их потребление населением в совокупности с хлебопродуктами повышает калорийность рациона индивида до 60 % [6]. Поэтому произведенные из зерна продукты являются жизненно важными для индивида. В РФ на протяжении последних 5 лет достигнут весьма высокий уровень продовольственной безопасности, который не только позволяет выполнять показатели Доктрины продовольственной безопасности, но и обеспечить поставки зерна за рубеж.

Рыба и рыбопродукты являются одним из видов продовольственных товаров входящим, как и остальные проанализированные, в потребительскую корзины индивида в РФ. Уровень самообеспечения рыбой на протяжении всего анализируемого периода находится гораздо выше установленного (85 %) уровня в Доктрине продовольственной безопасности. Причем за последние 6 лет (2011–2016 гг.) наблюдается рост уровня самообеспечения на 19,1 %. Итак уровень самообеспечения рыбой и рыбопродуктами в РФ составляет в 2016 г. 142,37 %, что соответствует весьма высокому уровню.

Уровень обеспечения овощей и бахчевых и картофеля на протяжении рассматриваемого периода серьезно превышал уровень, установленный в Доктрине.

Выращенные в РФ фрукты и ягоды покрывают потребности российского рынка лишь частично. Уровень самообеспечения фруктами ягодами в РФ к 2016 г. достигнул только 38,18 %, вместо 70 %, заявленных в Доктрине продовольственной безопасности. Большая часть потребляемых фруктов и ягод в РФ едят иностранного происхождения.

Выводы

По зерну, рыбе и рыбопродуктам, овощам и бахчевым культурам, картофелю на протяжении последних лет достигался высокий уровень самообеспечения, то есть наблюдался высокий уровень продовольственной независимости. Причем значение уровня продовольственной независимости по этим груп-

пам продовольственных товаров находится на таком уровне, что имеется возможность говорить о наличии экспортного потенциала по ним. Это и подтверждается структурой экспорта продовольственных товаров РФ.

По таким группам продовольственных товаров, как мясо и мясопродукты, был достигнут необходимый уровень самообеспечения, установленный в Доктрине продовольственной безопасности РФ. По молоку и молочным продуктам и фруктам и ягодам необходимый уровень самообеспечения в целом по РФ не был достигнут.

Уровень самообеспечения по основным группам продовольственных товаров РФ на протяжении 5 последних лет находится на высоком уровне продовольственной обеспеченности. В большей степени это связано с ростом на протяжении последних лет (2014–2017 гг.) производства продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности, что оказало влияние на рост уровня самообеспечения, то есть продовольственной независимости. Однако при общем благоприятном уровне насыщенности рынка продовольствием систематически имеют место ситуации с краткосрочным дефицитом различных видов продовольственных товаров в отдельных регионах страны.

Библиографический список

1. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : [Указ Президента РФ № 120 от 30.01 2010] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://base.consullam.ru/cons/cgi/onlinecgi?rcq=doc; basc=LAW:n=96953>.

2. Абдурахманова, Л. С. Продовольственная безопасность региона: сущность, угрозы, факторы, ее определяющие // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2016. — № 3. — С. 20–25.

3. *Ломакин, П. Н.* Обеспечение продовольственной безопасности России: внутренние и международные аспекты : дисс. к. э. н. — М., 2017.

4. *Мансунок, Р. Е., Заседова, А. А.* Оценка уровня продовольственной самообеспеченности Челябинской области в системе регионального управления АПК // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 5 (401). — Вып. 57. — С. 24–32.

5. *Подкопаев, О. А.* Государственная поддержка аграрного сектора экономики в условиях членства России в ВТО: к вопросу о продовольственной безопасности страны // Успехи современного естествознания. — 2013. — № 3. — С. 156–157.

6. *Полутина, Т. Н., Меньшова, А. Е., Михалкина, Е. Г.* Рынок продовольственного зерна в системе обеспечения страны продовольствием // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2014. — № 3.

7. *Савон, И. В., Грицунова, С. В.* Некоторые аспекты реализации политики импортозамещения в России: тенденции развития // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2017. — № 4. — Ч. 1.

8. *Самораши, Л. В.* Продовольственная безопасность в контексте региональной безопасности // Вестник Камчатского государственного технического университета. — 2011. — № 18. — С. 83–89.

9. *Светлаков, А. Г., Яркова, Т. М.* Формирование продовольственной независимости России в условиях неопределенности и непредсказуемости вызовов внешней среды // Пермский аграрный вестник. — 2014. — № 4 (8). — С. 79–85.

10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.gks.ru.

Bibliographic list

1. About the approval of Doctrine of food security of Russian Federation : [Decree of President of Russian President № 120

from 30.01 2010 [Electronic resource]. — Mode of access : <http://base.consullam.ru/cons/cgi/onlinecgi?rcq=doc;basc=LAW:n=96953>.

2. *Abdurakhmanova, L. S.* Food security of region: essence, threats, factors defining it // Regional problems of transformation of economy. — 2016. — № 3. — P. 20–25.

3. *Lomakin, P. N.* Ensuring food security of Russia: internal and international aspects : diss. of candidate of econ. Sciences. — М., 2017.

4. *Mansunok, R. E., Zasedova, A. A.* Assessment of level of food self-reliance of Chelyabinsk region in system of regional government of agrarian and industrial complex // Bulletin of Chelyabinsk state university. — 2017. — № 5 (401). — Issue 57. — P. 24–32.

5. *Podkopayev, O. A.* State support of agrarian sector of economy in conditions of membership of Russia in WTO: to a question of food security of country // Achievements of modern natural sciences. — 2013. — № 3. — P. 156–157.

6. *Polutina, T. N., Menshova, A. E., Mikhalkina, E. G.* Market of foodgrain in system of providing the country with food // Bulletin of Kursk state agricultural academy. — 2014. — № 3.

7. *Shroud, I. V., Gritsunova, S. V.* Some aspects of realization of policy of import substitution in Russia: development tendencies // Competitiveness in global world: economy, science, technologies. — 2017. — № 4. — Ch. 1.

8. *Samorash, L. V.* Food security in context of regional security // Bulletin of Kamchatka state technical university. — 2011. — № 18. — P. 83–89.

9. *Svetlakov, A. G., Yarkova, T. M.* Formation of food independence of Russia in conditions of uncertainty and unpredictability of calls of external environment // Perm agrarian bulletin. — 2014. — № 4 (8). — P. 79–85.

10. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. — Mode of access : www.gks.ru.

Ю. В. Копылова

АНАЛИЗ ТЕМПОВ РАЗВИТИЯ БЫСТРОРАСТУЩИХ ЮЖНОРОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация

Изучение опыта работы быстрорастущих компаний, которые в нашей экономике получили название «газелей» и его использование в целях развития российского предпринимательства в регионах дает результаты, которые имеют немаловажное значение для решения проблемы диверсификации как региональной, так и российской экономики в целом. Несмотря на то, что в настоящее время конъюнктура рынка не является благоприятной для развития бизнеса (высокие темпы инфляции, новые санкции в отношении России, понижение рейтинга инвестиционной привлекательности нашей страны со стороны международных рейтинговых агентств), ряд отечественных региональных компаний успешно ведет свою деятельность и выводит свою продукцию на мировые рынки. Данные компании отличаются стабильными темпами роста даже не в самых лучших экономических условиях, и поэтому именно они могут стать опорой регионального развития, а показатели их деятельности — лучшим индикатором того, насколько эффективна экономическая политика, реализуемая региональными властями.

Ключевые слова

Региональный бизнес, экономическая политика, компании-«газели».

Yu. V. Kopylova

ANALYSIS OF RATES OF DEVELOPMENT OF FAST-GROWING OF SOUTH RUSSIAN COMPANIES AS INDICATOR OF EFFECTIVE REALIZATION OF REGIONAL ECONOMIC POLICY

Annotation

Studying of experience of fast-growing companies which in our economy have received the name of «gazelles» and his use for development of Russian business in regions yields results which have important value for a solution of problem of diversification of both the regional, and Russian economy in general. In spite of fact that now the market condition isn't favorable for business development (high rates of inflation, new sanctions against Russia, downgrade of investment attractiveness of our country from the international rating agencies), a number of domestic regional companies successfully conducts the activity and brings the production to world markets. These companies differ in stable types of growth even not in the best economic conditions and therefore they can become a support of regional development, and indicators of their activity — the best indicator of that, economic policy realized by regional authorities is how effective.

Keywords

Regional business, economic policy, companies gazelles.

Введение

Появление феномена быстрорастущих компаний связано с исследованиями американского экономиста Дэвида Берча, проводившегося в 70-х гг. XX в., по ре-

зультатам которого было выявлено, что наибольшая роль по появлению новых рабочих мест принадлежит только 3 % малых «быстрых» фирм. В 2006 г. европейские исследователи, проведя анало-

гичные исследования, подтвердили теорию своего американского коллеги. В результате из общей массы предприятий были выделены те, которые имеют потенциал для интенсивного развития, а также оказывают существенное влияние на развитие региональных рынков.

Исследовательские данные и об- суждение

Для современной отечественной экономики можно отметить несколько характерных черт предприятий — газелей, которые отличают их от других компаний (рис. 1).



Рисунок 1 — Характерные черты предприятий-«газелей»

Результаты деятельности быстрорастущих компаний часто настолько впечатляющи, что они фактически определяют развитие региональной экономики, и кроме того имеют большое социальное значение и являются локомотивом инновационного развития региона [4, с. 87]. Но для того чтобы в регионе могло появиться такое предприятие необходимо соблюдение ряда условий, выполнение которых будет говорить о существовании грамотной региональной экономической политики:

- эффективная антимонопольная политика и существование свободных предпринимательских ниш, обеспечивающих спрос на предлагаемые товары или услуги;

- информационная поддержка бизнеса со стороны региональных властей,

устранение излишних административных барьеров на пути развития бизнеса;

- наличие налоговых льгот и режима налоговых каникул в регионе;

- поддержка внедрения инновационных технологий в производство и управление со стороны региональных властей;

- предоставление финансовой поддержки и системы государственных гарантий при получении предприятиями кредитов в банках;

- система «морального» поощрения быстрорастущих предприятий (например, награждение руководства предприятий грамотами или медалями «За вклад в экономику региона», присвоение предприятию званий «Лучшее предприятие региона», «Социально-значимое предприятие региона» и т. д.).

Со стороны самой компании, чтобы оставаться быстрорастущей, также необходимы следующие усилия:

- организация регулярного контроля качества продукции и его повышение;
- обеспечение полного цикла производства, без привлечения сторонних компаний;
- формирование системы источников финансирования, обеспечивающих оперативный доступ к финансовым средствам в момент возникновения необходимости в них, соблюдая при этом требования финансовой безопасности и независимости;
- обучение своих сотрудников, мотивирование их на достижение высоких производственных результатов;
- активная социальная политика, повышающая мотивацию труда;
- неформализованные системы управления, готовность сменить стиль управления в ответ на изменяющиеся рыночные условия;
- так называемый «open mind», означающий, что руководство компании рассматривает большое количество траекторий развития, готово внедрять инновации, менять ассортимент продукции, внедрять новые методики и инструменты развития и управления, открывать новые направления бизнеса в качестве оперативной реакции на меняющуюся рыночную конъюнктуру.

Успешность компаний-«газелей» объясняется различными точками зрения, но в любом случае быстрый стабильный рост в течение нескольких лет может быть достигнут только тогда, когда компания находит рыночную нишу, в которой потребность в продукте остро не удовлетворена. В этой ситуации резко снижаются ограничения на спрос продукции, поэтому и причины колебания объемов производства пропадают, так как спрос становится стабильным, без снижения или увеличения. Так как спрос теперь не является сдерживающим фактором развития, то и развитие

компании происходит самыми высокими темпами, и ограничивается только своей собственной способностью наращивать активность. Но наличие рыночной ниши — это не единственная причина быстрого развития [2, с. 22].

Изучение опыта деятельности компаний-«газелей» дает возможность увеличивать мощность экономической активности всех субъектов экономики региона, и, в частности, позволяет переосмыслить процессы производства товаров и развития регионов. Глубокие исследования в этом направлении помогают сделать прогноз того, когда будет наступать перегрев производственного сектора и разработать превентивные меры по его предупреждению и профилактике.

Уникальность работы «газелей» заключается в том, что они могут не только захватывать новые рынки путем создания и воплощения в жизнь собственных бизнес-идей, но и показывать хорошие темпы развития даже на уже существующих рынках с высокой конкуренцией, так как могут создать для «старых» продуктов, уже известных рынку, новые потребительские свойства. Функционирование «газелей» в нашей стране имеет свой определенный феномен, так как в отличие от Запада, они появлялись не в тех отраслях, которые поддерживаются государством, а в абсолютно любых и, кроме того, локализируются во всех регионах России.

Общая черта динамично развивающихся компаний — это их формирование и начало работы на рынке в условиях высокого конкурентного давления, что наделило «газелей» специфическими конкурентными преимуществами и компетенциями. Руководители данных компаний, не только в теории знают, но и с успехом применяют на практике «стратегии голубого океана» Ч. Кима и Р. Моборна, стратегию успешной перестройки бизнеса «кайдзен», стратегию «бережливого производства» или стратегию «самообучающейся организации»

П. Сенге. Если говорить о быстрорастущих компаниях применительно к южнороссийской экономике, то, например, компании «Молодец» (Ростов-на-Дону), выпускающая и экспортирующая хлебцы, или «Евродон» (Ростовская область), выращивающая и реализующая индейку, реализуют «стратегии голубого океана», которая направлена на поиск тех рыночных ниш, в которых конкуренция отсутствует [1, с. 31]. С учетом японских теорий менеджмента строит свою деятельность компания «Сочиморстрой», работающая в условиях олигопольного рынка и взаимодействующая с конкурентами так, что такое сотрудничество приносит выгоду обеим сторонам. Ставропольский пивзавод показывает пример того, что грамотно выбранная ниша дает возможность успеш-

но конкурировать на рынке даже с федеральными игроками.

Аналитический центр «Эксперт ЮГ» уже много лет подряд проводит исследования, направленные на изучении темпов роста и особенностей функционирования южнороссийских быстрорастущих компаний, и по итогам 2016 г. отмечает, что их количество в экономике региона увеличивается. Если по итогам 2015 г. компаний с выручкой от 400 млн руб., соответствующих признакам «газелей», было 19, то по итогам 2016 г. их число выросло до 38. На рисунке 2 видно, что с 2008 по 2013 г. количество растущих компаний в экономике региона увеличивалось, а потом в последующие два года произошел обвал и количество предприятий — «газелей» сократилось более чем в четыре раза (рис. 2).

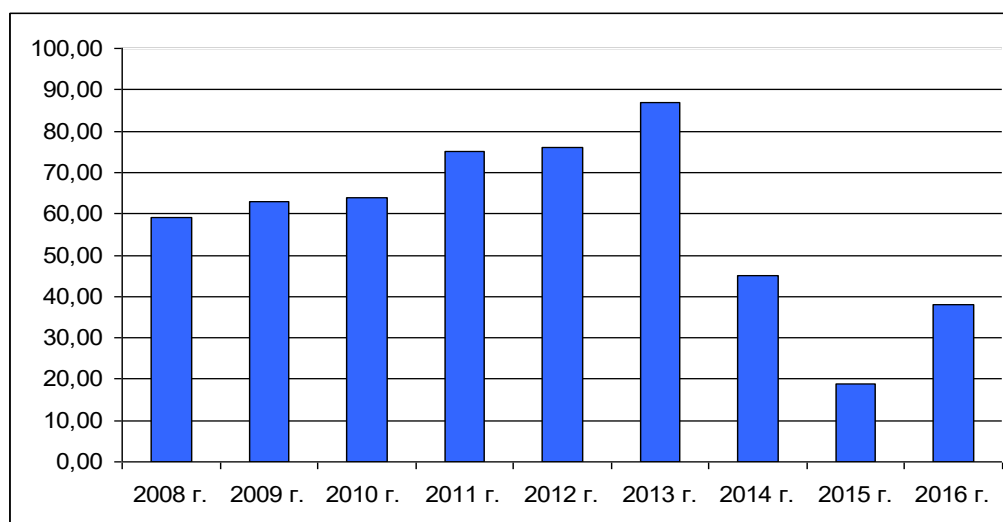


Рисунок 2 — Количество быстрорастущих предприятий Юга России в 2008–2016 гг.*

* Составлен на основе данных аналитического центра «Эксперт ЮГ».

Количество компаний-«газелей» в экономике региона является важнейшим индикатором, определяющим возможности ее роста в течение определенного промежутка времени. В связи с этим можно сказать, что региональная экономика юга России последние десять лет переживает довольно масштабные проблемы. Тем не менее в 2016 г. трен-

да поменялся и количество компаний-«газелей» увеличилось в два раза, но несмотря на позитивные изменения, этот показатель гораздо хуже даже кризисного 2014 г., не говоря уже о промежутке довольно успешного роста в 2008–2013 гг.

Совокупный объем выручки 19 компаний-«газелей» по итогам 2015 г. сос-

тавлял 110,3 млрд руб., а оборот 38 компаний в 2016 г. был равен 129,8 млрд, то есть двукратное увеличение количества компаний не привело к такому же росту их доходов, — они выросли только лишь 18 %. Показатели прибыли еще хуже — она сократилась в 5 раз — с 10,7 млрд до 2,2 млрд руб. Это говорит о том, что возможности роста бизнеса в 2016 г. сохранились и даже выросли по сравнению с 2015 г., но на прибыльности бизнеса это, к сожалению, не сказалось.

Для того чтобы региональную экономическую политику можно было назвать эффективной, в экономике региона должно присутствовать большое количество успешных предприятий, представляющих разные отрасли. Даже среди предприятий-«газелей» такой необходимой диверсификации не наблюдается: в первой десятке по размеру выручки в 2016 г. шесть предприятий представлены сферой АПК. Но если проанализировать первые десять ком-

паний с наибольшей средней динамикой за последние пять лет, то здесь уже можно наблюдать некоторое отраслевое разнообразие: строительная отрасль (краснодарский «ГИК» и астраханская «Айсиэл-Инжиниринг»), нефтегазовая, машиностроение, приборостроение (НПК «БИС» из Ростовской области), торговля сельхозмашинами и инструментами.

Если рассматривать ситуацию в региональном разрезе, то можно отметить смещение лидерства из Ростовской области в Краснодарский край: в 2015 г. на донские предприятия приходилась большая доля суммарной выручки, но меньшее количество компаний. В 2016 г. количество предприятий-«газелей» в обоих регионах выросло в два раза, но доля Краснодарского края — 63 %, а Ростовской области — 26 %. По три компании-«газели» работают в Волгоградской области и Ставропольском крае (табл. 1).

Таблица 1 — Региональная структура 38 южнороссийских компаний-«газелей» [3, с. 14]

Регион	Выручка в 2016 г., млн руб.	Выручка в 2015 г., млн руб.	Доля в 2016 г., %	Доля в 2015 г., %	Количество в 2015 г.	Количество в 2016 г.
Краснодарский край	81 168	48 228,9	62,6	43,71	16	8
Ростовская область	34 198	53 990,2	26,3	49,0	12	6
Волгоградская область	3473	6217,5	2,7	5,6	3	2
Ставропольский край	3920	703,3	3,1	0,63	3	1
Кабардино-Балкарская Республика	806	—	0,6	0	1	—
Карачаево-Черкесская Республика	—	514	—	0,46	—	1
Астраханская область	5286	—	4	—	2	—
Республика Адыгея	922	668	0,7	0,6	1	1
ИТОГО	129 773	109 807,9			38	19

Южные регионы в исследовании быстрорастущих компаний на федеральном уровне выглядят следующим образом: во второй группе регионов находится Краснодарский край и Татарстан, в четвертой группе вместе с Белгородской и Воронежской областями — Ростовская область, в пятой группе — Ставропольский край наряду с Башкортостаном, Липецкой, Смоленской областями. Данная группировка регионов позволяет говорить о том, что ведущие регионы Юга России занимают весьма неплохие позиции в межрегиональном разрезе, так как находятся среди регионов, являющихся в свою очередь лидерами в своих округах.

Выводы

Исследования, подобные тем, которые уже не первый год проводит рейтинговое агентство «Эксперт РА» показывают, что значимость быстрорастущих предприятий для экономики региона сложно переоценить, — ведь именно такие предприятия становятся брендом своего региона и способствуют привлечению инвестиций в региональную экономику. Кроме того, такие предприятия становятся своеобразными региональными центрами, экспериментирующими с различными тактиками и стратегиями по вопросам корпоративного управления, планирования, налаживания логистических схем, сбытовых цепочек, выстраивания ценовой и ассортиментной политики. Успех каждой компании нельзя считать полностью уникальным, в основе всегда есть некая схема или идея, которая может оказаться полезной другим компаниям. Опыт быстроразвивающихся компаний особо ценен в кризисное время, когда многие предприятия оказываются неэффективными и растет доля убыточных компаний как на юге России, так и в целом по стране. Управление в быстрорастущих компаниях представляет собой комплексную систему, которая требует современных решений по каждому направлению деятельности предприя-

тия, и если положительный опыт будет эффективно использован, это сможет значительно усовершенствовать работу ключевых отраслей экономики юга России, что станет важнейшим шагом в укреплении и стабилизации региональной экономики и повышения ее инвестиционной привлекательности.

Библиографический список

1. Барсукова, А., Ковырыжко, В., Козлов, В. Тотальная эффективность превращается в скорость // Эксперт Юг. — 2011. — № 37–38. — С. 27–34.
2. Белинская, Е. А., Алпаткина, И. О., Невезжин, В. П. Российские компании-«газели»: анализ эффективности и применение PhICS-модели корпоративного управления // Современные наукоемкие технологии. — 2014. — № 7–1. — С. 21–23.
3. Козлов, В., Ракуль, Е. 100 компаний Юга, которые росли весь кризис // Эксперт Юг. — 2018. — № 7. — С. 12–20.
4. Сорокин, Д. А. Финансовая модель и оценка эффективности быстрорастущих компаний в России // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 14. — С. 86–92.

Bibliographic list

1. Barsukova, A., Kovyryzhko, V., Kozlov, V. Total efficiency turns into speed // Expert Yug. — 2011. — № 37–38. — P. 27–34.
2. Belinskaya, E. A., Alpatkina, I. O., Nevezhin, V. P. Russian companies-«gazelles»: analysis of efficiency and application of PhICS-model of corporate management // Modern high technologies. — 2014. — № 7–1. — P. 21–23.
3. Kozlov, V., Rakul, E. 100 companies of South which grew all crisis // Expert Yug. — 2018. — № 7. — P. 12–20.
4. Sorokin, D. A. Financial model and assessment of efficiency of fast-growing companies in Russia // Bulletin of Chelyabinsk State University. — 2017. — № 14. — P. 86–92.

О. А. Миронова

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН
В ГОРОДЕ РОСТОВЕ-НА-ДОНУ**

Аннотация

В статье рассмотрены социально-экономические аспекты обеспечения безопасности в городской среде. На примере города Ростова-на-Дону проанализированы ключевые показатели, характеризующие состояние безопасности жизнедеятельности по направлениям «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» и «Борьба с чрезвычайными ситуациями», выявлены наиболее актуальные проблемы обеспечения безопасности в городской среде, предложены пути их решения.

Ключевые слова

Городская экономика, устойчивое социально-экономическое развитие, безопасность жизнедеятельности в городской среде.

О. А. Mironova

**STRATEGIC OBJECTIVES AND SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF ENSURING
THE SAFETY OF CITIZENS IN THE CITY OF ROSTOV-ON-DON**

Annotation

Article deals with the socio-economic aspects of security in urban environment. On example of city of Rostov-on-Don the key indicators characterizing the state of life safety in the areas of «Ensuring public order and combating crime» and «Fighting emergency situations» are analyzed, the most urgent problems of security in urban environment are identified, ways of their solutions are proposed.

Keywords

Urban economy, sustainable socio-economic development, life safety in urban environment.

Введение

Город как одна из разновидностей поселений представляет собой форму включения человека в общественную жизнь, среду его социализации. Это непосредственная среда жизнедеятельности индивида и одновременно — форма защиты интересов личности или группы лиц, обеспечивающая следование определенным нормам поведения и выполнение определенного рода занятий. Обеспечение комфортного проживания в городе предполагает необходимость выявления, предотвращения и/или минимизации органами местной

власти и подведомственными им соответствующими службами многочисленных опасностей природного, техногенного, антропогенного, социального и иного характера.

Потребность в организации системы безопасности жизнедеятельности на муниципальном уровне обуславливается многогранностью и сложностью процессов и явлений, происходящих в экономической жизни города и его социальной среде, геопространственным расположением города, природно-климатическими условиями и рядом других факторов. Помимо проблем экономического характера,

социальной стратификации, обусловленными ею криминальными угрозами, борьбой за власть и/или с последствиями социальной несправедливости, жители муниципальных образований сталкиваются со стихийными бедствиями, пожарами, транспортными авариями и катастрофами. Поэтому для обеспечения нормального социально-экономического развития города необходимо создание эффективных систем безопасности, способных как оперативно реагировать на возникновение угроз чрезвычайных ситуаций любого характера, так и осуществлять превентивные меры, направленные на их предотвращение и снижение последствий в случае возникновения. С учетом данных угроз осуществляется разработка мер по повышению уровня безопасности в рамках стратегических направлений социально-экономического развития муниципального образования в совокупности с созданием и обеспечением нормального функционирования механизма их реализации.

Безопасность граждан в городской среде включает обеспечение общественного порядка, противодействие преступности, предотвращение чрезвычайных ситуаций и борьбу с их последствиями. Стратегия социально-экономического развития любого муниципального образования в качестве одного из важнейших направлений должна включать блок обеспечения безопасности жизнедеятельности его граждан. Безопасность достигается системой мер экономического, технического, социального, политического и иного характера, направленных на предотвращение этих угроз, как явных, так и скрытых.

Материалы и методы

Обобщение теоретических подходов к рассмотрению категории «безопасность жизнедеятельности» позволяет понимать под ней состояние защищенности объектов, связанных с обеспечением жизненно важных интересов личности, общества и государства [1].

Изучению различных аспектов обеспечения безопасности муниципальных социально-экономических систем посвящены многочисленные труды отечественных исследователей. В частности, отдельные вопросы обеспечения безопасности в рамках экономики общественного и муниципального секторов, организации местного самоуправления и обеспечения устойчивого развития территорий рассмотрены в работах Э. В. Алехина, А. С. Ахиезера, А. Г. Воронина, В. Б. Зотова, В. А. Ильичева, О. В. Кожевиной, А. Д. Урсула, В. А. Хомича и др. Однако в большинстве исследований приоритет отдается вопросам экологической безопасности городской среды, в то время как иные аспекты обеспечения безопасности жизнедеятельности муниципального образования остаются за пределами детального рассмотрения.

Методологической основой исследования послужили общенаучные методы системного анализа, дедукции, сравнительного, структурно-функционального, экономического анализа. Целью данной статьи является разработка стратегических направлений совершенствования социально-экономического механизма обеспечения безопасности граждан в городской среде на примере города Ростова-на-Дону. Информационно-эмпирической базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики РФ (ФСГС) и ее территориального органа по Ростовской области, данные Администрации г. Ростова-на-Дону и его структурных подразделений, а также авторские расчеты.

Результаты

Социальное благополучие жителей города определяется состоянием их защищенности на улицах, в общественных местах и в собственном жилище. В настоящее время в городе Ростове-на-Дону существует ряд проблемных вопросов социального характера, к которым в том числе относится сложная криминогенная обстановка.

Согласно Стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2025 г., к основным направлениям обеспечения безопасной среды проживания в городе относятся профилактика правонарушений и охрана общественного порядка, участие в профилактике терроризма и экстремизма [2]. В настоящее время в области безопасности жизнедеятельности в г. Ростове-на-Дону реализуются 4 муниципальных программы (сроки реализации 2014–2020 гг.): «Профилактика терроризма и экстремизма, гармонизация межнациональных отношений»; «Профилактика правонарушений и немедицинского потребления наркотиков в городе Ростове-на-Дону», «Противо-

действие коррупции в городе Ростове-на-Дону», «Защита населения и территории города Ростова-на-Дону от чрезвычайных ситуаций». Участие в деятельности по обеспечению правопорядка в городе осуществляется в соответствии с планом работы постоянно действующего координационного совещания по обеспечению правопорядка в городе Ростове-на-Дону.

Динамика основных показателей, характеризующих состояние безопасности жизнедеятельности населения города Ростова-на-Дону по направлению «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», представлена в таблице 1.

Таблица 1 — Динамика основных показателей состояния безопасности жизнедеятельности населения города Ростова-на-Дону по направлению «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», 2013–2017 гг. [3]

Показатель	Единица измерения	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. жителей	единиц	1963,2	1973,0	2256,8	1997,6	2073,9
Число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии	единиц	259	210	252	228	200
Раскрываемость преступлений	%	32,8	32,6	37,2	38,6	40,9
Удельный вес преступлений, совершенных в общественных местах	%	49,8	52,1	46,1	49,1	51,8
Выявлено лиц, совершивших преступления	человек	4821	5135	6580	6200	5780

Как видно из таблицы, показатель «число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения» в период с 2013 по 2017 г. демонстрировал повышательный тренд, что можно оценивать как негативную тенденцию. В 2017 г. число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. жителей возросло по сравнению с предыдущим годом и составило 2073,9 случаев против 1997,6 в 2016 г. (увеличение на 3,8 %).

Показатель «Число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соуча-

стии» в период с 2013 по 2015 гг. демонстрировал нестабильную динамику, снижаясь до 210 в 2014 г. против 259 в 2013 и увеличиваясь в 2015 г. до 252 случаев. Однако снижение величины показателя в 2016 и 2017 гг. можно рассматривать как положительный момент, свидетельствующий о повышении эффективности работы Комиссии по делам несовершеннолетних г. Ростова-на-Дону.

В качестве позитивной тенденции, свидетельствующей о серьезной работе, проделанной правоохранительными органами города, можно отметить ста-

бильную положительную динамику показателя «Раскрываемость преступлений» на протяжении всего анализируемого периода.

Показатель «Удельный вес преступлений, совершенных в общественных местах» демонстрирует рост на протяжении всего анализируемого периода, за исключением некоторого его снижения в 2015 г. Подобная динамика в целом может рассматриваться как негативная и расцениваться как угроза безопасности жителей города и гостей Донской столицы.

В отношении показателя «Выявлено лиц, совершивших преступления» отметим тенденцию роста по сравнению с 2013 г. до 2015 г. включительно, однако с 2016 г. данный показатель демонстрирует снижение. Так, в 2016 г. величина показателя составила 6200 человек по сравнению с 6580 в 2015, в 2017 г. — 5780 человек. При этом если в 2016 г. сократилось число зарегистрированных преступлений (1997,6 случаев против 2256,8 в 2015 г.), то в 2017 г. уменьшение числа выявленных лиц, совершивших преступление, сочеталось с ростом числа преступлений на 100 тыс. населения, что является тревожным сигналом.

Анализ статистических данных показывает, что текущими проблемами по направлению «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» является рост числа преступлений, в том числе на 100 тыс. жителей и увеличение удельного веса преступлений, совершенных в общественных местах, в указанный период.

К числу основных показателей, характеризующих состояние безопасности жизнедеятельности населения города Ростова-на-Дону по направлению «Борьба с чрезвычайными ситуациями», относится готовность органов управления, населения города к действиям при переводе на условия работы в военное время, при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Динамика основных показателей, характеризующих состояние безопасности жизнедеятельности населения города Ростова-на-Дону по направлению «Борьба с чрезвычайными ситуациями» представлена в таблице 2. Анализ таблицы 2 представляет, что все показатели, характеризующие безопасность жизнедеятельности по направлению «Борьба с чрезвычайными ситуациями», за исключением количества пожаров и количества погибших во время пожаров, демонстрируют либо положительную динамику, либо устойчивую стабильность, соответствующую целевым показателям, заложенным в муниципальных программах, что является положительной тенденцией. Показатели «количество пожаров» и «количество погибших во время пожаров» нестабильны, хотя в целом как положительный момент можно оценить снижение по обоим показателям в 2017 г. в сравнении с 2016 г. Тем не менее нестабильность этих показателей можно рассматривать как одну из наиболее ярко выраженных текущих проблем безопасности жизнедеятельности в г. Ростове-на-Дону по направлению «Борьба с чрезвычайными ситуациями».

Таким образом, проведенный выше анализ состояния безопасности жизнедеятельности в городе Ростове-на-Дону позволяет сделать вывод, что на текущий момент применяемые правоохранительными органами традиционные методы борьбы с преступностью не дают должных результатов. Несмотря на то, что в течение последних 5 лет в городе растет процент раскрываемости преступлений и достигнуты целевые показатели муниципальной программы «Защита населения и территории города Ростова-на-Дону от чрезвычайных ситуаций», очевидна назревшая необходимость радикального повышения эффективности всей работы правоохранительной и иных систем обеспечения безопасности в городе Ростове-на-Дону.

Таблица 2 — Динамика основных показателей состояния безопасности жизнедеятельности населения города Ростова-на-Дону по направлению «Борьба с чрезвычайными ситуациями», 2013–2017 гг. [4]

Показатель	Единица измерения	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Готовность органов управления, населения города к действиям при переводе на условия работы в военное время, при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера	% (процент учений, тренировок, проведенных с оценкой не ниже «хорошо» от общего количества проведенных в году учений, тренировок)	62	62	65	70	75
Время прибытия спасателей к месту чрезвычайной ситуации (при негативном сценарии развития событий: зима, час пик на дорогах)	минут	60	60	60	60	60
Доля покрытия территории города системами видеонаблюдения в местах массового пребывания людей	% (процент покрытия объектов системами видеонаблюдения от общего количества видеокamer, установленных и планируемых к установке в местах)	48	48	48	48	50
Численность спасателей в Поисково-спасательной службе (из расчета 1 спасатель на 10 тысяч жителей города)	человек	45	45	45	45	45
Количество пожаров	единиц	583	608	471	512	508
Количество погибших во время пожаров	человек	33	30	35	38	27

Обсуждение

К числу ключевых факторов, обуславливающих текущее состояние показателей безопасности жизнедеятельности города Ростова-на-Дону и их негативную динамику, могут быть отнесены:

1. Близость к очагам нестабильности (напряженная обстановка на юго-востоке Украины, периодически обостряющаяся напряженность в регионах Кавказа). Геокриминогенное положение территории (близость к «горячим точкам», наркотрафики) оказывает прямое влияние на уровень преступности. В 2017 г. в Ростове-на-Дону по сравнению с 2016 г. возросло количество зарегистрированных преступлений, связанных с геокриминогенностью положения го-

рода: сбытов наркотиков (в 2,6 р.), преступлений связанных с наркотиками (на 46,3 %), незаконного оборота оружия (на 5,2 %). Одновременно возросло число нераскрытых преступлений, в частности, сбыт наркотиков — в 3 раза, преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия на 6,8 %.

2. Сохранение социально-экономической напряженности в обществе, недостаточно высокий уровень доходов граждан, наличие «работающих бедных», низкий уровень жизни отдельных категорий граждан.

3. Рост числа преступлений из категории «Мошенничество». По данным Генпрокуратуры РФ, мошенничества в 2017 г. стали одними из самых распро-

страненных видов преступлений: в среднем по России регистрировалось одно преступление данного вида каждые три минуты. В 2017 г. в Ростове-на-Дону было зафиксировано 2099 преступлений из категории «мошенничество», что составляет 111,1 % от уровня 2016 г. [3].

4. Рост масштабов киберпреступности. За последнее десятилетие число преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, увеличилось в 22,3 раза и ежегодно растет в среднем в 3,5 раза. Опасность данной категории преступлений заключается в их высокой латентности, уровень которой составляет 85–90 %, поэтому их раскрываемость крайне низка (до 49 %), а обвинительные приговоры выносятся лишь в 25,5 % случаев от общего числа возбужденных уголовных дел. При этом величина ежегодного материального ущерба от преступлений, совершаемых в киберпространстве, достигает 613,7 млн руб., а средний ущерб, причиняемый потерпевшему, равен 1,7 млн руб. [5].

5. Рост международного терроризма, проблема использования сети Интернет для распространения материалов террористической и экстремистской направленности в первую очередь в среде молодежи и подростков. Интернет, являясь мощным средством влияния, в первую очередь, на лиц, находящихся в стадии социального становления, (молодежь, подростки), активно используется террористическими и экстремистскими организациями. По статистике, более 3 часов времени в Интернет проводят 35 % подростков, более 5 часов — 20 % подростков, 7–8 часов и более — 45 % подростков [6].

6. Недостаточная техническая оснащенность мест массового скопления граждан, отсутствие надлежащей охраны объектов собственности, неполадки в работе систем видеонаблюдения и т. п. Эксперты отмечают, что в поле

зрения правоохранительных органов не попадает до 75 % уличных преступлений, совершаемых, как правило, в местах с ослабленным (наименее организованным) социальным и техническим контролем. Число подобных преступлений возрастает в период сокращения светового дня, особенно на недостаточно освещенных улицах в «спальных» районах и частном секторе, лесопарковых зонах, на набережных. 35,5% уличных преступлений совершается в вечернее время — с пяти вечера до полуночи на неосвещенных участках улиц и в подъездах, 37 % происходит в ночное время [7].

7. Высокая вероятность чрезвычайных ситуаций и наличие существенных рисков природного и техногенного характера, социальных опасностей, а также угроз биологического характера. Вследствие географического положения и климатических особенностей в Ростове-на-Дону часто возникают чрезвычайные ситуации, связанные с угрозами природного характера (пожары, ураганный ветер, ливни и др.), вследствие чего гибнут люди, происходят ДТП, нарушается нормальная работа объектов жизнеобеспечения города. Периодически возникают эпидемии вирусных заболеваний людей, вспышки эпизоотий. Растет число аварий на автомобильном и городском транспорте, происшествий на воде и других ЧС.

Главной стратегической целью обеспечения безопасности жизнедеятельности населения города Ростова-на-Дону является создание благоприятных условий для устойчивого развития личности, города, его районов, сообщества граждан, превращение города Ростова-на-Дону в территорию законности и правопорядка.

С вышеобозначенной целью в рамках долгосрочной стратегии развития города может быть предложена реализация комплекса мер в области обеспечения безопасности его граждан.

1. Использование передового отечественного и зарубежного опыта в борьбе с преступностью и терроризмом, его адаптация к специфическим особенностям города Ростова-на-Дону. Подписание международных договоров и реализация совместных проектов международного сотрудничества в сфере борьбы с кибертерроризмом и киберпреступностью, в том числе финансовым мошенничеством, что позволит включиться в глобальные технологические цепочки обеспечения безопасности.

2. Включение в глобальные тренды применения технологий шестого технологического уклада для обеспечения безопасности (роботизация, информатизация).

3. Повышение активности, правосознательности, гражданской ответственности и заинтересованности жителей города в обеспечении безопасного проживания в нем.

4. Совместное практическое использование накопленного опыта по борьбе с экономическими преступлениями правоохранительных органов, органов безопасности, хозяйствующих субъектов и ведущих вузов города, занимающихся научными исследованиями в области финансового мониторинга и экономической безопасности. Совершенствование системы подготовки и повышения квалификации кадров для правоохранительных органов, рост их профессионализма и компетентности.

5. Формирование системы социальной профилактики правонарушений. Вовлечение в эту работу граждан, предприятий, учреждений, организаций.

6. Объединение административно-правовых, образовательных, социальных и медицинских мер, направленных на профилактику наркомании у жителей города.

7. Организация трудоустройства лиц, освободившихся из мест лишения свободы, обратившихся в службу занятости. Организация и проведение работы по реабилитации и адаптации лиц без определенного места жительства и

утративших социальные связи; одиноких престарелых и инвалидов, освобожденных из мест лишения свободы; лиц, страдающих алкоголизмом и потерявших родственные связи.

8. Реализация программ и методик, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних, выявление и сопровождение семей, находящихся в социально опасном положении, оказание им помощи в обучении и воспитании несовершеннолетних.

9. Поддержание постоянной готовности к оперативному реагированию органов и служб городской подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на действие факторов, способных привести к наступлению чрезвычайной ситуации любого характера, возникновение чрезвычайной ситуации любого характера, ликвидацию чрезвычайной ситуации любого характера и ее последствий. Обеспечение органов и служб указанной подсистемы современными техническими средствами, специальным снаряжением и оборудованием, необходимым для предотвращения или ликвидации чрезвычайных ситуаций любого характера.

Заключение

Приоритетом обеспечения безопасности жизнедеятельности в г. Ростове-на-Дону должны стать: предотвращение угроз посягательств на жизнь и имущество граждан, достижение высокой степени социального равенства, снижение преступности и коррупции, постоянная готовность противостоять любым проявлениям терроризма, обеспечение приемлемого уровня риска возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, предупреждение возможного нанесения ущерба от чрезвычайных ситуаций, повышение эффективности системы защиты населения в условиях чрезвычайных ситуаций, поддержание высокой надежности и устойчивости систем жизнеобеспечения города.

Библиографический список

1. *Рябцев, Н. В.* Муниципальные услуги как фактор устойчивого развития среды жизнеобеспечения населения города : дисс. к. э. н. — Майкоп, 2016.
2. Стратегия социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/432874192>.
3. Отчеты Управления МВД России по городу Ростову-на-Дону о результатах деятельности (2013–2017 гг). [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ipravo.info/rostov2/act/161.htm>.
4. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов : стат. сб. — М., 2017.
5. *Клаверов, В. Б.* Проблемы противодействия компьютерной преступности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.securitylab.ru/contest/382194.php>.
6. Как российская молодежь проводит время в Интернете [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ppc.world>.
7. *Тарубаров, В. В.* Некоторые криминологические признаки преступлений, совершаемых в общественных местах // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 3.

Bibliographic list

1. *Ryabtsev, N. V.* Municipal services as factor of sustainable development of life support environment of city population : diss. of PhD in economics. — Maikop, 2016.
2. Strategy of social and economic development of city of Rostov-on-don for the period up to 2025 [Electronic resource]. — Mode of access : <http://docs.cntd.ru/document/432874192>.
3. Reports of Ministry of Internal Affairs of Russia on city of Rostov-on-Don on the results of activities (2013–2017) [Electronic resource]. — Mode of access : <https://ipravo.info/rostov2/act/161.htm>.
4. Regions of Russia. Main socio-economic indicators of cities : stat. comp. — M., 2017.
5. *Claverov, V. B.* Problems of combating computer crime [Electronic resource]. — Mode of access : <https://www.securitylab.ru/contest/382194.php>.
6. How Russian youth spend time on Internet [Electronic resource.] — Mode of access : <https://ppc.world>.
7. *Tarubarov, V. V.* Some criminological characteristics of crimes committed in public areas // Bulletin of Moscow University of MIA of Russia. — 2015. — № 3.

С. С. Морковина, М. К. Рафаилов

СЦЕНАРНЫЙ ПОДХОД В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Аннотация

В статье рассмотрен отечественный и зарубежный опыт становления и развития теоретических основ стратегического планирования. Представлены результаты анализа трансформаций теории и практики стратегического планирования в их развитии в разрезе ключевых периодов истории рассматриваемого вопроса. Изложены результаты научных исследований, направленные на формирование общей характеристики сценариев по принципу «от общего к частному» (от общих трендов в экономике страны к сценариям развития в конкретной отрасли), опирающихся на действующие документы стратегического планирования, на которых должно строиться планирование лесного комплекса, а также прогноз основных показателей развития отрасли.

Значения ключевых показателей развития лесного комплекса разработаны в составе трех основных вариантов сценариев инерционного, умеренно-оптимистического и инновационного. Основные варианты прогноза опираются на гипотезу о сохранении макроэкономической стабильности и финансовой устойчивости при выполнении государственных социальных и внешнеэкономических обязательств.

Выявлена потребность в разработке специальных методологических и инструктивных материалов многофакторного прогнозирования отрасли, с учетом межотраслевого баланса, в том числе учитывающего природно-климатические и социально-экономические факторы, а также тенденции изменения рыночной конъюнктуры лесной продукции и услуг, цен на энергоносители и иные аспекты влияния. Предложены модели, описывающие процесс изменений ключевых индикаторов развития лесного комплекса, и прогнозы лесистости территории Российской Федерации, доли площади ценных лесных насаждений в составе занятых лесными насаждениями земель лесного фонда, уровня площади земель лесного фонда, занятой лесными насаждениями, к площади земель лесного фонда, выбывших из состава занятых лесными насаждениями земель лесного фонда, объема платежей в бюджетную систему Российской Федерации от использования лесов, в расчете на 1 га земель лесного фонда, отношения фактического объема заготовки древесины к установленному допустимому объему изъятия древесины.

Использование сценарного подхода в стратегическом планировании развития лесного комплекса России, позволяя, учитывая влияние динамичного внешнего окружения, политических и социальных факторов, создание инноваций и технологий, новых продуктов и производств определить траекторию отраслевого развития, наиболее отвечающую современным условиям.

Ключевые слова

Стратегическое планирование, лесной комплекс, сценарии, индикаторы развития.

S. S. Morkovina, M. K. Raphailov

SCENARIO APPROACH IN STRATEGIC PLANNING DEVELOPMENT OF FOREST COMPLEX OF RUSSIA

Annotation

In article domestic and foreign experience of formation and development of theoretical bases of strategic planning is considered. Results of analysis of transformations of theory and practice of strategic planning in their development in a section of key periods of history of a case in point are presented. Results of scientific research directed to formation of general characteristic of scenarios by principle «from the general to the particular» (from general trends in national economy to scenarios of development in specific industry) which are guided by existing documents of strategic planning on which planning of forest complex and also the forecast of key indicators of development of branch has to be based are stated.

Values of key indicators of development of forest complex are developed in structure of three main versions of scenarios inertial, moderate and optimistic and innovative. The main versions of forecast lean on a hypothesis of maintaining macroeconomic stability and financial stability at implementation of state social and external economic obligations.

Need for development of special methodological and instructive materials of multiple-factor forecasting of branch, taking into account the interindustry balance including considering climatic and socio-economic factors and also tendencies of change of market conditions of forest production and services, energy costs and other aspects of influence is revealed. Models describing process of changes of key indicators of development of a forest complex, and forecasts

of woodiness of territory of Russian Federation, a share of area of valuable forest plantings as part of lands occupied with forest plantings of forest fund, level of acreage of forest fund occupied with forest plantings, to acreage of forest fund, left structure of lands occupied with forest plantings of forest fund, volume of payments in budgetary system of Russian Federation from use of woods, per 1 hectare of lands of forest fund, relations of actual volume of preparation of wood to established admissible volume of withdrawal of wood are offered.

Use of scenario approach in strategic planning of development of forest complex of Russia, allows, considering influence of dynamic external environment, political and social factors, creation of innovations and technologies, new products and productions to define the trajectory of branch development which is most answering to modern conditions.

Keywords

Strategic planning, forest complex, scenarios, development indicators.

Введение

Несмотря на цифровизацию экономики в целом и усиление неопределенности в вопросах будущего развития и принятия управленческих решений, исследование факторов стратегического планирования в отраслях и комплексах не теряет своей актуальности. Именно стратегическое планирование в системе государственного регулирования рыночной экономики России позволяет осуществлять координацию федеральных и региональных программ, нацеленных на решение основных социально-экономических проблем развития страны, а также обеспечивать комплексное включение инструментов бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики в механизм реализации стратегических целей.

В соответствии с законодательством РФ стратегическое планирование — деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных

образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации [1].

В то же время исследователи данной проблематики с позиции процессного подхода под стратегическим планированием понимают разработку и прогнозирование и программирование системы качественных и количественных показателей развития, которая является основой для эффективной деятельности и в наиболее общем смысле предполагает формирование экономических целей и выбора наилучших путей их достижения [2].

Теоретическим и практическим аспектам стратегического планирования посвящено немало специальных исследований и научных работ [3].

В последние годы за рубежом наметились тенденции к обобщению и осмыслению результатов проведенных многочисленных исследований в сфере стратегического планирования [4]. За длительный период времени в зарубежной теории сложился ряд важных моделей описывающих процесс разработки стратегии.

На наш взгляд, в теории стратегического планирования можно выделить несколько ключевых периодов:

первый этап датирован десятилетием, начиная с 1965 по 1975, и связан со значительными теоретическими и следованиями наряду с ростом популярности стратегического планирования;

второй этап охватывает период с конца 70-х по начало 90-х гг., является этапом отказа от стратегического планирования, ввиду ошибочности предыдущих прогнозов;

третий этап постепенного возвращения стратегического планирования, но уже на другом качественном уровне, где были учтены недостатки более ранних периодов.

В некоторых исследованиях по стратегическому планированию периодом зарождения стратегического мышления считают конец 60-х — начало 70-х гг. XX в., при этом экономистами высказывается суждение о том, что основы теории стратегического планирования были сформированы в Советской России еще в 20-е гг. прошлого столетия [3].

Российские экономисты внесли значительный вклад в теорию и практику стратегического планирования того времени, что впоследствии получило широкое распространение в мире. Значительный вклад внести опубликованные в период 1920–1928 гг. работы Н. Д. Кондратьева, посвященные теории стратегического планирования, в которых был разработан и в дальнейшем апробирован в практике проект перспективного плана развития сельского хозяйства России.

При всех существенных различиях в экономических системах стран, использовавших инструментарий стратегического планирования цели, его использования являются близкими, а долгосрочное научное прогнозирование остается исходной базой государственного и межгосударственного стратегического планирования и регулирования экономики стран [5].

Ключевым инструментом реализации последовательной долгосрочной политики, в которой должны быть сбалансированы краткосрочные задачи, а также среднесрочные и долгосрочные цели стал Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

К числу основных документов стратегического планирования разрабатываемых на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований относят также прогнозы и сценарии. При этом сценарный подход в настоящее время противопоставляется другим подходам к планированию, ввиду полноты отражения всех экстерналий в экономике в целом, экономике регионов и экономике отдельных отраслей [6].

Методы

Проблемы при разработке и проверке истинности (верификации) стратегических прогнозов возникают, с одной стороны, из-за огромного объема и разноплановости исходной и прогнозной информации, а с другой стороны — из-за противоречивости или недостаточности информации. С учетом этого при проведении исследования был реализован комплексный подход к осуществлению стратегического планирования и разработке сценариев развития лесного комплекса.

Задача прогнозирования временного ряда решалась на основе создания модели прогнозирования, адекватно описывающей процесс изменений ключевых индикаторов развития лесного комплекса: лесистость территории Российской Федерации, доля площади ценных лесных насаждений в составе занятых лесными насаждениями земель лесного фонда, отношение площади земель лесного фонда, занятой лесными насаждениями, к площади земель лесного фонда, выбывших из состава занятых лесными насаждениями земель лесного фонда в связи с воздействием пожаров, вредных организмов, рубок и других факторов, объем платежей в бюджетную систему Российской Федерации от использования лесов, расположенных на землях лесного фонда, в расчете на 1 га земель лесного фонда, отношение фактического объема заготовки древесины к установленному допустимому объему изъятия древесины.

Источниками информации являлись федеральные и региональные информационные ресурсы, данные мониторинга печатных и электронных деловых и специализированных изданий, аналитических обзоров, научно-исследовательских работ, нормативная правовая база в рассматриваемой сфере. На сегодняшний день существует множество моделей прогнозирования временных рядов: регрессионные и авторегрессионные модели, нейросетевые модели, модели экспоненциального сгла-

$$Z_t = F Z_{t-1}, Z_{t-2}, Z_{t-3}, \dots + \varepsilon! \quad (1)$$

$Z(t) = Z(1), Z(2), \dots, Z(T)$ — временной ряд.

Для вычисления будущих значений индикаторов развития лесного комплекса Z_t в указанные моменты времени определяли функциональную зависимость, отражающую связь между

$$Z_t = F Z_{t-1}, Z_{t-2}, \dots, X!_t, X!_{t-1}, \dots, X!_t, X!_{t-1}, \dots + \varepsilon! \quad (2)$$

В целях прогнозирования развития лесного комплекса были использованы модели с авторегрессией и скользящим средним ARIMA (p, d, q). Данная модель позволяет составлять прогноз, зависящий как от текущего и прошлого значений зависимой переменной, так и от текущих и прошлых значений величины случайного возмущения [9]. Для параметрической идентификации модели ARIMA (p, d, q) использовали метод наименьших квадратов.

Значения индикаторов развития лесного комплекса в разрезе нескольких прогнозных сценариев подготовлены с учетом положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов до 2030 г., государственных программ Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг., «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» и смежных отраслей экономики, а

живания, модели на базе цепей Маркова, классификационные модели и др. [7]. Наиболее популярными и широко используемыми являются классы авторегрессионных моделей [8].

Для вычисления значений индикаторов развития лесного комплекса в будущие моменты времени, представленных в виде временного ряда, была определена функциональная зависимость (модель), отражающую связь между прошлыми и будущими значениями индикаторов развития лесного комплекса:

прошлыми значениями $Z(t)$ и будущими, с учетом влияние внешних факторов $X!(t), \dots, X!(t)$ на исходный временной ряд:

также параметров прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., разработанного Министерством экономического развития Российской Федерации, и Прогноза развития лесного сектора Российской Федерации до 2030 г.

Сценарии опираются на данные ретроспективного анализа ресурсного обеспечения госпрограммы «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг., а также прогнозные значения показателей, обозначенных в документах стратегического планирования, с позиции накопленных знаний и сведений на конец 2017 г.

Значения индикаторов развития лесного комплекса построены по трем сценариям базовому (инерционному), «базовому+» (умеренно-оптимистическому) и целевому (инновационному).

Изучая влияние внешних факторов, были учтены данные Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг., опирающегося на предположение о продолжении антироссийской санкционной политики и ответных экономических мерах

со стороны России на протяжении всего прогнозного периода, а также отсутствия геополитических потрясений и экономических шоков [10].

Влияние внешних факторов на развитие лесного комплекса проявлялось в выполнении государственных социальных обязательств и отраслевых инвестициях.

Результаты и обсуждение

С позиции стратегического менеджмента сценарный подход позволяет управлять рисками в развитии лесного комплекса, в то время как прогнозы лишь описывают развитие процессов от настоящего к будущему. Сценарии являются качественным описанием ситуации, содержащим отдельные количественные оценки, которые положены в основу стратегического планирования [11]. Известно, что сценарный подход дает хорошие результаты в условиях высокой неопределенности, там, где традиционные методы прогноза дают ошибки вследствие различий в оценке первоначальных данных в связи с влиянием личностного фактора на результаты прогноза [12].

Сценарий развития отрасли выстраивается благодаря многомерному моделированию и моделям, которые учитывают динамичные изменения в экономической и социальной ситуации в стране, динамику курса национальной валюты, а также отраслевые показатели, применительно к лесному комплексу —

это индикаторы лесистости территории, состояния и продуктивности лесов, доходности лесопользования, объемов заготовки древесины.

В целях данной статьи представлены результаты научных исследований, которые были направлены на формирование общей характеристики сценариев по принципу «от общего к частному» (то есть от общих трендов в экономике страны к сценариям развития в конкретной отрасли), опирающихся на действующие документы стратегического планирования, на которых должно строиться планирование лесного комплекса, а также прогноз в рамках предлагаемых сценариев основных показателей развития отрасли.

Построенный инерционный сценарий характеризуется сохранением сдержанной бюджетной политики в сфере лесного хозяйства. Следуя этому сценарию, финансирование программ и проектов в лесном комплексе будет ограниченным, что означает исполнение минимальных финансовых обязательств государства на уровне Государственной программы «Развитие лесного хозяйства» [13], и в условиях медленного восстановления экономики основные результаты работы лесного хозяйства будут средними за ряд лет. Отметим, что настоящее развитие лесного комплекса осуществляется в условиях хронической недофинансированности лесного хозяйства (табл. 1).

Таблица 1 — Динамика финансирования лесного хозяйства и доходов от использования лесов

Годы	Финансирование лесного хозяйства за счет субвенций федерального бюджета РФ, млн руб.		Доходы от использования лесов, находящиеся в федеральной собственности, млн руб.	
	фактически	с учетом инфляции	фактически	с учетом инфляции
2010	14 995,7	13 785	19 981,5	18 368
2011	21 244,3	18 409	21 673,9	18 784
2012	19 904,7	15 536	22 585,2	18 376
2013	22 540,1	17 219	23 235,5	17 756
2014	24 784,9	16 909	25 403,9	17 432
2015	24 088,2	14 034	26 492,6	16 097
2016	26 808,3	15 155	29 519,2	17 023

За шесть лет объем финансирования переданных полномочий в области лесных отношений в сопоставимых ценах вырос на 1370 млн руб., при этом в ряде временных периодов финансирование увеличивалось, достигая максимума в размере 18 409 млн руб. Отметим, что исследователями данной проблематики неоднократно подчеркивался негативный характер и последствия недофинансирования лесохозяйственного производства [14, 15]. В связи с этим представленный нами базовый сценарий опирается на результаты анализа изменений общепрограммных показателей лесного хозяйства за последние три финансовых года реализации государственной программы «Развитие лесного хозяйства». Данный сценарий не предусматривает дополнительных мер государственного регулирования и государственной поддержки в лесном хозяйстве. Прогнозируется незначительный рост ставок платы за древесину лесных насаждений: не выше индексов-дефляторов. Не предполагается кардинальных изменений в лесном и бюджетном законодательстве Российской Федерации, в том числе в сфере ценовой политики. При таком сценарии сохранится финансирование лесного хозяйства на сложившемся уровне, а развитие будет происходить за счет модернизации и реконструкции действующих предприятий лесной промышленности, а также реализации действующих приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов.

Нами рассмотрен умеренно-оптимистический сценарий, при котором учитывается, что российская экономика будет развиваться в более благоприятных условиях внешних рынков, и цены в лесном комплексе будут умеренно расти. Данный вариант предусматривает частичное обеспечение дополнительной потребности лесного хозяйства в финансовых ресурсах на мероприятия госпрограмм, носящих про-

цесный характер. То есть на мероприятия, связанные с решением краткосрочных задач по выполнению лесохозяйственных мероприятий текущего характера по тем направлениям, по которым в настоящее время отмечается нехватка финансовых средств. В первую очередь удовлетворение потребности отрасли в дополнительных финансовых ресурсах на мероприятия по охране, защите и воспроизводству лесов за счет средств субвенций.

Сценарий предусматривает сохранение финансирования лесного хозяйства из федерального бюджета с 2019 г. на уровне, утвержденном в государственной программе Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг. Прогнозируется частичная модернизация основных лесоперерабатывающих организаций, а также рост количества приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов в Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах.

Успешная реализация сценария означает, что будут введены мощности на отдельных новых целлюлозно-бумажных комбинатах в европейской части России и в Сибири, ориентированные на комплексную переработку низкосортной лиственной древесины и производство импортозамещающей продукции.

Инновационный сценарий развития лесного комплекса ориентирован на достижение целевых показателей социально-экономического развития отраслей в условиях сокращения темпов инфляции (табл. 2). При этом предполагается активная инвестиционная политика, реализуемая за счет мер государственного регулирования и поддержки предприятий по глубокой переработке древесины. В данном сценарии опора сделана на поступательное уменьшение процентных ставок за привлекаемые кредитные ресурсы для представителей лесного бизнеса, что благоприятно от-

развится на их развитии, а с учетом начала реализации новых крупных инвестиционных проектов и мер государственного регулирования, это будет способствовать активизации экономического роста и повышению эффективности лесного комплекса.

Предусматривается существенный рост показателей экономики лесного хозяйства. Данный сценарий предполагает высокие темпы стабильного роста экономики, которые обеспечиваются мера-

ми государственной поддержки и государственного регулирования, направленными на стимулирование потребления лесной продукции и услуг, развитием лесоперерабатывающих производств с увеличением в них продукции с высокой добавленной стоимостью.

Предполагается конъюнктурный сдвиг на мировом рынке лесной продукции и услуг в сторону новых видов лесопродукции, в том числе в сфере возобновляемых источников энергии.

Таблица 2 — Значение основных показателей лесного комплекса на основе «Базового», «Базового +» и «Целевого» сценариев развития отрасли

№ п/п	Наименование показателя (индикатора) / прогнозные сценарии	Ед. изм.	2018 г. (базовый)	2019 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
1	Лесистость территории РФ	%	X	X	X	X	X
1.1	Инерционный	-/-	46,4	46,4	46,4	46,3	46,2
1.2	Умеренно-оптимистический	-/-	46,4	46,4	46,4	46,4	46,4
1.3	Инновационный	-/-	46,4	46,4	46,4	46,5	47
2	Доля площади ценных лесных насаждений в составе занятых лесными насаждениями земель лесного фонда	%	X	X	X	X	X
2.1	Инерционный	-/-	70,4	70,4	70,4	70,3	70,2
2.2	Умеренно-оптимистический	-/-	70,4	70,4	70,4	70,4	70,4
2.3	Инновационный	-/-	70,4	70,4	70,4	70,5	70,6
3	Отношение площади земель лесного фонда, занятой лесными насаждениями, к площади земель лесного фонда, выбывших из состава занятых лесными насаждениями земель лесного фонда в связи с воздействием пожаров, вредных организмов, рубок и других факторов	%	X	X	X	X	X
3.1	Инерционный	-/-	62,8	63,7	65,6	65,6	65,6
3.2	Умеренно-оптимистический	-/-	62,8	63,7	65,6	70,1	70,1
3.3	Инновационный	-/-	62,8	63,7	65,6	70,1	74,6
4	Объем платежей в бюджетную систему Российской Федерации от использования лесов, расположенных на землях лесного фонда, в расчете на 1 га земель лесного фонда	р.	X	X	X	X	X
4.1	Инерционный	-/-	26	27	27	28	29
4.2	Умеренно-оптимистический	-/-	26	27	27	29	30
4.3	Инновационный	-/-	26	27	27	54	60
5	Отношение фактического объема заготовки древесины к установленному допустимому объему изъятия древесины	%	X	X	X	X	X
5.1	Инерционный	-/-	32,1	33,1	34,1	39,1	40,1
5.2	Умеренно-оптимистический	-/-	32,1	33,1	34,1	39,1	44,1
5.3	Инновационный	-/-	32,1	33,1	34,1	44,1	49,1

Инновационный сценарий развития лесного комплекса опирается на то, что сохранение целенаправленных мер государственной поддержки в части инвестирования в развитие лесной инфраструктуры и реализации приоритетных инвестиционных проектов с акцентом на развитие биоэнергетики [16].

Важным элементом в стратегическом планировании является обоснование изменений ключевых индикаторов развития лесного комплекса России. В соответствии с выполненными прогнозами и построенными сценариями развития значения показателя лесистости территории Российской Федерации в инерционном сценарии снизятся на 0,2 п. п. Негативная тенденция, сложившаяся в 2013–2022 гг. будет продолжена, и снижение лесистости в натуральном выражении составит около 1 млн га.

В отношении второго индикатора, отметим, что показатели находятся в зависимости от комплекса натуральных показателей и мероприятий в сфере лесовосстановительных работ, рубок ухода в молодняках, прогнозной оценки гибели лесов от пожаров, вредных организмов и болезней леса, а также заготовки древесины. Согласно выполненным расчетам прогнозируется снижение объемов рубок ухода и как следствие увеличения гибели лесов от пожаров, от болезней и вредителей леса. В этом сценарии объем платежей в бюджетную систему РФ от использования лесов, расположенных на землях лесного фонда, в расчете на 1 га земель лесного фонда незначительно вырастет. Ожидается завершение сроков окупаемости действующих приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, а также замедленное увеличение количества арендованных площадей лесных участков по приоритетному виду лесопользования — для заготовки древесины лесных насаждений.

В отношении индикатора отношения фактического объема заготовки древесины к установленному допустимому объему изъятия древесины в инерционном сценарии, размер расчетной лесосеки (ежегод-

ный допустимый объем изъятия древесины лесных насаждений) сохраниться на уровне 700 млн куб. м. Существенное изменение индикатора не произойдет.

Умеренно-оптимистический сценарий предполагает как сохранение достигнутого уровня значений индикаторов развития лесного комплекса России, так и их возрастание.

Для индикатора лесистости территорий имеет место сохранение достигнутого состояния, в том числе за счет государственной поддержки в виде частичного удовлетворения дополнительной потребности в финансовых ресурсах на ключевые (приоритетные) направления лесного хозяйства в соответствии с условиями сценария, а также за счет выявления внутренних резервов финансирования, и мероприятий направленных на повышение ответственности арендаторов за выполнение лесохозяйственных мероприятий на арендованных площадях, исходя из наименее негативных прогнозов по гибели лесов от пожаров, вредителей и болезней леса, а также опираясь на увеличение мероприятий по содействию естественному возобновлению лесов в лесных районах, в которых данный подход не противоречит лесоводственным требованиям.

Умеренно-оптимистический сценарий предполагает увеличение поступлений платежей в бюджетную систему Российской Федерации от использования лесов, расположенных на землях лесного фонда, в расчете на 1 га земель лесного фонда. Этому должна способствовать благоприятная ситуация для развития малого и среднего предпринимательства, и реализации ряда инвестиционных проектов лесопромышленного комплекса, нацеленных на опережающее развитие Сибири и Дальнего Востока.

Инновационный сценарий для лесного комплекса означает динамичный тренд роста индикаторов в перспективе с 2025 до 2030 г. за счет значительных финансовых интервенций, а также существенных изменений в лесном законодательстве РФ.

Индикаторы развития лесного комплекса России увязаны с показателями заготовки древесины, гибели лесов от пожаров, вредителей и болезней леса, а также мероприятиями по воспроизводству лесов и находится в непосредственной зависимости от них. При этом возможный прирост лесных площадей, в том числе прогнозируется за счет перевода сельскохозяйственных земель, заросших лесами, в земли лесного фонда.

Предполагается стабильный рост показателей за счет соблюдения комплекса мер и дополнительного финансирования мероприятий по уходу за молодняками, а также разработки и внедрения технологий, которые могут обеспечить использование получаемой при таких рубках древесины.

Прогнозируется необходимое и нормативно-обоснованное финансирование комплекса мероприятий с применением современных технологий и инновационных разработок в области охраны лесов от пожаров, а также защиты лесов. Также предусматривается обновление парка машин и оборудования для наземных лесопожарных служб, авиационной техники для обнаружения и тушения лесных пожаров. Данный сценарий предполагает снижение площадей лесов, погибших в результате лесных пожаров, а также болезней и вредителей леса.

Инновационный сценарий предполагает форсированное развитие событий, связанных с обеспечением дополнительного финансирования, совершенствованием законодательной базы в сфере ценовой политики на лесные ресурсы и услуги леса, диверсификацией видов использования лесов, а также ростом внутреннего спроса на отечественную лесную продукцию и услуги леса.

Согласно проекту Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации, который в настоящее время находится на стадии согласования, по инерционному сценарию к 2030 г. объем лесозаготовки может составить 226,4 млн куб. м, по инновационному сценарию объем ле-

созаготовки прогнозируется к 2030 г. в размере 310,2 млн куб. м.

Таким образом, опираясь на расчеты максимальный предел освоения расчетной лесосеки по целевому сценарию, может составить не более 49,1 % при стопроцентном соблюдении всех сценарных условий.

Следует отметить, что по мере внедрения модели интенсивного использования и воспроизводства лесов, окончательного определения статуса рубок обновления и реформирования, а также совершенствования технологий несплошных рубок, объемы заготовки древесины сплошными рубками могут снижаться (при сохранении тех же объемов сплошных рубок под инфраструктуру).

Выводы

Использование сценарного подхода в стратегическом планировании развития лесного комплекса России, позволяет, учитывая влияние динамичного внешнего окружения, политических и социальных факторов, создание инноваций и технологий, новых продуктов и производств определить траекторию отраслевого развития, наиболее отвечающую современным условиям.

При разработке сценариев развития лесного комплекса была выявлена потребность в совершенствовании методологических подходов к прогнозированию развития отрасли, основывающихся на межотраслевых взаимосвязях смежных с лесным хозяйством отраслей экономики.

Первая попытка по направлению совершенствования организационно-методологических подходов была сделана в части увязки ожидаемых результатов государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение конкурентоспособности» с прогнозным значением объемов заготовки древесины в рамках базового сценария. В дальнейшем требуется разработка специальных методологических и инструктивных материалов многофакторного прогнозирования

отраслей в составе лесного комплекса, включая расширение стратегических индикаторов, в том числе учитывающих природно-климатические и социально-экономические тенденции, изменения рыночной конъюнктуры лесной продукции и услуг, цен на энергоносители и иные аспекты влияния.

Библиографический список

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации : [Федеральный закон № 172-ФЗ от 28.06.2014] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841.
2. Батов, Г. Х. Стратегическое планирование как инструмент стратегического управления региональной социально-экономической системой [Электронный ресурс] // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2016. — № 2 (26). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-planirovanie-kak-instrument-strategicheskogo-upravleniya-regionalnoy-sotsialno-ekonomicheskoy-sistemoy>.
3. Ушакова, О. А. Развитие стратегического планирования в мировой и российской практике [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. — 2014. — № 6 (167). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-strategicheskogo-planirovaniya-v-mirovoy-i-rossiyskoj-praktike>.
4. Минцберг, Г., Альстрэнд, Б., Лэмпл, Д. Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегий менеджмента / под общ. ред. Ю. Каптуревского. — СПб. : Питер, 2002.
5. Петров, А. П., Морковина, С. С. Рыночная организация лесного хозяйства: опыт зарубежных стран и российских регионов [Электронный ресурс] // Лесотехнический журнал. — 2016. — № 4 (24). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/rynochnaya-organizatsiya-lesnogo-hozyaystva-opyt-zarubezhnyh-stran-i-rossiyskih-regionov>.
6. Медовый, А. Е. Сценарный подход к стратегическому планированию в сельскохозяйственной отрасли [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. — 2006. — № 21. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarnyy-podhod-k-strategicheskomu-planirovaniyu-v-selskohozyaystvennoy-otrasli>.
7. Чучуева, И. А. Модель прогнозирования временных рядов по выборке максимального подобия : автореф. к. т. н. — М., 2012.
8. Бобровский, В. А. Методика прогнозирования выручки с помощью авторегрессионной модели [Электронный ресурс] // Вестник МГТУ им. Г. И. Носова. — 2009. — № 1. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-prognozirovaniya-vyruchki-s-pomoschyu-avtoregressionnoy-modeli>.
9. Трезуб, А. В., Трезуб, И. В. Методика построения модели ARIMA для прогнозирования динамики временных рядов [Электронный ресурс] // Вестник МГУЛ — Лесной вестник. — 2011. — № 5. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-postroeniya-modeli-arima-dlya-prognozirovaniya-dinamiki-vremennyh-ryadov>.
10. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг. (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281493.
11. Lindgren, M., Bandhold, H. Scenario Planning: Link between Future and Strategy. — Palgrave Macmillan, 2009.
12. Колбасов, В. И. Сценарное планирование как эффективный метод разработки стратегии // Креативная экономика. — 2012. — Т. 6. — № 8. — С. 86–92.
13. Государственная программа «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг. : [утв. Постановлением Правительства от 15.04.2014 № 318] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://government.ru/programs/226/events>.
14. Макашина, О. В., Таланова, М. С. Система финансирования лесного хозяйства на примере Ивановской области // Вестник ИГЭУ. — 2012. — Вып. 1.

15. Морковина, С. С., Панявина, Е. А., Драпалюк, О. И. Государственно-частное партнерство как механизм решения проблемы финансирования лесовосстановления [Электронный ресурс] // Социально-экономические явления и процессы. — 2013. — № 11 (057). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-kak-mehanizm-resheniya-problemy-finansirovaniya-lesovosstanovleniya>.

16. Морковина, С. С., Драпалюк, М. В., Баранова, Е. В. Инновационные технологии в лесокультурном деле: реальность и перспективы [Электронный ресурс] // Лесотехнический журнал. — 2015. — № 3 (19). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-lesokulturnom-dele-realnost-i-perspektivy>.

Bibliographic list

1. About strategic planning in Russian Federation : [Federal law № 172-FZ from 28.06.2014] [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841.

2. Batov, G. H. Strategic planning as instrument of strategic management of regional social and economic system [An electronic resource] // WORLD (Modernization. Innovations. Development). — 2016. — № 2 (26). — Mode of access : <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-planirovanie-kak-instrument-strategicheskogo-upravleniya-regionalnoy-sotsialno-ekonomicheskoy-sistemoy>.

3. Ushakova, O. A. Development of strategic planning in world and Russian practice [Electronic resource] // Bulletin of regional public institution. — 2014. — № 6 (167). — Mode of access : <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-strategicheskogo-planirovaniya-v-mirovoy-i-rossiyskoy-praktike>.

4. Mintsberg, G., Alstrend, B., Lempel, D. Schools of strategy. Strategic safari: excursion on jungle of strategy of management / ed. by Yu. Kapturevskiy. — SPb. : Peter, 2002.

5. Petrov, A. P., Morkovina, S. S. Market organization of forest economy: experience of foreign countries and Russian regions [Electronic resource] // Timber magazine. — 2016. — № 4 (24). — Mode of access : <https://cyberleninka.ru/article/n/rynochnaya-organizatsiya-lesnogo-hozyaystva-opyt-zarubezhnyh-stran-i-rossiyskih-regionov>.

6. Medoviy, A. E. Scenario approach to strategic planning in agricultural branch [Electronic resource] // Scientific magazine of KubGAU. — 2006. — № 21. — Mode of access : <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarnyy-podhod-k-strategicheskomu-planirovaniyu-v-selskohozyaystvennoy-otrasli>.

7. Chuchuyeva, I. A. Model of forecasting of temporary ranks on selection of maximum similarity : thesis of PhD diss. — M., 2012.

8. Bobrovskiy, V. A. Methodic of forecasting of revenue by means of autoregression model [Electronic resource] // Bulletin of MSTU named by G. I. Nosov. — 2009. — № 1. — Mode of access : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-prognozirovaniya-vyruchki-s-pomoschyu-avtoregressionnoy-modeli>.

9. Tregub, A. V., Tregub, I. V. Methodic of creation of ARIMA model for forecasting of dynamics of temporary ranks [Electronic resource] // MGUL Bulletin — Lesnoy the messenger. — 2011. — № 5. — Mode of access : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-postroeniya-modeli-arima-dlya-prognozirovaniya-dinamiki-vremennyh-ryadov>.

10. Forecast social-economic development of Russian Federation for 2017 and for planning period of 2018 and 2019 (developed by Ministry of Economic Development of Russian Federation) [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281493.

11. Lindgren, M., Bandhold, H. Scenario Planning: Link between Future and Strategy. — Palgrave Macmillan, 2009.

12. Kolbasov, V. I. Scenario planning as effective method of development of strategy // Creative economy. — 2012. — T. 6. — № 8. — P. 86–2.

13. State program «Forestry development» for 2013–2020 : [Resolution of Government of Russian Federation № 318 from 15.04.2014] [Electronic resource]. — Mode of access : <http://government.ru/programs/226/events>.

14. *Makashina, O. V., Talanova, M. S.* Sistema of financing of forestry on example of Ivanovo region // IGEU Bulletin. — 2012. — Issue 1.

15. *Morkovina, S. S., Panyavina, E. A., Drapalyuk, O. I.* Public-private partnership as mechanism of solution of problem of financing of reforestation [Electronic re-

source] // Social and economic phenomena and processes. — 2013. — № 11 (057). — Mode of access : <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-kak-mehanizm-resheniya-problemy-finansirovaniya-lesovosstanovleniya>.

16. *Morkovina, S. S., Drapalyuk, M. V., Baranova, E. V.* Innovative technologies in silvicultural business: reality and prospects [Electronic resource] // Timber magazine. — 2015. — № 3 (19). — Mode of access : <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologii-v-lesokulturnom-dele-realnost-i-perspektivy>.

T. A. Салтанова

СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Аннотация

В статье рассмотрены основные тенденции формирования категории «новое качество экономического роста» основанные на процессах внутреннего преобразования экономической системы.

Ключевые слова

Новое качество экономического роста, валовой внутренний продукт, производительность труда, инновационный рост, инновационные процессы.

T. A. Saltanova

MODERN CRITERIA OF ECONOMIC GROWTH QUALITY

Annotation

Article describes the main trends in formation of category «new quality of economic growth» based on processes of internal transformation of economic system.

Keywords

New quality of economic growth, gross domestic product, labor productivity, innovative growth, innovative processes.

Введение

Новые требования, предъявляемые современной рыночной экономикой к качеству экономического роста, продиктованы необходимостью: реализации достижений НТП в производство; внедрения ресурсосберегающих технологий; компьютеризации производ-

ственных процессов; обеспечения прироста валового продукта за счет продукции отраслей, обеспечивающих технический прогресс; высокого уровня качества производимых продуктов; сохранения для жизнедеятельности человека чистой экологической среды обитания.

Материалы и методы

Основные процессы, обеспечивающие качественный рост реального объема производства, определяются либо количеством, либо качеством вовлеченных ресурсов. Факторы количественного влияния, качественно не изменяя содержание применяемых технологий и уровень квалификации исполнителя, не обеспечивают достаточное повышение производительности труда, следовательно, доход на единицу труда и капитала остается неизменным. Воздействие, обеспечивающее интенсивный рост экономики, определяется качественной составляющей вовлекаемых ресурсов: уровень образования и квалификации исполнителей; технологии и оборудование с применением передовых достижений НТП, научный подход к организации трудовых процессов, методы государственного воздействия на формирование основных экономических тенденций и пропорций.

Трактовать категорию нового качества экономического роста (НКЭР) возможно как совокупность свойств экономического процесса изменяемых во времени и пространстве и содержащих качественно новые черты и характеристики. Следовательно, экономический рост базируется на процессах внутреннего преобразования экономической системы, в результате которых формируются его новые формы, свойства и черты, определяемые как экономическими, так и социальными критериями [2].

Новое качество экономического роста вызывает изменения структуры общественного воспроизводства, основываясь на новых мотивационных механизмах и преобладании неспецифических видов в структуре общественных инвестиций.

Движение к новому качеству экономического роста определено общей тенденцией поступательного развития экономики и диктуется необходимостью прогрессивной смены способов

общественного воспроизводства. Новая ступень в развитии производительных сил представляется как более сложная, характеризующаяся более высокими возможностями и более высокой результативностью. Качественный переход позволяет, удерживая прогрессивные тенденции свойственные старому способу общественного воспроизводства, достигнуть новой более совершенной ступени его развития, которая приходит ему на замену.

Результаты

Новое качество экономического роста в современном периоде определяется значительными изменениями в структуре экономики: рост реального ВВП сопровождается увеличением доли промышленного производства, сокращением удельного веса сельскохозяйственного производства; стабильным ростом доли строительного производства; активизацией финансового сектора.

Более яркие проявления глобализационных процессов и трансграничности, социальная ориентация экономического развития выступают как признаки нового качества экономического роста, наиболее полно проявляющиеся в странах с развитой экономикой, характеризующейся масштабными финансовыми поступлениями и значительными темпами прироста интеллектуальной собственности. Полагаем, что новое качество экономического роста должно быть подкреплено, с одной стороны, такой эффективной формой накопления для исполнителя, как развитие его способностей, с другой стороны, представлением социального инвестирования как более рационального для стратегического развития.

Социальное инвестирование, основанное на современных технологиях и механизмах распределения средств, позволяет учесть потребности различных групп населения и является наиболее эффективным вложением в развитие человеческого ресурса.

Сложившаяся в РФ тенденция сокращения численности населения в трудоспособном возрасте (в 2017 г. численность населения в трудоспособном

возрасте сократилась почти на миллион) может явиться «серьезным ограничением для экономического роста» [1].

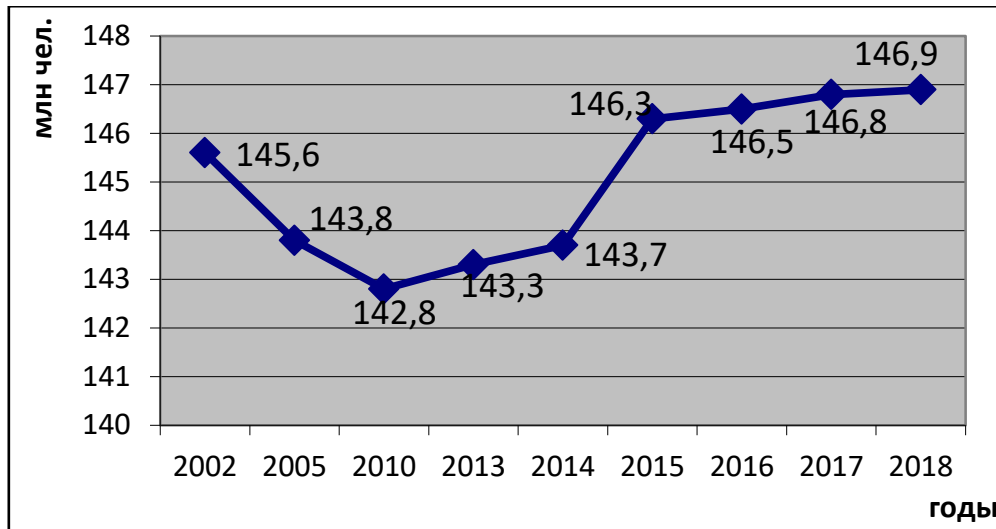


Рисунок 1 — Динамика численности населения в РФ в период 2002–2018 гг., на 1 января соответствующего года*

* Составлен по данным Федеральной службы государственной статистики, 2018 [6].

Новые социально значимые свойства и характеристики экономического роста проявляются в его транзакционном типе, который является результатом эволюции интенсивного, экстенсивного, индустриального и постиндустриального типов. Его отличие в формировании между хозяйствующими субъектами качественно новых институционально организованных связей и отношений.

Обсуждение

Традиционную классификацию типов экономического роста можно дополнить более современным инновационным типом. Он наиболее близок по содержанию к интенсивному типу и основан на непрерывном качественном совершенствовании применяемых технологий и реализации инновационных решений, вызывающих прирост объемов национального производства, *активизацию других* сфер хозяйственной деятельности. Увеличение инновационной составляющей в конечной стоимости

продукта обусловлено высокой конкуренцией, которая характерна для современной экономики.

Формирование тенденции инновационного роста, обусловлено таким фактором как человеческий капитал. Значительные финансовые ресурсы на наращивание человеческого капитала выделяются из государственного бюджета. Не сразу, но впоследствии они окупаются. Отметим важность такого экономического ресурса, как предпринимательство. Данный вид позволяет взаимодействовать прочим экономическим ресурсам: труду, капиталу, земле, накопленным знаниям и научно-техническому прогрессу. Активизация предпринимательского потенциала ускоряет экономический рост и адаптирует прогрессивные научно-технические решения к складывающимся условиям общественного производства.

Научно-технический прогресс (НТП) имеет определяющее значение

среди интенсивных факторов экономического роста. Именно реализация достижений НТП позволяет обеспечить необходимое качество применяемых ресурсов. Его влияние основано на суммировании и распространении накопленных знаний, научных идей, открытий и изобретений, которые вызывает это новое знание; на реализации нововведений, представленных как форма внедрения научных открытий и изобретений.

Отличительные черты инновационного роста представлены:

– повышением у производителя уровня восприятия покупательских по-

требностей, которые подвержены динамичным изменениям;

– активизацией деятельности по созданию нового полезного продукта, формированием потребности в нем у потребителя [3].

По данным Госкомстата РФ отмечен рост удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг с 4,8 % в 2010 г. до 8,5 % в 2016 г. Наибольший прирост данного показателя достигнут в 2013 г., что обусловлено более высокой инновационной активностью организаций в 2011–2013 гг. (табл. 1).

Таблица 1 — Показатели инновационной деятельности организаций в Российской Федерации за период 2010–2016 гг.*

Показатели	Ед. изм.	Годы						
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Инновационная активность организаций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций)	%	9,5	10,4	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	%	4,8	6,3	8,0	9,2	8,7	8,4	8,5
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций	%	7,9	8,9	9,1	8,9	8,8	8,3	7,3
Отгружено инновационных товаров, работ, услуг, выполненных собственными силами	млрд руб.	1243,7	2106,7	2872,9	3507,8	3579,9	3843,4	4364,3

* Составлена автором по данным Росстата [5].

Приоритет отдан технологическим инновациям, поскольку они позволяют активизировать маркетинговые и организационные инновации. Отгружено в

2016 г. инновационных товаров, работ, услуг, выполненных собственными силами в 3,5 раза больше в сопоставлении с 2010 г.

Актуальными стратегическими направлениями инновационного развития определены: повышение конкурентоспособности российской экономики, обеспечение продовольственной безопасности страны и реализация политики импортозамещения. Базой *инновационного развития* является рациональное использование научно-технического потенциала, интеграция научных, образовательных и производственных процессов, технологическая модернизация экономики, основанная на использовании инновационных технологий.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 поставлена достаточно сложная задача: «Россия должна не только прочно закрепиться в пятерке крупнейших экономик мира, но и к середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в полтора раза» [1]. Принципиально иной уровень задействования, представленных выше источников экономического роста, позволит в дальнейшем проводить требуемые изменения в структуре национальной экономики.

Первый источник — увеличение производительности труда «на новой технологической, управленческой и кадровой основе» [1]. Выйти на уровень мировых показателей позволит прирост производительности труда на крупных и средних предприятиях в базовых отраслях промышленности не менее чем 5 % в год.

Второй источник — увеличение инвестиций. Поставлена задача довести их объем до 25–27 % от ВВП. Основным направлением в инвестировании средств должны стать «модернизация, техническое перевооружение и обновление производства» [1].

Третий источник — развитие малого предпринимательства. Его вклад в ВВП к середине следующего десятилетия должен возрасти до 40 % [1]. Необходимо активно проводить политику поддержки малого бизнеса, обеспечить доступность институциональных и финансовых инструментов.

Четвертый источник — развитие несырьевого экспорта. Проводимая политика импортозамещения позволит в предшествующие шесть лет практически «удвоить объем несырьевого, неэнергетического экспорта до 250 млрд долл., в том числе довести поставки продукции машиностроения до 50 млрд долл. Должен вырасти ежегодный экспорт услуг, включая образование, медицину, туризм, транспорт» [1].

Заключение

Эволюционные трансформации адаптивных типов экономического роста в инновационные типы обусловлены жизнеспособностью экономической системы, ее стремлением перейти на высшую ступень эволюции. Экономический рост в новом качестве представляет собой более высокую ступень эволюционного развития экономики. Его построение возможно с использованием инновационной структуры управления, позволяющей более полно и рационально задействовать условия и факторы производства. Для нее характерна оптимизация в соотношении интересов хозяйствующих субъектов на всех уровнях как национального, так и мирового хозяйства. Приоритеты экономического развития, в данном случае, определены принципами практического гуманизма.

Доработка механизмов обеспечения инновационного роста предполагает системный подход. Экономическое развитие на основе инновационных процессов требует изменения системы механизмов обеспечивающих рациональные пропорции в структуре жизненного цикла инноваций, взаимодействия инновационной системы на различных уровнях и этапах со структурами власти и бизнеса, аналитического исследования элементов процесса реализации инноваций.

Комплексное решение поставленных стратегических задач инновационного развития российской экономики обуславливает создание инфраструктуры обеспечивающей инновационную деятельность, формирование матери-

альных, технических, законодательных и др. условий, которые позволяют реализовать информационное, финансовое, экспертное, кадровое и маркетинговое, обеспечение инновационной деятельности предприятий. Создание современного комплекса инфраструктуры, сопутствующего современному бизнесу, приобрело особую значимость.

Проведение инновационных изменений необходимо дополнить проектами, направленными на формирование единой среды, стимулирующими инновационные преобразования в производстве; на использование современных технологических возможностей в развитии человеческого потенциала и на его эффективное использование; на экологическую составляющую развития промышленных территориальных образований. Актуально проведение исследований и разработка методологических основ реализации механизмов финансово-кредитного обеспечения инновационных процессов. Поддержка со стороны Банка России в реализации мер денежно-кредитной политики, развитии финансовых рынков способствует достижению общей цели инновационного развития — создание условий для стимулирования темпов экономического роста.

Библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018.
2. Барро, Р., Сала-и-Мартин, Х. Экономический рост. — М. : Бинон, 2010.

3. Гусаров, В. Ю. Типология факторов экономического роста и их развитие // Вестник ТИСБИ. — 2008. — № 1.

4. Селютина, О. Ю. Концепция имитационной модели социально-экономического развития Ростовской области // Вестник Южного Научного Центра РАН. — 2011. — Т. 7. — № 4. Политология. — С. 90–95.

5. Россия в цифрах. 2018 : крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2018.

6. Федеральная служба государственной статистики, 2018 [Электронный ресурс]. — режим доступа : <http://www.gks.ru>.

Bibliographic list

1. Message of President of Russian Federation to Federal Assembly from 01.03.2018.

2. Barro, R., Sala-I-Martin, Ch. Economic growth. — M. : Binon, 2010.

3. Gusarov, V. Yu. Typology of factors of economic growth and their development // Bulletin of TISBI. — 2008. — № 1.

4. Selyutina, O. Yu. Concept of simulation model of socio-economic development of Rostov region // Bulletin of Southern Scientific center of RAS. — 2011. — Vol. 7. — № 4. Political Science. — P. 90–95.

5. Russia in numbers. 2018 : comp. / Rosstat. — M., 2018.

6. Federal state statistics service, 2018 [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.gks.ru>.

РАЗДЕЛ 3. ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

Н. В. Бухов

ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТОИМОСТНОГО АНАЛИЗА

Аннотация

В статье раскрываются особенности формирования и использования учетно-аналитического обеспечения функционально-стоимостного анализа (ФСА) в части стоимостной оценки анализируемых объектов. Структурированы входящие потоки данных информационной системы ФСА, определены методики анализа функциональных затрат и сформулированы преимущества проведения стоимостной оценки в условиях автоматизации анализа.

Ключевые слова

Функционально-стоимостной анализ, учетно-аналитическая система и обеспечение, центры финансовой ответственности (ЦФО), бизнес-процессы, качество информации.

N. V. Bukhov

FORMATION AND APPLICATION OF VALUE ANALYSIS' INFORMATIONAL SUPPORT

Annotation

Article highlights the features of generating and processing of accounting and analytical support of value analysis (VA) in context of cost estimate of functions the object performs. Author arranges the incoming data flows of VA database, reveals the techniques of functional costs' analysis and defines the pros of value analysis in conditions of business automation.

Keywords

Value analysis (function cost analysis), accounting and analytical system and support, financial responsibility centers (FRC), business processes, information quality.

Введение

Учетно-аналитическое обеспечение играет ведущую роль в проведении функционально-стоимостного анализа (ФСА) коммерческой организации. Аналитичность, актуальность, комплексный подход к его формированию, систематизации и обработке являются залогом получения адекватных результатов исследования, которые могут быть использованы для принятия управленческих решений и совершенствования деятельности предприятия. В процессе ФСА осуществляется решение

комплекса аналитических задач по всестороннему изучению функций, выполняемых анализируемым объектом, и определению затрат на их реализацию.

Информация, получаемая в ходе работ по ФСА, позволяет идентифицировать местонахождение функциональных резервов, а методики поиска вариантов реализации функций и отбора предпочтительных вариантов дают ответ на вопрос о том, как использовать данные резервы с целью повышения эффективности функционирования объекта [1].

Совершенствование учетно-аналитического и информационного обеспечения системы управления организацией, которая является источником получения ключевых данных для ФСА, должно иметь комплексный характер и затрагивать информацию:

- бухгалтерскую и финансовую;
- управленческую;
- налоговую;
- технико-конструкторскую.

Проведение функционально-стоимостного анализа — сложный и многоэтапный процесс, предполагающий постоянное взаимодействие аналитической группы со всеми структурными подразделениями анализируемой организации, в результате которого формируется учетно-аналитическое обеспечение анализа. ФСА является мощным стратегическим инструментом, позволяющим при должном подходе повысить эффективность хозяйственной деятельности предприятий за счет рационализации затрат на производимую продукцию, предлагаемые услуги, а также за счет трудовой и функциональной оптимизации структур организации. Эффективность применения данного инструмента напрямую зависит от качества информации, формируемой учетно-аналитической системой организации [7].

Материалы и методы

Анализ и оптимизация затрат на выполняемые объектом функции, будучи ключевой концепцией ФСА, является трудоемким процессом и предъявляет высокие требования к качеству и аналитичности информационного обеспечения. В статье рассмотрены подходы к оценке затрат на выполняемые функции в разрезе входящих и исходящих информационных потоков комплексной информационной системы ФСА [4]. Общие подходы к оценке затрат в ФСА в современных условиях хозяйствования рассматривались различными исследователями, в том числе Л. Н. Усенко, О. А. Склярской, В. М. Шеравнером [2, 3], О. Н. Кузьминой [1] и др.

Результаты

В крупных и средних предприятиях, а также предприятиях с широким ассортиментом продукции вопрос сбора, обработки, систематизации информационного обеспечения ФСА становится достаточно актуальным. Информация о затратах, структуре продукции, ее потребительских характеристиках достаточно неоднородна и формируется в различных подразделениях и структурах предприятия. Поэтому проведение функционально-стоимостного анализа в таких организациях сопряжено с определенными сложностями, связанными с характером получаемой информации, ее прозрачностью, аналитичностью, а также со сложностями при ее сопоставлении. Создание интегрированной учетно-аналитической системы призвано оптимизировать и четко структурировать информационные потоки в рассматриваемой организации.

Важным инструментом формирования учетно-аналитической системы для целей ФСА является использование специального программного обеспечения. Преимущество комплексной информационной системы для целей ФСА (ИС ФСА) заключается в формировании единой структурированной информационной базы данных и возможности использования их в различных комбинациях для составления рабочих документов группой ФСА.

Рабочие процедуры, осуществляемые в ходе ФСА, проводятся в определенной логической последовательности. На рисунке 1 отражена модульная структура ИС ФСА. Для осуществления стоимостной оценки выделенных функций анализируемого объекта необходимо дополнить структурно-элементную модель ФСА данными о затратных характеристиках. Для этого осуществляется сбор и обобщение информации о затратах на функционирование исследуемого объекта. Данные аккумулируются в ИС ФСА с атрибутами, включающими информацию о местах возникновения, связанных ЦФО и носителях затрат.



Рисунок 1 — Использование комплексной ИС ФСА на всех этапах анализа

Детальный анализ затрат на осуществление функции выявляет ключевые векторы в разработке альтернативных решений и моделей функционального исполнения объекта. В условиях использования возможностей ИС ФСА актуальны следующие методы анализа затрат на исполняемые функции (табл. 1).

Анализ затрат на исполнение функций дает справедливую оценку уровню организационного исполнения анализируемого объекта, позволяет выявить причины и факторы повышенных

затрат и зоны их сосредоточения. Получаемые данные служат основой формирования альтернативных вариантов организационного исполнения объекта, обладающего более оптимальным соотношением функций к затратам на их реализацию. Группировка и ранжирование затрат по этапам проведения ФСА, видам работ, привязка к карте ЦФО необходима для полной реализации их учета и контроля, расширения возможностей по их снижению и оптимизации.

Таблица 1 — Методы анализа затрат на исполняемые функции*

Содержание	Результат (выходные данные)
Метод ранжирования структурных элементов по величине затрат	
В основе лежит допущение, что снижение затрат наиболее вероятно по функциям со значимой величиной фактических затрат. Осуществление предполагает распределение структурных элементов анализируемого объекта в порядке убывания затрат на их функционирование	Графическое отображение результата: диаграмма Парето, суммирующая затраты на структурные элементы объекта по мере их нарастания в связи с последовательным включением каждого элемента. На оси затрат — совокупная величина затрат разбивается на три рабочих блока (75–20–5 %). В качестве основного направления анализа рассматривается первый блок

* Составлена по данным [1].

Содержание	Результат (выходные данные)
Метод пропорций затрат на основные и вспомогательные функции	
Реализация предусматривает наличие пропорциональной связи между иерархическим положением функций и величиной затрат на их реализацию. В связи с этим совокупные затраты по реализации функций объекта подразделяются на затраты по реализации основных и вспомогательных функций соответственно. Предполагается, что затраты на основные функции более стабильны, поэтому их больший удельный вес является положительной стоимостной характеристикой организационного исполнения объекта	Графическая интерпретация результата: построение сравнительных диаграмм «значимость функции-затраты»
Метод анализа факторов снижения затрат	
Метод подразумевает, что ожидаемые результаты ФСА обуславливаются уровнем исходных затрат на функционирование объекта и возможными факторами их снижения	Графическая интерпретация: сравнительная диаграмма «затраты-факторы» с привязкой весовых коэффициентов и ранжированием по величине

Получаемая в итоге совокупность затрат и функций значительно повышает аналитичность и прозрачность проведения ФСА, а также позволяет аналитической группе систематизировано

рассматривать как общую систему учетно-аналитического обеспечения организации, так и структурные информационные блоки центров ответственности (рис. 2).



* для идентификации затрат использованы латинские буквы a –z, соответствующие выделенным издержкам в Карте ЦФО для целей ФСА

Рисунок 2 — Определение затрат на разработку, изготовление и эксплуатацию объекта в ИС ФСА с привязкой к Карте ЦФО

Наиболее актуальна данная методика для творческой и корректирующей формы ФСА, так как позволяет уже на стадии проектирования изделия заложить в нем необходимый функционал с привязкой по ответственным сегментам. Сопоставление информации центров затрат с проектируемым и реальным функционалом позволит внести оперативные конструкторские и управленческие корректировки, которые смогут повлиять на дальнейший путь изделия на рынке.

Систематизированные данные карт ФСА о затратах и функциях позволяют расширить общий инструментарий группы аналитиков. Функции, полученные с помощью карт ФСА, дифференцируются по группам и в дальнейшем используются ФСА-группой на аналитическом этапе. Информация карт ЦФО и, в особенности, сектора производства, позволяет выделять и формировать аналитическую информацию как о производительных, так и непроизводительных функциях. Кроме того, выделение потенциальных функций уже на информационном и аналитическом этапах анализа закладывает определенный творческий резерв для оперативной аналитической работы и конечного результата.

Заключение

Аналитичность и комплексный характер учетно-аналитического обеспечения при оценке и анализе затрат в ФСА обуславливают качество выходных данных, получаемых в процессе анализа. Использование комплексной ИС ФСА на всех этапах анализа является эффективным инструментом, позволяющим группировать и централизованно сопоставлять необходимую информацию об объектах анализа с соответствующими ЦФО и более точно сопоставлять издержки и выполняемые объектами анализа функции. Преимуществами данного способа обработки данных и представления для целей ФСА следует считать:

- комплексный и системный характер учета данных, так как ФСА подразумевает творческий подход и необходимость использования различных данных;

- аккумуляцию различной информации в единой базе данных;

- экономия рабочего времени группы ФСА, так как отсутствует необходимость постоянного контакта со структурными подразделениями анализируемой организации и постоянной обработки данных;

- возможность гибко подстраивать алгоритмы расчета под индивидуальные особенности организации и условия проведения анализа;

- возможность интеграции с используемыми на предприятии автоматизированными системами бухгалтерского, управленческого учета, анализа, контроллинга, конструкторских и технических разработок.

Таким образом, учет по ЦФО и применение специализированного программного обеспечения являются удобными и эффективными инструментами, формирующими прозрачную и аналитичную интегрированную учетно-аналитическую систему организации и информационное обеспечение анализа, что позволяет не только использовать данные в управленческих целях — принимать руководству эффективные решения, определять направления развития организации, но и применять качественную, структурированную и систематизированную информацию для целей ФСА, в котором данные характеристики информации являются ключевыми.

Библиографический список

1. Кузьмина, О. Н. Развитие методики функционально-стоимостного анализа учетно-аналитического обеспечения управления организацией : дисс. к. э. н. — Самара, 2014.

2. Усенко, Л. Н., Склярова, О. А., Шеравнер, В. М. Функционально-стоимостной анализ в коммерческих организациях: теория и практика : моногр. — Ростов н/Д, 2008.

3. Современные методы анализа и прогнозирования в отраслях национальной экономики : моногр. / под ред.

Л. Н. Усенко. — М. : Вузовская книга, 2014. — Т. 3.

4. *Usenko, L. N., Bogataya, I. N., Bukhov, N. V., Kuvaldina, T. B., Pavlyuk, A. V.* Formation of an integrated accounting and analytical management system for value analysis purposes // *European Research Studies Journal*. — 2018. — № 21 (Special Issue 1). — P. 63–71.

5. *Маняева, В. А.* Методика стратегического экономического анализа расходов организации по видам деятельности // *Аудит и финансовый анализ*. — 2011. — № 4. — С. 168–173.

6. *Бухов, Н. В.* Роль и значение центров финансовой ответственности в формировании учетно-аналитического обеспечения функционально-стоимостного анализа // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. — 2015. — № 1 (49). — С. 150–156.

7. *Бухов, Н. В.* Формирование учетно-аналитической системы функционально-стоимостного анализа на основе центров финансовой ответственности // *Научное обозрение*. — 2015. — № 8. — С. 252–256.

8. *Кальницкая, И. В.* Бухгалтерская финансовая учетно-аналитическая система для целей управления организацией // *Международный бухгалтерский учет*. — 2013. — № 3. — С. 9–17.

9. *Кальницкая, И. В.* Налоговая учетно-аналитическая система для целей управления организацией // *Международный бухгалтерский учет*. — 2013. — № 42. — С. 44–49.

10. *Кальницкая, И. В.* Интегрированная учетно-аналитическая система для целей управления организацией // *Международный бухгалтерский учет*. — 2014. — № 22 (316). — С. 2–13.

11. *Поздеев, В. Л.* О стандартизации управления аналитическими рисками: концептуальный подход // *Вопросы экономики и права*. — 2013. — № 57. — С. 153–158.

Bibliographic list

1. *Kuzmina, O. N.* Development of the methodology of functional-cost analysis of accounting and analytical support of

organization management : PhD Thesis. — Samara, 2014.

2. *Usenko, L. N., Sklyarova, O. A., Sheravner, V. M.* Function-cost analysis in commercial organizations: theory and practice : monograph. — Rostov-on-Don, 2008.

3. Modern methods of analysis and forecasting in sectors of national economy : monograph / ed. by L. N. Usenko. — М. : University Book, 2014. — Vol. 3.

4. *Usenko, L. N., Bogataya, I. N., Bukhov, N. V., Kuvaldina, T. B., Pavlyuk, A. V.* Formation of an integrated accounting and analytical management system for value analysis purposes // *European Research Studies Journal*. — 2018. — № 21 (Special Issue 1). — P. 63–71.

5. *Manyaeva, V. A.* Method of strategic economic analysis of organizational expenses by types of activity // *Audit and financial analysis*. — 2011. — № 4. — P. 168–173.

6. *Bukhov, N. V.* Role and importance of financial responsibility centers in formation of accounting and analytical support of functional and cost analysis // *Bulletin of Rostov State University of Economics*. — № 1 (49). — 2015. — P. 150–156.

7. *Bukhov, N. V.* Formation of accounting and analytical system of functional and cost analysis based on financial responsibility centers // *Scientific review*. — 2015. — № 8. — P. 252–256.

8. *Kalnitskaya, I. V.* Accounting financial accounting and analytical system for management of organization // *International Accounting*. — 2013. — № 3. — P. 9–17.

9. *Kalnitskaya, I. V.* Tax accounting and analytical system for purposes of managing the organization // *International Accounting*. — 2013. — № 42. — P. 44–49.

10. *Kalnitskaya, I. V.* Integrated accounting and analytical system for management of organization // *International Accounting*. — 2014. — № 22 (316). — P. 2–13.

11. *Pozdeev, V. L.* On standardization of management of analytical risks: conceptual approach // *Issues of Economics and Law*. — 2013. — № 57. — P. 153–158.

О. Б. Иванова, Е. Д. Костоглодова, С. А. Хапилин

**РОЛЬ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОГО И ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

Аннотация

В работе рассматриваются проблемы и перспективы развития бюджетно-налоговой и таможенной политики в свете реализации Указа Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». Обосновывается, что текущая социально-экономическая политика практически предопределяет в долгосрочном периоде сжатие научно-технологического потенциала и снижение темпов экономического роста, что потребует несопоставимо большего объема ресурсов для решения социально-экономических проблем сокращения отставания в научно-технической базе экономического развития после завершения структурных реформ.

Сделан вывод о том, что поставленные масштабные задачи выдвигают особые требования к проведению бюджетно-налоговой и таможенной политики. На основе проведенного анализа текущей сделан вывод о необходимости реализации комплекса мер по совершенствованию межбюджетных отношений, повышению эффективности налоговой политики, согласованию процессов таможенного и налогового администрирования с процессами развития евразийской экономической интеграции.

Ключевые слова

Бюджетный федерализм, Евразийский экономический союз, налоговое регулирование, таможенное регулирование, экономическая интеграция.

О. В. Ivanova, E. D. Kostoglodova, S. A. Khapilin

**ROLE OF BUDGET-TAX AND CUSTOMS REGULATIONS
IN IMPLEMENTATION OF STRATEGY FOR ECONOMIC GROWTH
AND COMPETITIVENESS OF RUSSIAN ECONOMY**

Annotation

Article discusses the problems and prospects of development of budgetary-fiscal and customs policy in the light of implementation of decree of President of Russian Federation № 204 from 07.05.2018 «On the national goals and strategic objectives development of Russian Federation for the period up to 2024». It is proved that current socio-economic policy practically predetermines in long term the compression of scientific and technological potential and decline in economic growth rates, which will require incomparably more resources to solve the socio-economic problems of reducing the gap in scientific and technical basis of economic development after completion of structural reforms. It is concluded that the set large-scale tasks put forward special requirements for fiscal and customs policy. On the basis of analysis, the current conclusion is made about the necessity of realization of complex of measures on improvement of interbudgetary relations, increasing the efficiency of tax policy, harmonization of processes of tax and customs administration with processes of Eurasian economic integration.

Keywords

Fiscal federalism, Eurasian economic Union, tax regulation, customs regulation, economic integration.

Введение

Текущая социально-экономическая ситуация в России характеризуется социальными дисбалансами, низкой рентабельностью производства, особенно ярко проявляющейся в сопоставлении с процентными ставками, низкими темпами экономического развития, отставанием России по ряду критически важных направлений научно-технического развития и, недостаточной конкурентоспособностью продукции ключевых отраслей экономики на внешних рынках, «санкционным» характером взаимодействия с ведущими экономическими партнерами. Качественное обоснование комплекса мер по решению данных проблем при помощи мер государственного регулирования неминуемо затрагивает как теоретические, так и идеологические аспекты, которые определяют арсенал мер, возможных к применению в текущих социально-экономических условиях.

Материалы и методы

В качестве методологической базы применялись принципы системного подхода к исследованию социально-экономических отношений, позволившие выявить базовые характеристики исследуемых явлений и процессов, определить направления их развития, выявить причины и условия возникновения противоречий между ними. Кроме того, в процессе работы применялись общие и специальные методы научного познания: анализа и синтеза, абстрактно-логического метода, системного анализа.

Результаты

В программных документах Правительства Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации, отражающих бюджетно-налоговую, таможенно-тарифную, денежно-кредитную политику закреплены цели, связанные преимущественно с достижением макроэкономической стабильности — предсказуемостью внутренних экономических условий, низкой инфляцией, ста-

бильной и понятной для экономических агентов налоговой системы. Проблемы недостаточной динамики экономического роста и конкурентоспособности российской экономики на протяжении многих лет связываются с незавершенностью процесса приватизации, недостаточной либерализацией внутренних рынков, необходимостью повышения открытости экономики и проведения структурных реформ. Как справедливо отмечают А. Ленчук, А. Аганбегян, проводимая в стране неолиберальная политика практически изолировала инновационную политику от индустриального развития, система стратегического планирования до настоящего времени не сформирована, банковская система практически не участвует в решении задач социально-экономического развития страны, а выстраиваемая система научно-технологических и структурных приоритетов, разработка программных документов в сфере научно-технической, инновационной и промышленной политики не взаимоувязаны между собой и продолжают сохранять автономность [1, 2].

В результате такая политика практически предопределяет в долгосрочном периоде сжатие научно-технологического потенциала и снижение темпов экономического роста, что потребует несопоставимо большего объема ресурсов для решения социально-экономических проблем сокращения отставания в научно-технической базе экономического развития после завершения структурных реформ. Изложенное определяет необходимость научного осмысления имеющихся проблем бюджетно-налоговой и таможенной политики и поиска эффективных путей устранения структурных дисбалансов и препятствий для экономического роста [3].

Важнейшее значение при проведении социально-экономической политики имеют поставленные целевые установки государства. Указом Президента Российской Федерации № 204 от

07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» поставлены задачи ускоренного социально-экономического развития, предполагающие повышение качества жизни населения, ускорение технологического развития Российской Федерации, вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, Указанные масштабные задачи фактически предполагают смену технологического уклада, эффективное пространственное развитие России, существенное повышение производительности труда на новых и модернизированных предприятиях, что выдвигает особые требования к проведению бюджетно-налоговой и таможенной политики [16].

Обсуждение

Несмотря на определенное преодоление трудностей, обусловленных ухудшением макроэкономической ситуации, современная бюджетно-налоговая политика, как на федеральном, так и на региональном уровне характеризуется наличием «узких» мест, без решения которых невозможно обеспечение существенного экономического роста. Большая часть проблем сформировалась с середины 2000-х гг., вместе с тем, начиная с 2014 г. в связи с недостаточной обеспеченностью налоговыми и таможенными инструментами интеграционных процессов в формате Евразийского экономического союза нарастает новый комплекс проблем [12]. Укрупненно имеющиеся проблемы и пути их решения нами сгруппированы в следующие блоки.

Проблемы межбюджетных отношений

Бюджетный федерализм определяет финансовую способность всей вертикали управления последовательно и в определенной степени самостоятельно решать актуальные социально-экономические задачи страны в целом и каждого из ее

регионов, нейтрализуя все возникающие в рамках определенной территории риски и угрозы. Федерализм является не только формальным институтом российской государственности, воплощением территориальной целостности страны и единства населяющих ее народов, но и имеет важнейшее социально-экономическое значение, влияющее на эффективность всей системы государственного и муниципального управления.

В системе разграничения бюджетных полномочий на сегодняшний день сохраняется ряд проблем. К ним относятся излишне высокая доля целевых трансфертов, и в частности субвенций, в доходах муниципальных бюджетов, а также усиление горизонтального дисбаланса на региональном уровне вследствие существующего разграничения полномочий. Во многих субъектах РФ объем доходов бюджетов муниципальных районов за счет субвенций на исполнение переданных полномочий составляет значительную долю. Вместе с тем передача расходных полномочий в условиях несбалансированности региональных и местных бюджетов не сопровождается одновременной передачей доходных источников. Практика показывает, что 96 % расходных обязательств возложено на регионы на федеральном уровне и только 4 % составляют взятые самостоятельно обязательства. В сфере здравоохранения такое соотношение составляет 1,7 % против 98,3 %. В образовании аналогичный показатель составляет 23,5 и 76,5 % в пользу федерального центра. И только в сфере социальной политики собственно на региональные обязательства приходится 72,2 % расходов консолидированных бюджетов регионов [4]. В связи с этим возникает дисбаланс и ситуация, когда текущие расходы растут, а сама инфраструктура в той или иной сфере является недостаточно развитой. Наряду с этим имеют место значительная передача полномочий на уровень регионов без соответствующего финансирования.

В настоящее время осуществляется инвентаризация соответствующих полномочий с целью повышения бюджетной самостоятельности регионов. Ведомства должны привести нормативно-правовые акты, определяющие ресурсное обеспечение делегированных полномочий в соответствие с теми объемами субсидий, которые получают регионы. Согласно позиции Минфина России, в части полномочий Российской Федерации субъектам имеются возможности для улучшения действующей практики. Так, те полномочия, которое на сегодняшний день делегированы субъектам, могут быть переданы в качестве собственных. К таким полномочиям могут быть отнесены полномочия на обеспечение жилищно-коммунальными услугами отдельных категорий льготников, содержание ЗАГСов, лесные отношения и др. [5].

Одной из существенных новаций в области межбюджетных отношений стало подписание в 2017 г. соглашений между Федерацией и регионами при предоставлении не только межбюджетных субсидий, но и дотаций (ранее такие соглашения заключались только с высокодотационными регионами). Было уточнено само понятие дотаций в статье 6 Бюджетного кодекса как межбюджетные трансферты, имеющие условия их предоставления [6]. В рамках данной новации принципиальным стало использование в методике расчета объема дотаций усредненных по России расходов с применением различных корректирующих коэффициентов [7].

Существенным изменением методологии формирования межбюджетных отношений на субфедеральном уровне становится переход к модельному бюджету, который, по мнению специалистов, способствует более справедливому распределению дотаций.

Модельный бюджет, как один из компонентов для расчета дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности, должен рассчитываться на основе нормативов финансовых затрат

на выполнение полномочий регионов, стандартах в сфере образования, здравоохранения и других обязательных полномочий органов государственной власти и местного самоуправления.

Другими словами, эти стандарты должны отражать, какое количество бюджетных средств будет израсходовано для качественного выполнения расходных полномочий регионов с учетом природно-климатических условий и других объективных факторов. Вместе с тем нынешний модельный бюджет не соответствует этим требованиям. Многие представители субъектов РФ считают, что модельный бюджет должен рассчитываться не по средним фактически сложившимся по России расходам бюджета регионов, а именно на основе нормативов финансовых затрат.

В качестве примера часто приводится система образования, где в модельном бюджете слабо учитываются проблемы малокомплектных школ. В модельном бюджете лишь частично учитывается распределение нормативов на оплату труда педагогов в городской и сельской местности. Не находят отражения в полной мере в модельном бюджете и учет территориальной и транспортной доступности, вопросы тарифного регулирования и повышения расходов на оплату труда.

Очевидна связь дополнительных расходов бюджета с факторами территориальной удаленности. Значительные расстояния от областных и районных центров (а для северных и некоторых территорий — это удаленность от Центральной России), неразвитая дорожная инфраструктура и т. д. — все это повышает расходы бюджета. Отсюда следует, что методику расчета модельного бюджета следует совершенствовать с целью повышения объективности оценки расходов территорий с разными условиями предоставления бюджетных услуг.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что внедрение модельного бюджета имеет, несомненно, ряд пре-

имущества, которые сводятся к тому, что создаются единые бюджетные правила для регионов, позволяющие укрепить бюджетную обеспеченность субъектов РФ на основе распределения дотаций с учетом модельного бюджета. Эта система позволяет отказаться от использования большого количества коэффициентов для так называемого подтягивания, выравнивания дотаций. Методика является более понятной и прозрачной.

Повышение эффективности межбюджетных отношений связано с целым комплексом вопросов. Новый механизм требует совершенствования статистической базы и методики расчета расходных обязательств субъектов Федерации и муниципальных образований.

Основным выходом из сложившейся ситуации видится консолидация субсидий, представляющая собой процесс объединения действующих субсидий в несколько блочных субсидий, отличающихся от узкоцелевых более широким набором возможных направлений софинансирования, а также возможностью получателя субсидии самостоятельно определять, какой объем субсидии будет потрачен на каждое выбранное им направление софинансирования. В рамках данной концепции исполнение субсидии контролируется федеральным уровнем не по фактическому объему затрат на каждое направление, а по выполнению показателей результативности. Таким образом, консолидация субсидий — это не просто «укрупнение» субсидий, а переход к их предоставлению в соответствии с принципами бюджетирования, ориентированного на результат. Консолидация субсидий по нескольким тематическим блокам позволит сконцентрироваться на реализации основных направлениях предоставления межбюджетных трансфертов, в то же время, обеспечив раздельный контроль над капитальными расходами, строительством дорог, реализацией федеральных инициатив на региональном уровне и т. д. [8].

Несовершенство налоговой политики

Сформированная за годы реформ налоговая система, на наш взгляд, в целом адекватна текущему этапу социально-экономического развития страны. На текущий момент налоговым законодательством установлен ряд различных налоговых режимов для различных категорий налогоплательщиков и отраслей экономики. Вместе с тем, нарастающие внутренние и внешние экономические вызовы требуют определенных преобразований в налоговой системе, способных обеспечить сбалансированность бюджетов бюджетной системы, предсказуемость налоговых условий ведения бизнеса, справедливость налогообложения и стабильный экономически рост. Многие специалисты считают, что проблема сбалансированности региональных и местных бюджетов будет во многом решена за счет совершенствования налогового законодательства и реформирования отдельных налогов. В частности предполагаются следующие варианты.

1. Одним из способов увеличения доходной части региональных бюджетов предлагается отмена льгот, устанавливаемых федеральным законодательством по региональным налогам. В настоящее время планируется отмена льгот (с переходным периодом) для наиболее значительного по стоимости имущества организаций (железнодорожных путей общего пользования, магистральных трубопроводов, линий электропередачи, а также сооружений, являющихся неотъемлемой технологической частью указанных объектов).

2. Росту налоговых доходов субфедеральных бюджетов способствовало бы введение прогрессивной шкалы налогообложения по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) и освобождение от налога доходов граждан в пределах величины прожиточного минимума. Это соответствовало бы принципам социальной справедливости с учетом

наличия регрессивной шкалы отчислений во внебюджетные фонды. Введение прогрессивной шкалы налогообложения по НДФЛ будет способствовать решению проблемы расслоения общества [9]. Одной из стратегических задач в данном контексте, на наш взгляд, является переход к налогообложению доходов семьи. Целесообразно закрепить в законодательном порядке возможность расчета подоходного налога на семью для снижения уровня налогообложения супруга с максимальным доходом [10]. Необходимо также совершенствование механизма предоставления налоговых вычетов по НДФЛ (стандартных, социальных, имущественных и профессиональных). Так, возможно применение зарубежного опыта вычета минимальной продуктовой либо потребительской корзины из расчета числа членов семьи, вычета из обложения подоходным налогом прожиточного минимума и т. д.

3. Есть предложения вернуться к налогу на наследство и дарение в качестве регионального налога. Данный налог имеет существенный фискальный потенциал, с одной стороны, а, с другой, может стать заслоном для ухода от налогообложения недвижимости имущества при передаче права собственности.

4. В системе межбюджетных отношений ключевое значение имеет перераспределения доходов между уровнями бюджетной системы, т. е. передачи налоговых доходов с федерального на региональный или с регионального на местный. Этот вопрос может быть решен путем изменения нормативов отчислений от ряда налогов (например, УСН, ЕСХН).

5. Важным источником доходов региональных и местных бюджетов являются малый бизнес и микробизнес. Самозанятость населения и вовлечение его в процесс формирования налоговой базы регионов — важнейший резерв. Вовлечение определенной категории граждан, занимающихся репетитор-

ством, уходом за престарелыми людьми, уборкой помещений и др., в легальную деятельность путем временного освобождения их от налогов и страховых фондов может обеспечить легализацию деятельности предпринимателей [11].

Особое значение в условиях поставленной цели по ускорению инновационного и технологического развития имеет вопрос стимулирования НИОКР. В российском законодательстве представлены разнообразные инструменты налогового стимулирования развития инноваций. Вместе с тем отсутствие четко сформулированной стратегической целевой позиции страны в мировой хозяйственной системе приводит к недостаточной системности налогового стимулирования НИОКР, прежде всего, в рамках налогообложения прибыли организаций. В связи с этим представляется необходимым повышение дифференциации налогового стимулирования НИОКР по различным критериям: в зависимости от глубины НИОКР, по территориальному признаку, исходя из подходов по привлечению высококвалифицированного персонала, в зависимости от фазы инновационного процесса.

Недостаточная согласованность процессов таможенного и налогового администрирования с процессами развития евразийской экономической интеграции

Вопросы налогового и таможенного регулирования в Российской Федерации в современных условиях невозможно рассматривать вне контекста развития евразийской экономической интеграции. Современная макроэкономическая, денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политика России характеризуются высокой степенью автаркии, обособленностью от стратегического курса Российской Федерации на построение полномасштабного экономического союза с партнерами по Евразийскому экономическому союзу.

Ключевые приоритеты евразийской интеграции — создание условий

для стабильного развития экономик государств-членов ЕАЭС в интересах повышения жизненного уровня населения, активизация взаимодействия предпринимательских структур государств Союза, всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик, устранение барьеров в экономическом взаимодействии — предполагают необходимость реализации скоординированной налоговой политики. Наиболее значимыми проблемными вопросами в таможенной и налоговой сферах на современном этапе развития ЕАЭС являются следующие.

Отсутствие единой системы контроля за движением товаров, что создает противоречия внутри стран ЕАЭС, возникшие после введения санкций, связанные с рисками попадания «санкционной» продукции в Россию через территорию других государств-членов Союза. Распоряжением Евразийского Межправительственного совета № 14 от 12.08.2016 определены основные механизмы реализации такой системы — документальная идентификация товарных партий, а также применение особых идентификационных меток на товаре, либо его упаковке, информационный обмен между национальными системами обеспечения прослеживаемости товаров разных государств — членов Союза посредством интегрированной информационной системы Союза. Вместе с тем, для полноценного решения данной задачи также необходимо: создание единой системы идентификации участников внешнеэкономической деятельности на таможенной территории ЕАЭС; разработать единые методологические подходы к оформлению разрешительных документов, в частности по однозначному заполнению граф декларации на товары; устранение существующих проблем, связанных с отсутствием идентификационных признаков на товарах [13; 14].

Несоответствие реалий нормативно-правового обеспечения как на уровне государств-членов ЕАЭС, так и на наднациональном уровне реалиям развития цифровой экономики. С развитием в мире электронной коммерции принципиально важной становится разработка на уровне Евразийского экономического союза общей концепции налогообложения в сфере электронной торговли, направленной на предотвращение сокрытия и необоснованного занижения налогов, создание справедливых конкурентных условий для электронной торговли между странами Союза. В данном контексте приоритетными направлениями являются: включение принципов налогообложения электронной торговли в раздел XVII «Налоги и налогообложение» Договора о ЕАЭС, предусматривающих принципы налогообложения электронной торговли; единой регламентация понятий и терминов, касающихся электронной торговли и необходимой для налогообложения цифровых товаров и услуг на пространстве ЕАЭС («электронная торговля», «электронные/цифровые товары и услуги», «электронные/цифровые платежи» и др.), создания наднационального механизма по взиманию НДС при продаже товаров через сеть Интернет физическим лицам.

Несогласованность налоговой политики государств — членов ЕАЭС в части косвенных налогов, не позволяющая в полной мере обеспечить соблюдение условий конкуренции и препятствующая функционированию единого рынка. В связи с этим необходимо проведение на уровне Евразийской экономической комиссией работы по сближению ставок акцизов по наиболее чувствительным подакцизным товарам — алкогольной и табачной продукции, а также по созданию механизма согласования решений государств-членов ЕАЭС по индексации ставок акцизов с другими участниками Союза [15].

Заключение

Несмотря на то что программные документы Правительства Российской Федерации задают направление постепенных улучшений социально-экономического положения России, в определенной степени сохраняются негативные тенденции, связанные с дисбалансом между расходными обязательствами и налоговым потенциалом субъектов Российской Федерации, несовершенством налоговой политики как в части создания стимулов для инновационного развития экономики, так и в части справедливого распределения налоговой нагрузки на население, снижением темпов развития евразийской экономической интеграции вследствие отставания процессов таможенного и налогового регулирования от реалий развития мировой экономики.

Изложенное, на наш взгляд, определяет необходимость реализации комплекса мер по совершенствованию бюджетно-налоговой и таможенной политики по следующим направлениям:

1) совершенствование межбюджетных отношений на основе уточнения методики расчета модельного бюджета с целью повышения объективности оценки расходов территорий с различными условиями предоставления бюджетных услуг, консолидации действующих субсидий в несколько блочных субсидий (капитальное строительство, дорожное хозяйство, реформирование общественного сектора, поддержка региональной экономики);

2) повышение эффективности налоговой политики на основе: перераспределения налоговых доходов между уровнями власти в соответствии с объемом делегированных полномочий, введения прогрессивной ставки налога на доходы физических лиц при одновременном совершенствовании подходов к исчислению налога и применению налоговых вычетов, совершенствования подходов к стимулированию НИОКР;

3) согласование процессов таможенного и налогового администрирования с процессами развития евразийской экономической интеграции.

Библиографический список

1. *Аганбегян, А.* На пути к цивилизованному рынку // Вестник Института экономики РАН. — 2018. — № 1. — С. 7–26.
2. *Ленчук, Е. Б.* Формирование инновационной модели развития в России: работа над ошибками // Вестник Института экономики РАН. — 2018. — № 1. — С. 27–40.
3. *Панфилов, В. С., Говтвань, О. Дж., Моисеев, А. К.* Финансы и кредит в стратегии социально-экономического развития РФ и структурно-инвестиционной политике // Проблемы прогнозирования. — 2017. — № 6. — С. 3–16.
4. *Арлашкин, И. Ю., Дерюгин, А. Н., Прока, К. А.* Разграничение полномочий между уровнями власти в Российской Федерации: бюджетные аспекты // Финансовый журнал. — 2015. — № 4. — С. 85–90.
5. *Силуанов, А. Г.* Важнейшая задача — создание условий для развития экономик российских регионов // Финансы. — 2018. — № 2. — С. 3–6.
6. *Климанов, В. В.* Бюджетная политика 2017–2018 гг. // Бюджет. — 2018. — Январь. — С. 14–15.
7. *Орлов, И. А.* Учет модельного бюджета для Архангельской области // Бюджет. — 2018. — Апрель. — С. 16–19.
8. *Арлашкин, И. Ю., Ганган, А. С.* Консолидация федеральных субсидий субъектам РФ // Финансовый журнал. — 2016. — № 1. — С. 50–52.
9. Панельная дискуссия «Новый облик налоговой системы России: как не навредить социально-экономическому развитию страны» // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — № 1. — С. 134–143.
10. *Семёнова, Н.Н.* Совершенствование налогообложения доходов физических лиц в России в контексте формирования социально ориентированной налоговой политики // Финансы и кредит. — 2018. — № 3. — Т. 24. — С. 129–142.
11. *Малис, Н. И.* Налоговые доходы региональных бюджетов: проблемы и перспективы // Финансы. — 2018. — № 1. — С. 11–15.

12. *Савчишина, К. Е.* Современные проблемы и перспективы развития бюджетной системы России // Проблемы прогнозирования. — 2017. — № 6 (165). — С. 101–114.

13. Система идентификации участников внешнеэкономической деятельности — на пути к единой электронной таможене Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. — Режим доступа : eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/dep_tamoj_infr.

14. Проект основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : minfin.ru.

15. *Букач, Е.* Основные направления международного налогообложения в ЕАЭС / Интервью с Н. Т. Мамбеталиевым // Налоговый вестник. — 2017. — № 9. — С. 10–16.

16. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. : [Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : base.garant.ru/71937200/#ixzz5RdrW38Tm.

Bibliographic list

1. *Aganbegyan, A.* On the way to civilized market // Bulletin of Institute of Economics of RAS. — 2018. — № 1. — P. 7–26.

2. *Lenchuk, E. B.* Formation of innovative model of development in Russia: work on mistakes of Institute of Economics of Russian Academy of Sciences. — 2018. — № 1. — P. 27–40.

3. *Panfilov, V. S., Hotwani, O. J., Moiseev, A. K.* Finance and credit in strategy of socio-economic development of Russian Federation and structural and investment policy // Problems of forecasting. — 2017. — № 6. — P. 3–16.

4. *Arlashkin, I. Yu., Deryugin, A. N., Proca, K. A.* Differentiation of powers between levels of government in Russian Federation: budgetary aspects // Journal of Financial. — 2015. — № 4. — P. 85–90.

5. *Siluanov, A. G.* The most important task is to create conditions for development of economies of Russian regions // Finance. — 2018. — № 2. — P. 3–6.

6. *Klimanov, V. V.* Budget policy 2017–2018 // Budget. — 2018. — Jan. — P. 14–15.

7. *Orlov, I. A.* Accounting model of budget of Arkhangelsk region // Budget. — 2018. — April. — P. 16–19.

8. *Arlashkin, I. S., Gangan, S. A.* Consolidation of Federal subsidies to subjects of Russian Federation. — 2016. — № 1. — P. 50–52.

9. Panel discussion «New image of Russian tax system: how not to harm the socio-economic development of country» // Economy. Tallage. Right. — 2018. — № 1. — P. 134–143.

10. *Semionova, N. N.* Improving the taxation of personal income in Russia in context of formation of socially oriented tax policy // Finance and credit. — 2018. — № 3. — Vol. 24. — P. 129–142.

11. *Malis, N. I.* Tax revenues of regional budgets: problems and prospects // Finance. — 2018. — № 1. — P. 11–15.

12. *Savchyshyna, K. E.* Modern problems and prospects of development of budgetary system of Russia // Problems of forecasting. — 2017. — № 6 (165). — P. 101–114.

13. System of identification of participants of foreign economic activity is on the way to common electronic customs of Eurasian economic Union [Electronic resource]. — Mode of access : eurasiancommission.org/EN/act/tam_sotr/dep_tamoj_infr.

14. Draft main directions of budget and tax and customs tariff policy in 2019 and planning period of 2020 and 2021 [Electronic resource]. — Mode of access : minfin.ru.

15. *Bukach, E.* Main directions of international taxation in EAEU / Interview with N. T. Mambetaliev // Tax Bulletin. — 2017. — № 9. — P. 10–16.

16. On national goals and strategic objectives of Russian Federation for the period up to 2024 : [Decree of President of Russian Federation № 204 from 07.05.2018] [Electronic resource]. — Mode of access : base.garant.ru/71937200/#ixzz5RdrW38Tm.

ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСТЕРНАЛИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация

В статье сделана попытка анализа инструментов регулирования экстерналий. В работе «Экономическая теория благосостояния» Артур Сесил Пигу представил одно из наиболее популярных среди современных политиков решений проблемы экстерналий. А. Пигу предложил ввести корректирующий налог, который увеличит предельные частные издержки до предельных общественных издержек. Пигувианский налог имеет как ряд преимуществ, так и ряд недостатков. К положительным сторонам данного инструмента регулирования экстерналий можно отнести его динамичность, меньшее, по сравнению с другими инструментами, количество необходимой информации для определения налога. Внедрение пигувианского налога требует меньшее количество усилий от правительства. Однако в работе «Проблема социальных издержек» идея пигувианского налога подверглась резкой критике со стороны Рональда Коуза, который выступал против государственного вмешательства в решение проблемы экстерналий. Классическим примером экстерналий является загрязнение окружающей среды. Экологический налог аналогичен налогу Пигу. Существует несколько различных определений экологического налога, которые в совокупности позволяют определить основные черты и функции экологического налога.

Механизм регулирования экологических экстерналий в России предполагает использование экологических налогов и неналоговых платежей. В данной статье исследуется влияние акциза на бензин на количество выбросов в атмосферный воздух, а также рассматривается действие другого инструмента регулирования экологических экстерналий — платы за негативное воздействие на окружающую среду. Анализируется влияние платы за выбросы в атмосферный воздух на уровень выбросов. В результате проведенного исследования определены приоритетные направления регулирования экстерналий.

Ключевые слова

Экстерналии, пигувианские налоги, экологический налог.

V. I. Kostyleva

INSTRUMENTS FOR REGULATING EXTERNALITIES: COMPARATIVE ANALYSIS

Annotation

In article an attempt is made to analyze instruments for regulating externalities. In work of Economic Theory of Welfare, Arthur Cecil Pigou presented one of the most popular among the modern politicians solutions to problem of externalities. A. Pigou proposed to introduce a correction tax, which will increase marginal private costs to marginal social costs. Pigouvian tax has both a number of advantages and a number of shortcomings. Positive sides of this tool for regulating externalities include its dynamism, less, in comparison with other instruments, the amount of information needed to determine the tax. Introduction of Pigouvian tax requires less effort from the government. However, in Problem of Social Costs, the idea of Pigouvian tax was sharply criticized by Ronald Coase, who opposed state intervention in solving the problem of externalities. Classic example of externalities is environmental pollution. Ecological tax is similar to the tax of Pigou. There are several different definitions of environmental tax, which together allow you to determine the main features and functions of environmental tax.

Mechanism for regulating environmental externalities in Russia involves the use of environmental taxes and non-tax payments. This article examines the effect of excise on gasoline on the amount of emissions to atmosphere, and also examines the effect of another tool for regulating environmental externalities — payments for negative environmental impact. Namely, effect of fees for emissions in ambient air on level of emissions is analyzed. As a result of study, priority directions for regulating externalities have been identified.

Keywords

Externalities, Pigouvian taxes, ecological tax.

Введение

В ситуациях, когда «невидимая рука рынка» не действует, вмешательство в экономику со стороны государства является обоснованным. Одним из «провалов рынка» являются экстерналии, или внешние эффекты. Под внешними эффектами понимается воздействие лиц, участвующих в сделке, на благосостояние третьих лиц, которые не принимают участия в сделке. Основной проблемой внешних эффектов является то, что они не учитываются в рыночных ценах.

Наиболее распространенными по характеру оказываемого воздействия являются отрицательные экстерналии. Классическим примером отрицательных экстерналий может служить загрязнение окружающей среды. Отрицательные экстерналии приводят к возникновению у третьих лиц некомпенсированных издержек. Ущерб, нанесенный третьей стороне, не учитывается участниками сделки, что приводит к большему объему производства по сравнению с оптимальным. Проблема экстерналий нуждается в решении и необходимости вмешательства со стороны государства. В настоящее время в различных странах популярными являются меры, разработанные на основе подхода Артура Сесила Пигу к решению проблемы экстерналий.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы зарубежных ученых и специалистов в области исследования экстерналий. В процессе исследования применялись методы системного анализа, логических построений, эконометрические методы.

Результаты

В работе «Экономическая теория благосостояния» А. Пигу рассматривал механизм налогообложения (так называемые налоги Пигу), направленный на возмещение ущерба, причиненного загрязнителем [3]. Таким образом, использование этого механизма обеспечивает оптимум Парето. По мнению Пигу, наличие внешних эффектов является достаточным основанием для вмешательства правительства.

Предположим, в районе работает завод, который в результате своей производственной деятельности загрязняет воздух. Это наносит вред здоровью жителей данного района и снижает стоимость жилья, находящегося в этом районе. Основной целью деятельности завода является максимизация прибыли, поэтому объем производства будет определяться точкой пересечения кривых предельных издержек и предельного дохода завода, а общественные издержки не будут учтены. Поскольку общественные издержки превысят частные издержки завода, то будет наблюдаться перепроизводство товара. Если деятельность завода будет нерегулируемой, то его объем производства превысит социальный оптимум.

Благосостояние общества будет максимизировано в том случае, если объем производства будет определяться точкой пересечения кривых предельного дохода и предельных издержек общества, включающих ущерб от загрязнения окружающей среды.

Таким образом, налог Пигу — это налог, который увеличит частные из-

держки завода до предельных общественных издержек, чтобы завод производил социально оптимальное количество товара. Если завод будет вынужден платить налог, равный величине ущерба, который каждая единица выпущенной продукции наносит жителям района, то завод будет учитывать общественные издержки при определении объема выпуска, соответствующего цели максимизации прибыли. Следовательно, объем выпуска завода будет соответствовать оптимальному.

Для обеспечения оптимального объема производства возможно использование и других инструментов. Так, если правительство провело анализ «затраты/выгоды», то оно может установить оптимальный объем выпуска и обязать завод выпускать конкретное количество продукции [4]. Многие исследователи поддерживают идею создания рынка торгуемых разрешений, в соответствии с которой заводы получают разрешения на выбросы [11]. Затем эти разрешения они могут продать, если их уровень производства и, соответственно, уровень негативного воздействия на окружающую среду невысоки, или купить, когда объем производства и выбросов велик. Однако у рассмотренных выше инструментов есть существенные недостатки. Проблема анализа «затраты/выгоды» заключается в том, что правительство должно располагать данными как о затратах, так и о выгодах, чтобы провести этот анализ [4]. Чтобы установить налог Пигу правительству необходимо располагать данными только о затратах. К преимуществам пигувианского налога также можно отнести то, что он динамичный. Налог Пигу может стимулировать разработку новых технологий, которые позволят удешевить контроль за выбросами [8].

Система торговли квотами аналогична введению пигувианского налога. Для использования налога Пигу и системы торговли квотами в качестве ре-

гулирующих мер необходимо обладать информацией об общественных издержках. Разница между данными инструментами заключается в том, что система торгуемых разрешений устанавливает совокупный объем производства, а не воздействует на цену. Преимущества пигувианских налогов перед системой торгуемых разрешений достаточно неочевидны. Некоторые экономисты считают, что система торгуемых разрешений более уязвима относительно неопределенности затрат, и определить и внедрить пигувианский налог в большинстве случаев проще [6]. Однако говорить об однозначном превосходстве пигувианских налогов над системой торгуемых разрешений нельзя.

Альтернативным инструментом решения проблемы экстерналий является система ответственности, которая предполагает деликтную ответственность завода перед жертвами загрязнений, создаваемых его деятельностью. Если деликтная система требует от завода выплатить жертвам сумму, равную их ущербу, то действие системы ответственности аналогично налогу Пигу. Тем не менее существует важное различие: в рамках системы ответственности выплата производится жертве, а налог Пигу выплачивается правительству. Проблема использования системы ответственности заключается в том, что выплата компенсации ущерба жертвам напрямую создаст риск недобросовестного поведения со стороны жертвы и ее чрезмерной активности. Также недостатком системы ответственности являются многочисленные практические сложности и процедурные ограничения. Со значительными трудностями система ответственности сталкивается в случае объединения большого количества «третьих» сторон, которые несут небольшие убытки. Поэтому данная система скорее направлена на поощрение использования мер предосторожности лицами, создающими негативные внешние эффекты [10].

В работе «Проблема социальных издержек» Рональд Коуз выразил несогласие с применением пигувианских налогов в решении проблемы экстерналий [2]. Он считал, что данную проблему можно решить посредством переговоров между «загрязнителем» и жертвой.

Обратимся к рассмотренному выше примеру с заводом и проживающими в этом районе жителями. Если права собственности на окружающий воздух принадлежат владельцу завода, то местные жители могут заплатить владельцу завода за снижение объема выпуска, а, следовательно, за снижение объема загрязняющих выбросов. Тогда оптимальный объем производства будет установлен без необходимости государственного вмешательства в виде установления налога Пигу. В случае осуществления переговоров возможна более полная нейтрализация экстерналии по сравнению с пигувианским налогом, так как вероятность ошибки при определении правительством уровня корректирующего налога выше, чем при выплате владельцу прав собственности. Однако стоит отметить, что Р. Коуз исследовал только индивидуальные права собственности, а в ситуации с коллективными правами, которая является более реалистичной, агентам необходимо будет организовать централизованный орган управления, сформировать нормы и правила, регламентирующие деятельность организации, определить размер взносов для покрытия затрат на организацию переговоров, что соответствует подходу Пигу к решению проблемы экстерналий.

Р. Коуз также критиковал А. Пигу за то, что он абстрагировался от взаимного характера экстерналий. Согласно Коузу, оптимальным решением проблемы экстерналий может быть установка очистных сооружений на заводе или даже его закрытие, с одной стороны, но с другой, может стать оптимальным переезд жителей в другой район или ношение жителями специальных масок.

Таким образом, торг может дать лучший результат по сравнению с пигувианским налогом.

Применение налога Пигу будет оправдано в тех случаях, когда невозможно провести переговоры, а также введение пигувианского налога будет более простым в реализации и более точно отражать общественные издержки по сравнению с системой ответственности, системой торгуемых разрешений и анализом затрат — выгоды.

Обсуждение

Рассматриваемый пример, в котором существует завод, загрязняющий воздух в районе, и жители района, вынужденные дышать «грязным» воздухом, иллюстрирует действие экологических экстерналий. В соответствии с подходом А. Пигу к решению проблемы экстерналий для нейтрализации экологических экстерналий эффектов должен быть введен экологический налог, позволяющий выразить в денежной форме потери общества, возникающие в результате деятельности «загрязнителя».

Экологический налог аналогичен пигувианскому налогу, но между ними есть отличия. Согласно определению Евростата, налог, налоговой базой которого служит физическая характеристика объекта, влияние которого на окружающую среду признается негативным, или связанного с ним другого объекта, называется экологическим налогом [5]. Особенностью данного определения является физическая характеристика экологического налога, а не денежная, как в случае пигувианского налога. Более того, если по каким-либо причинам с источника вредного воздействия не может взиматься налог, то объектом налогообложения может стать другой, связанный с источником вреда, объект. Существует и другое определение экологического налога, которое закрепляет базовый принцип экологического налога — «загрязнитель платит». Это определение интерпретирует экологический

налог как обязательство, возложенное государством на тех, кто использует окружающую среду [7]. Таким образом, если право на благоприятную окружающую среду принадлежит всем членам общества, то источник загрязнения, который наносит ущерб природе, также наносит ущерб обществу, поэтому обязан выплатить всем членам общества компенсацию. Более точно, получателем компенсации будет являться государство как централизованный управляющий орган, так как данная ситуация характеризуется участием нескольких «третьих» сторон, и обсуждаются коллективные права собственности.

К экологическим налогам, действующим в Российской Федерации, относятся: налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, земельный налог, сборы за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов, транспортный налог, акцизы (на нефтепродукты). К неналоговым платежам относятся платежи за негативное воздействие на окружающую среду, экологический сбор.

Ни один из названных экологических налогов не имеет ярко выраженного экологического характера.

Рассмотрим механизм действия акциза на бензин. Логично предполо-

жить, что при повышении акциза на бензин его цена возрастет. Автомобиль является объектом, связанным с источником загрязнения — образующимися при сгорании топлива веществами. Таким образом, если количество автомобилей снизится, то сократится и количество выбросов в атмосферу.

Автомобиль и бензин, как известно, являются комплементарными товарами, тогда при повышении цен на бензин, спрос на автомобили снизится, кривая спроса сместится вниз-влево к началу координат. Новой точке рыночного равновесия будет соответствовать меньшее количество продаваемых автомобилей. Соответственно, меньшее количество автомобилей создаст меньший экологический ущерб.

Согласно ст. 193 НК РФ, акцизы на бензин будут постоянно повышаться до 2020 г. [1]. В течение 2017 г. акцизы на бензин в целом выросли почти на 11 %. Повышение акциза на бензин является основным фактором повышения цены бензина. Цены на бензин росли ежемесячно в среднем на 7,7 %. Рассмотрим, каким образом отразилось повышение акциза на бензин на рынке автомобилей и, соответственно, потенциальном уровне выбросов. На рисунке 1 представлена динамика ИПЦ на бензин.

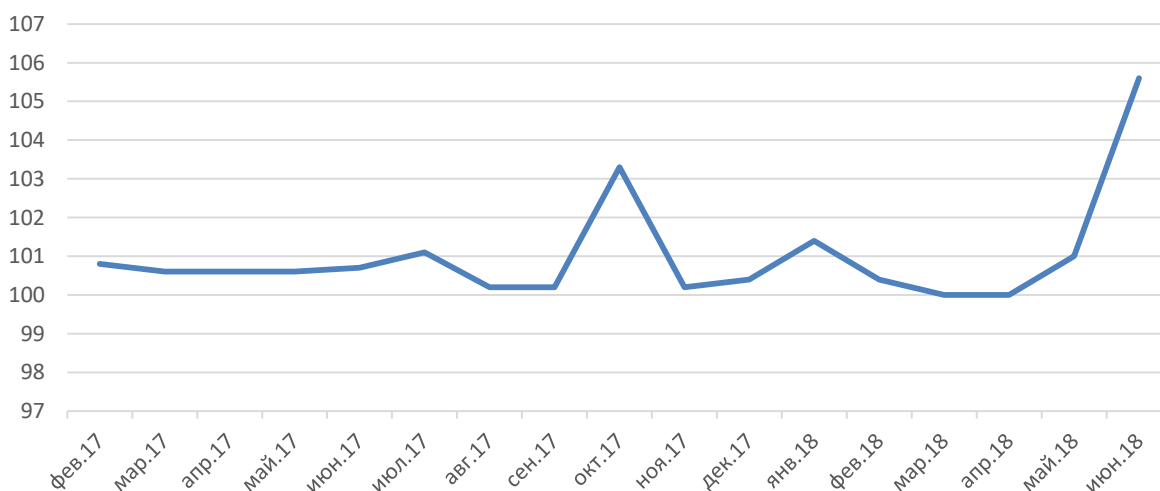


Рисунок 1 — Динамика ИПЦ на бензин*

* Составлен на основе данных [12].

На графике видно, что пиковых значений рост цен на бензин достигает в октябре-ноябре 2017 г. Это объясняется ростом цен на нефть на мировом рынке на 10,7 %, и в июне 2018 г., что объясняется экономическими ожиданиями

агентов относительно повышения акциза на бензин с 1 июля 2018 г. на 6 %.

Динамика продаж автомобилей на российском рынке представлена на рисунке 2.

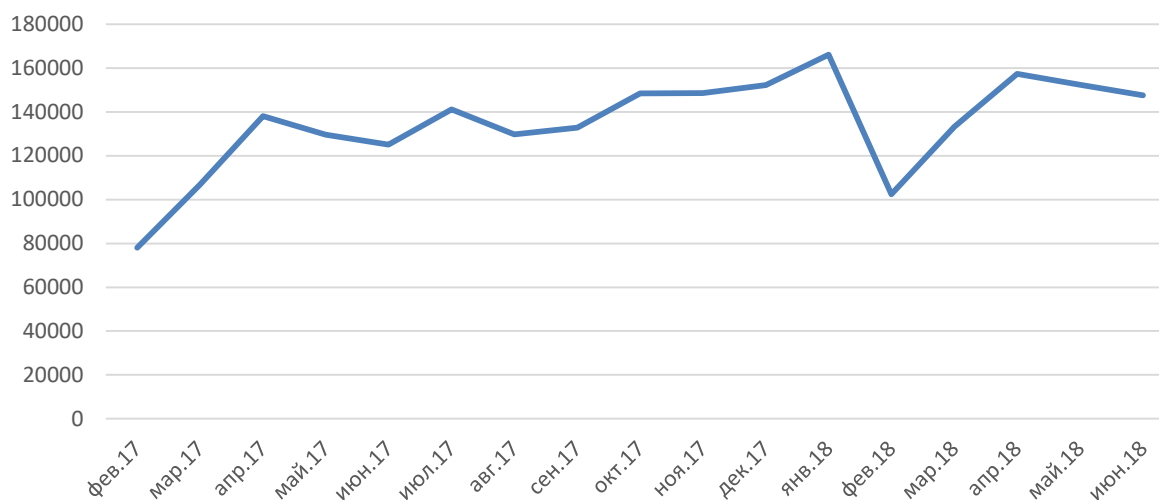


Рисунок 2 — Динамика объема продаж автомобилей, шт.*

* Составлен на основе данных [13].

В июле 2017 г. объем продаж автомобилей показывает рост, так же как и цена на бензин. В октябре-декабре 2017 г. наблюдается устойчивое увеличение количества проданных автомобилей. В апреле-июне 2018 г. объем продаж автомобилей и рост цен на бензин демонстрируют разнонаправленные тенденции. Таким образом, графический анализ не позволяет точно определить характер связи между ценой бензина и объемом проданных автомобилей. Чтобы установить связь между данными параметрами проведем корреляционный анализ. В периоде t между объемом проданных автомобилей и ценой бензина наблюдается очень слабая отрицательная связь ($R = -0,14$). Наиболее сильная связь между рассматриваемыми параметрами устанавливается с лагом в 7 месяцев ($R = -0,61$). Данное значение коэффициента корреляции отражает недостаточно высокий уровень связи между объемом продаж на рынке

автомобилей и ценой бензина. Отрицательное значение коэффициента означает, что при повышении цены бензина количество проданных автомобилей снижается, однако данный фактор нельзя считать определяющим. Таким образом, повышение акциза на бензин, а следовательно, цены на бензин не оказывает существенного влияния на объем продаж автомобилей и не способствует снижению количества источников загрязнения окружающей среды. Несмотря на то что акциз на бензин считается экологическим налогом, он не имеет выраженного воздействия на сокращение негативного влияния на окружающую среду.

Теперь проанализируем действие другого инструмента регулирования экологических экстерналий — платы за негативное воздействие на окружающую среду. Данный инструмент является неналоговым платежом, а неэкологическим налогом, но отражает суть налога на за-

грязнения. Плата за негативное воздействие на окружающую среду является одним из важнейших элементов экономического механизма охраны окружающей среды и представляет собой плату за право пользования ассимиляционным потенциалом природной среды. Плата за вредное воздействие на окружающую среду предполагает: выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ

стационарными и передвижными источниками; сбросы загрязняющих веществ в поверхностные и подземные водные объекты; размещение отходов производства и потребления. На графике ниже (рис. 3) представлена динамика суммы платежей за выбросы в атмосферный воздух стационарными источниками и уровнем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу.

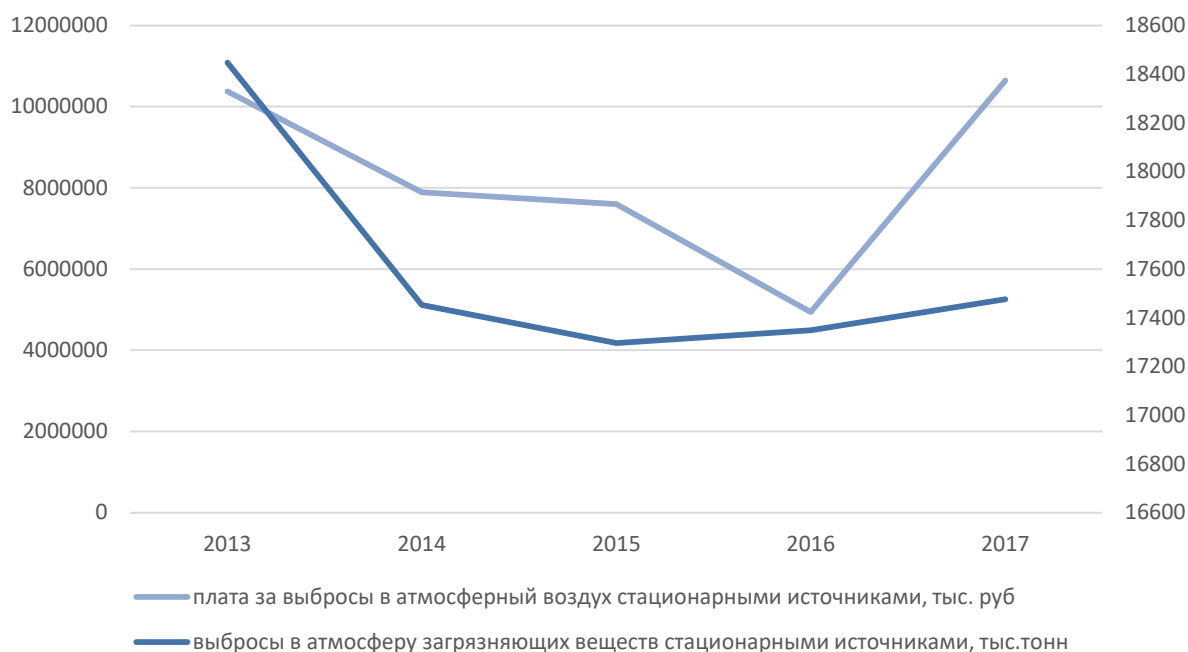


Рисунок 3 — Динамика выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и платы за выбросы*

* Составлен на основе данных [12].

Проанализировав взаимосвязь платы за выбросы в атмосферный воздух и объема выбросов с помощью корреляционного анализа, можно сделать вывод о том, что связь между данными параметрами положительная. Коэффициент корреляции между объемом выбросов и объемом платежей составил 0,502 (средняя корреляция), что отражает недостаточную связь между ними. Стабильное увеличение количества выбросов в атмосферный воздух на фоне резкого снижения объема поступлений в бюджет в виде платы за выбросы в 2015–2016 гг. объясняет средний коэф-

фициент корреляции между ними, и также демонстрирует недостаточно выраженное воздействие данного инструмента на состояние окружающей среды.

Слабым местом системы платежей за загрязнения является и то, что выбросы загрязняющих веществ, как правило, оцениваются на основе характеристик производственного процесса, а не измеряются. Часто оценка производится в соответствии с показателями исходного проекта, а не текущими данными. В подобной ситуации прямая связь между фактическим сокращением загрязнений и платой за выбросы, сбросы и разме-

шение отсутствует. А предприятие не получает выгоды от улучшения экологических технологий.

Возможно, сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что уровень платы недостаточно высок, чтобы заставить загрязнителя снизить объем выбросов, но, если проводить аналогию с кривой Лаффера, то, повысив плату за загрязнения, правительство может столкнуться со снижением уровня деловой активности и уходом предприятий в тень.

Заключение

В настоящее время проблема экологических экстерналий является одной из центральных в экономике России, и для ее успешного решения необходимо использование новых инструментов регулирования экстерналий.

Заставить рынок учитывать внешние эффекты от производственной деятельности, то есть интернализировать их, возможно с помощью использований институциональных инструментов. Для современного потребителя важны не только потребительские свойства товара, но и как этот товар был произведен, как были добыты ресурсы для его производства. Таким образом, потребители могут «стимулировать» предприятие к сокращению негативного воздействия на окружающую среду от его производственной деятельности через снижение спроса на неэкологичную продукцию.

Возможным решением проблемы экологических экстерналий могут стать: внедрение системы добровольной сертификации и экологизация государственных и муниципальных закупок, обязательное раскрытие экологически значимой информации, публикация данных по энерго- и ресурсоэффективности компаний и их использование при стратегическом корпоративном планировании развития, использование зарубежного опыта в решении данной проблемы, например, системы зеленого кредитования, применяемой в Китае.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации : [принят Государственной Думой 19.07.2000, в ред. ФЗ № 117 от 05.08.2000] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/22201a65e4f59a582714243c15b655989bd57066.
2. Коуз, Р. Фирма, рынок и право. — М. : Новое издательство, 2007.
3. Пигу, А. Экономическая теория благосостояния : в 2-х т. / общ. ред. С. П. Аукционека. — М. : Прогресс, 1985. — Т. 1.
4. Barron-Lopez, L., Laing, K. Momentum Builds in Congress for Raising the Federal Gas Tax [Electronic resource] // New Media Journal. — 2015. — Mode of access : http://linkis.com/newmediajournal.us/Momentum_Builds_in_C.html.
5. Environmental Taxes. Statistical Guide / Eurostat, 2001.
6. Fleischer, V. Curb Your Enthusiasm for Pigouvian Taxes [Electronic resource] // San Diego Legal Studies Paper. — Mode of access : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2413066.
7. General Briefing on Environmental Taxes and Charges: National Experiences and Plans // European Foundation for Improvement of Living and Working Conditions. — 1996.
8. Kysar, D. Politics by Other Meanings: Comment on «Retaking Rationality Two Years Later» // Houston Law Review. — 2011. — Vol. 48. — P. 59–60.
9. Schelling, T. C., Smith, V. L., Hahn, R. W. Chamber of Commerce of U.S. v. EPA // Brief of economist. — 2014. — № 12.
10. Shavell, S. Corrective Taxation Versus Liability as a Solution to the Problem of Harmful Externalities [Electronic resource] // NBER Working Paper. — 2011. — № 16235. — Mode of access : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1651420.
11. Tietenberg, T. Tradable- Permits Approach to Protecting the Commons: Lessons for Climate Change // Oxford Re-

view of Economic Policy. — 2003. — № 19. — P. 400–419.

12. Окружающая среда [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/environment.

13. Продажи новых легковых автомобилей в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://abreview.ru/stat/aeb>.

Bibliographic list

1. Tax Code of Russian Federation: [accepted by State Duma from 19.07.2000, ed. of Federal Law № 117 from 05.08.2000] [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/22201a65e4f59a582714243c15b655989bd57066.

2. *Coase, R.* Firm, market and right. — М. : New publishing house, 2007.

3. *Pigou, A.* Economic theory of welfare : in 2 vol. / ed. by S. P. Auktsionek. — М. : Progress, 1985. — Т. 1.

4. *Barron-Lopez, L., Laing, K.* Momentum Builds in Congress for Raising the Federal Gas Tax [Electronic resource] // New Media Journal. — Mode of access : http://linkis.com/newmediajournal.us/Momentum_Builds_in_C.html.

5. Environmental Taxes. Statistical Guide / Eurostat, 2001.

6. *Fleischer, V.* Curb Your Enthusiasm for Pigouvian Taxes [Electronic re-

source] // San Diego Legal Studies Paper. — Mode of access : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2413066.

7. General Briefing on Environmental Taxes and Charges: National Experiences and Plans // European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. — 1996.

8. *Kysar, D.* Politics by Other Means: Comment on «Retaking Rationality Two Years Later» // *Houstone Law Review*. — 2011. — Vol. 48. — P. 59–60.

9. *Schelling, T. C., Smith, V. L., Hahn, R. W.* Chamber of Commerce of the U.S. v. EPA // Brief of economist. — 2014. — № 12.

10. *Shavell, S.* Corrective Taxation Versus Liability as a Solution to the Problem of Harmful Externalities [Electronic resource] // NBER Working Paper. — 2011. — № 16235. — Mode of access : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1651420.

11. *Tietenberg, T.* Tradable- Permits Approach to Protecting the Commons: Lessons for Climate Change // *Oxford Review of Economic Policy*. — 2003. — № 19. — P. 400–419.

12. Environment [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/environment.

13. Sales of new cars in Russia [Electronic resource]. — Mode of access : <http://abreview.ru/stat/aeb>.

Л. В. Сахарова, Е. А. Арапова, Т. В. Алексейчик, Т. В. Богачёв

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ АТМОСФЕРЫ В РЕГИОНЕ С ПОМОЩЬЮ НЕЧЕТКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация

Разработана методика, позволяющая оценить состояние атмосферы в регионе на основе агрегирования временных рядов показателей, отражающих уровень и динамику загрязненности воздуха химическими примесями в крупных городах региона, а также объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

Ключевые слова

Нечеткие многоуровневые [0,1]-классификаторы, комплексная оценка, экологическое состояние атмосферы, показатели.

L. V. Sakharova, E. A. Arapova, T. V. Alekseychik, T. V. Bogachyov

ASSESSMENT OF STATE OF ATMOSPHERE IN REGION USING FUZZY MODELING

Annotation

Technique has been developed to assess the state of atmosphere in region on basis of aggregation of time series of indicators reflecting the level and dynamics of air pollution by chemical impurities in large cities of region, as well as the volume of emissions of pollutants into the air.

Keywords

Fuzzy multilevel [0,1]-classifiers, complex assessment, ecological state of atmosphere, indicators.

Введение

Состояние атмосферы является важнейшим фактором, влияющим на здоровье, продолжительность и качество жизни населения региона [1]. В связи с этим, в настоящее время большое значение приобрел системный мониторинг состояния атмосферы, осуществляемый в РФ на государственном и муниципальном экологических уровнях [2, 3]. Представленный в этих работах анализ является исчерпывающим, но труднообозримым. Он констатирует отдельные зафиксированные тенденции, но не позволяет дать им унифицированные оценки, свести воедино временные данные по разнородным показателям, рассчитать комплексную оценку экологического состояния атмосферы как в отдельных муниципальных образованиях, так и в регионе в целом.

В настоящее время существует ряд общепринятых методик, позволяющих на основе детально разработанных критериев и шкал оценить степень загрязнения воздуха в отдельном населенном пункте [4]. Для оценки загрязненности воздуха используются такие стандартные характеристики, как повторяемость разовых концентраций примеси в воздухе выше предельно допустимой концентрации (ПДК) в крупных городах региона; СИ (стандартный индекс), наибольшая измеренная разовая концентрация примеси, деленная на ПДК;

ИЗА, комплексный индекс загрязнения атмосферы, безразмерная функция характеристик степени загрязнения атмосферы несколькими веществами, которая учитывает несколько примесей. Анализ имеющейся литературы показывает, что практически отсутствуют комбинированные методики, позволяющие одновременно учесть величины и динамику изменения перечисленных стандартных характеристик. Невозможно рассчитать оценку динамики выбросов вредных производств в атмосферу региона, а также агрегировать ее с оценками загрязненности воздуха в крупных городах региона с целью получения итоговой комплексной оценки экологического состояния атмосферы в регионе.

Материалы и методы

Целью представленного в статье исследования является разработка нечетко-множественной модели, направленной на формирование комплексной оценки состояния атмосферы в регионе на основе совокупности разнородных показателей.

Задача исследования — это разработка методики, позволяющей оценить состояние атмосферы в Ростовской области на основе агрегирования временных рядов показателей, отражающих: 1) уровень и 2) динамику загрязненности воздуха химическими примесями в крупных городах региона, а также 3) объем выбросов загрязняющих ве-

ществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, по видам экономической деятельности. Методика основана на применении системы нечетко-логических выводов, так называемых стандартных нечетких многоуровневых [0,1]-классификаторов, с успехом применяемых в экономике [5]. Предложенная методика базируется на авторских разработках по оценке сложных систем на основе комплексов разнородных показателей [6, 7]. Для расчетов использован программный комплекс [8], реализующий вышеуказанные разработки.

В качестве исходных данных исследования использованы временные ряды соответствующих показателей по Ростовской области («Экологический вестник Дона»).

Результаты

Методика оценки экологического состояния атмосферы в регионе

1. Система показателей для оценки уровня и динамики загрязненности воздуха в городе

Для формирования оценки уровня загрязненности воздуха в регионе использованы статистические данные [2] об уровне примесей за заданное количество лет, характеризующих загрязненность воздуха различными химическими примесями в следующих крупных городах Ростовской области: Ростов-на-Дону, Таганрог, Цимлянск, Шахты.

Данные о содержании примесей в воздухе разделены на четыре группы в соответствии с общепринятой шкалой классов опасности загрязняющих веществ в атмосферном воздухе. Предложено рассчитывать весовые коэффициенты показателей исходя из существующих весов классов опасностей посредством нормировки.

Стандартные коэффициенты классов опасности примесей равны:

- $k_1 = 1,5$ (1-й класс опасности);
- $k_2 = 1,3$ (2-й класс опасности);
- $k_3 = 1,0$ (3-й класс опасности);
- $k_4 = 0,85$ (4-й класс опасности).

В исследовании фигурируют семь веществ, из которых: 1) одно 1-го класса опасности (бензпирен); 2) два 2-го класса опасности (диоксид азота, формальдегид); 3) три третьего класса опасности (пыль, диоксид серы, оксид азота); 4) одно 4-го класса опасности (диоксид углерода). Следовательно, сумма их стандартных коэффициентов равна:

$$1*1,5 + 2*1,3 + 3*1,0 + 1*0,85 = 7,95.$$

Для каждого показателя известны три числовые характеристики: $q_{ср}$ — средняя концентрация примеси за исследуемый период (год), СИ — стандартный индекс, НП — наибольшая повторяемость превышения ПДК. Следовательно, с учетом нормировки, весовые коэффициенты каждого из показателей равны:

$$1\text{-го класса: } 1,5/7,95 = 0,0628;$$

$$2\text{-го класса: } 1,3/7,95 = 0,0546;$$

$$3\text{-го класса: } 1/7,95 = 0,0420;$$

$$4\text{-го класса: } 0,85/7,95 = 0,0356.$$

2. Оценка динамики загрязненности атмосферы в городе

Введена в рассмотрение лингвистическая переменная: $g_d(\text{town})$ = «оценка динамики загрязненности атмосферы в городе (название)».

Для расчета комплексной оценки использованы стандартные пятиточечные [0,1]-классификаторы второго типа [5–7]. Параметры, на основании которых осуществлено формирование лингвистической переменной $g_d(\text{town})$: ряды числовых значений $q_{ср}$, СИ, НП химических примесей, количеством M , в атмосферном воздухе за 2007–2016 гг. в городе (название). Расчет нормированных значений x_i исследуемых показателей за рассматриваемый период N лет (10 лет) осуществлен на основе схемы, учитывающей значимость различных временных периодов за счет весовых коэффициентов:

$$x_i = 0,5 \left(1 + \sum_{i=1}^{N-1} k_i I_i \right), \quad k_i = \frac{2(N-i)}{(N-1)N}, \quad (1)$$

k_i — весовые коэффициенты, определяемые по правилу Фишберна; нумерация временных периодов ведется в обрат-

ном порядке (то есть в рассматриваемом примере первый период — годы 2015–2016, а последний 5-й период — годы 2007–2008). I_i — целочисленные функции, определяемые таким образом, что значению «1» соответствует увеличение по i -му показателю (ухудшение ситуации); значению «-1» — уменьшение по i -му показателю (улучшение ситуации);

значению «0» — стабилизация, отсутствие изменений. Показателям поставлены в соответствие лингвистические переменные, универсальные множества, термы и функции принадлежности которых совпадают с аналогичными характеристиками итоговой лингвистической переменной. Результаты расчетов для г. Азова можно видеть в таблице 1.

Таблица 1 — Расчетная таблица для Азова

		Значение	Вес	B1	B2	B3	B4	B5	
Пыль	qcp.	x_1	0,567	0,042	0	0	0,833	0,167	0
	СИ	x_2	0,467	0,042	0	0	1	0	0
	НП	x_3	0,689	0,042	0	0	0	1	0
Диоксид серы	qcp.	x_4	0,511	0,042	0	0	1	0	0
	СИ	x_5	0,478	0,042	0	0	1	0	0
	НП	x_6	0,5	0,042	0	0	1	0	0
Оксид углерода	qcp.	x_7	0,511	0,036	0	0	1	0	0
	СИ	x_8	0,6	0,036	0	0	0,5	0,5	0
	НП	x_9	0,567	0,036	0	0	0,833	0,167	0
Диоксид азота	qcp.	x_{10}	0,256	0,055	0	1	0	0	0
	СИ	x_{11}	0,267	0,055	0	1	0	0	0
	НП	x_{12}	0,4	0,055	0	0,5	0,5	0	0
Оксид азота	qcp.	x_{13}	0,556	0,042	0	0	0,944	0,056	0
	СИ	x_{14}	0,389	0,042	0	0,611	0,389	0	0
	НП	x_{15}	0,533	0,042	0	0	1	0	0
Формальдегид	qcp.	x_{16}	0,367	0,055	0	0,833	0,167	0	0
	СИ	x_{17}	0,444	0,055	0	0,056	0,944	0	0
	НП	x_{18}	0,544	0,055	0	0	1	0	0
Бензпирен	qcp.	x_{19}	0,144	0,063	1	0	0	0	0
	СИ	x_{20}	0,622	0,063	0	0	0,278	0,722	0
	НП	x_{21}	0,5	0,063	0	0	1	0	0
			Вес терма	0,063	0,211	0,607	0,12	0	

На основе данных таблицы, в соответствии с алгоритмом работы нечет-

ких классификаторов вычисляется итоговая оценка:

$$g_d(\text{Азов}) = 0,125 * 0,063 + 0,3 * 0,211 + 0,5 * 0,607 + 0,7 * 0,12 + 0,885 * 0 = 0,459,$$

что соответствует терму G_3 — «стабилизация» (здесь: 0,125; 0,3; 0,5; 0,7; 0,885 — узлы классификатора).

$$g_d(\text{Ростов-на-Дону}) = 0,522,$$

$$g_d(\text{Таганрог}) = 0,532,$$

$$g_d(\text{Цимлянск}) = 0,513,$$

$$g_d(\text{Шахты}) = 0,475,$$

3. Оценка динамики загрязненности воздуха в регионе

Введена в рассмотрение лингвистическая переменная: g_d «оценка динамики загрязненности атмосферы в

Аналогично вычисляются итоговые оценки для остальных городов:

(терм G_3 — «стабилизация»);

(терм G_3 — «стабилизация»);

(терм G_3 — «стабилизация»);

(терм G_3 — «стабилизация»).

крупных городах региона». Используются стандартные пятиточечные $[0,1]$ -классификаторы второго типа. Входные параметры (нормированные значения показателей, на основе которых рассчи-

тана комплексная оценка): оценки динамики загрязненности атмосферы в крупных городах, полученные на предыдущем этапе. Весовые коэффици-

енты — доля населения города в общей численности населения рассматриваемых городов, представленные в таблице 2.

Таблица 2 — **Весовые коэффициенты городов**

Город	Население, тыс. чел.	Вес	g_d
Ростов-на-Дону	1119,9	0,657	0,522
Азов	81,9	0,048	0,459
Таганрог	251,1	0,147	0,532
Цимлянск	14,5	0,009	0,513
Шахты	236,8	0,139	0,475

Выходные параметры: числовая и лингвистическая оценка динамики загрязненности атмосферы в крупных городах региона. Термы можно обозначить следующим образом: G_1 — «устойчивая тенденция к улучшению ситуации»; G_2 — «тенденция к улучшению ситуации»; G_3 — «стабилизация ситуации»; G_4 — «тенденция к ухудшению ситуации»; G_5 — «устойчивая тенденция к ухудшению ситуации». Расчеты по формулам:

$$p_j = \sum_{i=1}^N k_i \mu_{ji}, \quad j=1,2,3,4,5, \quad (2)$$

где μ_{ji} — значение функций принадлежности соответствующих термов,

$$g = \sum_{j=1}^5 p_j \cdot \bar{g}_j, \quad (3)$$

где \bar{g}_j — середина промежутка, являющегося носителем терма $G_j \in (a_{j1}, a_{j5})$, показывают, что для Ростовской области

$g_d = 0,500$ — это соответствует терму G_3 — «стабилизация».

4. Оценка уровня загрязненности атмосферы в городе

Введена в рассмотрение лингвистическая переменная: $g_s(\text{town}) =$ «уровень загрязненности атмосферы в городе (название)». Использованы классификаторы первого типа, однако, в соответствии со стандартной классификацией оценки уровня загрязненности атмосферы, терм-множество состоит из четырех термов $G = \{G_1, G_2, G_3, G_4\}$: G_1 — «низкое загрязнение атмосферы в городе»; G_2 — «повышенное загрязнение атмосферы в городе»; G_3 — «высокое загрязнение атмосферы в городе»; G_4 — «очень высокое загрязнение атмосферы в городе». Соответственно, применен 4-точечный нечеткий классификатор. Функции принадлежности термов определены таблицей 3.

Таблица 3 — **Функции принадлежности подмножеств терм-множества G**

Терм G_i	Функция принадлежности нечеткого множества G_i
G_1 — «низкое загрязнение атмосферы в городе»	$\mu_1 = \begin{cases} 1, & 0 \leq g < 0,2 \\ 3 - 10g, & 0,2 \leq g < 0,3 \end{cases}$
G_2 — «повышенное загрязнение атмосферы в городе»	$\mu_2 = \begin{cases} 10g - 2, & 0,2 \leq g < 0,3 \\ 1, & 0,3 \leq g < 0,45 \\ 5,5 - 10g, & 0,45 \leq g < 0,55 \end{cases}$
G_3 — «повышенное загрязнение атмосферы в городе»	$\mu_3 = \begin{cases} 10g - 4,5, & 0,45 \leq g < 0,55 \\ 1, & 0,55 \leq g < 0,7 \\ 8 - 10g, & 0,7 \leq g < 0,8 \end{cases}$
G_4 — «высокое загрязнение атмосферы в городе»	$\mu_4 = \begin{cases} 10g - 7, & 0,7 \leq g < 0,8 \\ 1, & 0,8 \leq g \leq 1 \end{cases}$

Комплекс показателей, на основе которых строится оценка: СИ, НП, ИЗА в городе. Каждому из них соответствует лингвистическая переменная, термы которой определены аналогично термам итоговой оценки. Функции принадлеж-

ности термов каждого из показателей получены на основе стандартной шкалы оценки уровня загрязненности (табл. 4) [2]. Весовые коэффициенты входных параметров — 1/3.

Таблица 4 — Функции принадлежности подмножеств терм-множества G^*

Терм G_i	Функция принадлежности нечеткого множества G_i		
	СИ	НП	ИЗА
G_1	$\mu_1 = \begin{cases} 1, & 0 \leq g < 1 \\ 2-g, & 1 \leq g < 2 \end{cases}$	$\mu_1 = \begin{cases} 1, & g = 0 \\ 1-g, & 0 \leq g < 1 \end{cases}$	$\mu_1 = \begin{cases} 1, & 0 \leq g < 4 \\ 5-g, & 4 \leq g < 5 \end{cases}$
G_2	$\mu_2 = \begin{cases} g-1, & 1 \leq g < 2 \\ 1, & 2 \leq g < 4 \\ 5-g, & 4 \leq g < 5 \end{cases}$	$\mu_2 = \begin{cases} g, & 0 \leq g < 1 \\ 1, & 1 \leq g < 19 \\ 20-g, & 19 \leq g < 20 \end{cases}$	$\mu_2 = \begin{cases} g-5, & 4 \leq g < 5 \\ 1, & 5 \leq g < 6 \\ 7-g, & 6 \leq g < 7 \end{cases}$
G_3	$\mu_3 = \begin{cases} g-4, & 4 \leq g < 5 \\ 1, & 5 \leq g < 9 \\ 10-g, & 9 \leq g < 10 \end{cases}$	$\mu_3 = \begin{cases} g-19, & 19 \leq g < 20 \\ 1, & 20 \leq g < 49 \\ 50-g, & 49 \leq g < 50 \end{cases}$	$\mu_3 = \begin{cases} g-6, & 6 \leq g < 7 \\ 1, & 7 \leq g < 13 \\ 14-g, & 13 \leq g < 14 \end{cases}$
G_4	$\mu_4 = \begin{cases} g-9, & 9 \leq g < 10 \\ 1, & g \geq 10 \end{cases}$	$\mu_4 = \begin{cases} g-49, & 49 \leq g < 50 \\ 1, & g \geq 50 \end{cases}$	$\mu_4 = \begin{cases} g-14, & 13 \leq g < 14 \\ 1, & 0,8 \leq g \leq 1 \end{cases}$

* $g = СИ, НП, ИЗА$.

Проведенные расчеты показывают: $g_s(\text{Ростов-на-Дону}) = 0,533$, что соответствует терму G_3 — «высокое загрязнение атмосферы в городе»; $g_s(\text{Азов}) = 0,350$, что соответствует терму G_2 — «повышенное загрязнение атмосферы в городе»; $g_s(\text{Таганрог}) = 0,383$, что соответствует терму G_2 — «повышенное загрязнение атмосферы в городе»; $g_s(\text{Цимлянск}) = 0,200$, что соответствует терму G_1 — «низкое загрязнение атмосферы в городе»; $g_s(\text{Шахты}) = 0,333$, что соответствует терму G_2 — «повышенное загрязнение атмосферы в городе».

5. Оценка уровня загрязненности атмосферы в регионе

Введена в рассмотрение лингвистическая переменная: $g_s =$ «оценка уровня загрязненности атмосферы в регионе». Переменная сконструирована аналогично тому, как это сделано в пункте 4 (для региона). Входные параметры: оценки уровня загрязненности атмосферы в крупных городах региона. Весовые коэффициенты — доля населения города в общей численности насе-

ления рассматриваемых городов. Результат: числовая и лингвистическая оценка уровня загрязненности атмосферы в регионе. Расчеты показывают, что для Ростовской области $g_s = 0,435$, что соответствует терму G_2 — «повышенное загрязнение атмосферы в регионе».

6. Оценка динамики выбросов загрязняющих веществ в регионе

Для оценки динамики выбросов использованы статистические данные о выбросах в атмосферный воздух загрязняющих веществ по видам источников загрязнения, тонн в год, за 2012–2016 гг. [2]: 1) обрабатывающие производства; 2) производство и распределение электроэнергии, газа и воды; 3) добыча полезных ископаемых; 4) транспорт и связь; 5) предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; 6) прочие виды экономической деятельности; 7) сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; 8) животноводство.

Соответственно, весовые коэффициенты рассчитаны по правилу

Фишберна ($n = 8$). Для расчета комплексной оценки использованы стандартные пятиточечные $[0,1]$ -классификаторы второго типа. Установлено, что для Ростовской области $g_s = 0,463$, что соответствует терму « G_3 — стабилизация ситуации».

7. Итоговая оценка загрязненности воздуха в регионе

Числовое значение итоговой лингвистической переменной $g_1 =$ «комплексная оценка состояния атмосферы в крупных городах региона» рассчитывается как среднее арифметическое трех оценок: $g_d =$ «оценки динамики загрязненности атмосферы в регионе»; $g_s =$ «оценки уровня загрязненности атмосферы в регионе»; $g_z =$ «оценки динамики загрязняющих выбросов в атмосферный воздух».

Для расчета комплексной оценки использованы стандартные пятиточечные $[0,1]$ -классификаторы второго типа. Установлено, что для Ростовской области: $g_1 = 0,468$, что соответствует терму « G_3 — «состояние атмосферы в регионе удовлетворительное» (терм можно интерпретировать также как «напряженная ситуация»).

Заключение

Разработана методика формирования оценки экологического состояния атмосферы на основе нечетко-множественного агрегирования данных о загрязнении воздуха основными химическими примесями, а также выбросах загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, по видам экономической деятельности. Методика апробирована с использованием временных рядов статистических данных по Ростовской области. Методика основана на применении стандартных нечетких многоуровневых $[0,1]$ -классификаторов, является универсальной и может быть применена для оценки состояния атмосферы других регионов. Методика допускает видоизменение комплекса пока-

зателей, по которым производится оценивание, а также варьирование весовых коэффициентов показателей. Преимущество предложенной методики по сравнению с существующими методиками оценки состоит в интегрировании разрозненных разнородных показателей в итоговую оценку, позволяющую оценить состояние атмосферы в крупных городах региона в целом.

Библиографический список

1. Ушаков, И. Б., Володин, А. С., Чикова, С. С., Зуева, Т. В. Медицинские аспекты защиты здоровья населения от вредного воздействия факторов окружающей среды // Гигиена и санитария. — 2005. — № 6. — С. 29–34.
2. Экологический вестник Дона «О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2011/2016 г.». — Ростов н/Д, 2012/2017.
3. Доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Ростовской области в 2016 г.» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://61.rospotrebnadzor.ru/index.php?Itemid=116&catid=96:2009-12-30-08-03-55&id=6813:-q-2016q&option=com_content&view=article.
4. Беспмятнов, Г. П., Кротов, Ю. А. Предельно допустимые концентрации химических веществ в окружающей среде. — Л. : Химия, 1985.
5. Недосекин, А. О. Нечеткие множества и финансовый менеджмент. — М. : AFALibrary, 2003.
6. Sakharova, L. V., Stryukov, M. B., Akperov, G. I., Alekseychik, T. V., Churvenkov, A. Ph. Application of fuzzy set theory in agro-meteorological models for yield estimation based on statistics [Электронный ресурс] // 9th International Conference on Theory and Application of Soft Computing, Computing with Words and Perception, 24–25 August 2017, Budapest, Hungary. Procedia Computer Science 120

(2017). — P. 820–829. — Режим доступа : <https://www.sciencedirect.com/journal/procedia-computer-science/vol/120/suppl/C?page-size=100&page=2>.

7. Стрюков, М. Б., Сахарова, Л. В., Алексейчик, Т. В., Богачёв, Т. В. Методика оценки интенсивности сельскохозяйственного производства на основе теории нечетких множеств // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 07 (61). — Ч. 3. — С. 123–129.

8. Альбеков, А. У., Арапова, Е. А., Карасёв, Д. Н., Стрюков, М. Б., Сахарова, Л. В. Программа для оценки интенсивности сельскохозяйственного производства посредством нечеткого 5-точечного классификатора / Федеральная служба по интеллектуальной собственности. — 2018. — Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ № 2018613875.

Bibliographic list

1. Ecological messenger of Don «On the state of environment and natural resources of Rostov region in 2011/2016». — Rostov-on-Don, 2012/2017.

2. Report «On the state of sanitary and epidemiological welfare of population in Rostov region in 2016» [Electronic resource]. — Mode of access : http://61.rospotrebnadzor.ru/index.php?Itemid=116&catid=96:2009-12-30-08-03-55&id=6813:-q-2016q&option=com_content&view=article.

3. Arustamov, E. A., Levakova, I. V., Barkalova, N. V. Ecological foundations of

nature management. — M. : Dashkov & Co, 2008.

4. Petrishchev, V. P., Dubrovskaya, S. A. Method of comprehensive assessment of ecological condition of urban areas // Proceedings of Samara Scientific Center of Russian Academy of Sciences. — 2013. — № 3. — Vol. 15. — P. 234–238.

5. Nedosekin, A. O. Fuzzy sets and financial management. — M. : AFALibrary, 2003.

6. Sakharova, L. V., Stryukov, M. B., Akperov, G. I., Alekseychik, T. V., Churvenkov, A. Ph. Application of fuzzy set theory in agro-meteorological models for yield estimation based on statistics [Electronic resource] // 9th International Conference on Theory and Application of Soft Computing, Computing with Words and Perception, 24–25 August 2017, Budapest, Hungary. *Procedia Computer Science* 120 (2017). — P. 820–829. — Mode of access : <https://www.sciencedirect.com/journal/procedia-computer-science/vol/120/suppl/C?page-size=100&page=2>.

7. Stryukov, M. B., Sakharova, L. V., Alekseychik, T. V., Bogachyov, T. V. Methods for estimating the intensity of agricultural production on the basis of theory of fuzzy sets // *International Research Journal*. — 2017. — № 07 (61). — P. 3. — P. 123–129.

8. Albekov, A. U., Arapova, E. A., Karasiov, D. N., Stryukov, M. B., Sakharova, L. V. Program for assessing the intensity of agricultural production through a fuzzy 5-point classifier / Federal Service for Intellectual Property. — 2018. — Certificate of registration of computer program № 2018613875.

НАШИ АВТОРЫ

Контактная информация авторов журнала
«Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)»
№ 3 (63), СЕНТЯБРЬ, 2018

РАЗДЕЛ 1. УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Абдуллаев К. Н. — д. э. н., доцент кафедры «Проблемы развития сферы услуг», Институт экономики Национальной Академии наук Азербайджана.

E-mail: hazar_baki@mail.ru.

Бондаренко В. А. — д. э. н., доцент, зав. кафедрой «Маркетинг и реклама» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: b14v@yandex.ru.

Джуха В. М. — д. э. н., профессор, зав. кафедрой «Инновационный менеджмент и предпринимательство» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: dvm58@mail.ru.

Кузьминов А. Н. — д. э. н., доцент, профессор кафедры «Инновационный менеджмент и предпринимательство» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: mr.azs@mail.ru.

Перов Г. О. — д. с. н., доцент, профессор кафедры «Управление персоналом и социология» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: nikitina195@mail.ru.

Пономарёва М. А. — д. э. н., доцент, зав. кафедрой «Экономика региона, отраслей и предприятий» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Рыкова И. Н. — д. э. н., руководитель Центра отраслевой экономики ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт» Министерства финансов Российской Федерации.

E-mail: rysova@yandex.ru.

Сирьянто Тулус — доктор в области бухгалтерского учета, УИН Раден Интан Лампунг, Дж. Л. Лехан Колонель Х. Эндро Сурантин, Сукарамэ, Бандар-Лампунг, Индонезия.

E-mail: tulus@radenintan.ac.id.

Семёнов В. С. — к. полит. н., научный сотрудник Лаборатории политических исследований Отдела общественных наук Южного научного центра Российской академии наук.

E-mail: semenov_unc@mail.ru.

Табуров Д. Ю. — к. т. н., эксперт Центра отраслевой экономики ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт» Министерства финансов Российской Федерации.

E-mail: taburov@narod.ru.

Хайбуллин Л. Р. — аспирант кафедры «Экономика региона, отраслей и предприятий» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Яровой Н. А. — аспирант кафедры «Инновационный менеджмент и предпринимательство» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: n.a.yarovoy@gmail.com.

РАЗДЕЛ 2. ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Афанасьева М. Ф. — ст. преподаватель кафедры «Товароведение и управление качеством» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Беспалько В. А. — к. э. н., доцент кафедры «Менеджмент и торговое дело», Краснодарский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации».

Голота П. А. — соискатель кафедры «Маркетинг и реклама» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: golota.pavel@mail.ru.

Грицунова С. В. — к. э. н., доцент кафедры «Инновационный менеджмент и предпринимательство» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail.ru: Svetlana-06-84@yandex.ru.

Гузенко Н. В. — к. э. н., доцент кафедры «Коммерция и логистика» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Дадаян Н. А. — ст. преподаватель кафедры «Маркетинг и реклама» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Козлякова И. А. — аспирант кафедры «Маркетинг и реклама» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: advira@yandex.ru.

Копылова Ю. В. — аспирант кафедры «Экономика региона, отраслей и предприятий» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: korylovajulija2013@yandex.ru.

Кундрюков С. С. — соискатель кафедры «Маркетинг и реклама» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: stas26ipatovo@yandex.ru.

Межаев Р. М. — к. э. н., доцент кафедры «Маркетинг и реклама» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Миронова О. А. — к. э. н., доцент кафедры «Экономика региона, отраслей и предприятий» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Морковина С. С. — д. э. н., профессор кафедры «Менеджмент и экономика предпринимательства», Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова.

E-mail: economica-les@yandex.ru.

Рафаилов М. К. — аспирант кафедры «Менеджмент и экономика предпринимательства», Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова.

E-mail: economica-les@yandex.ru.

Салтанова Т. А. — к. э. н., доцент кафедры «Инновационный менеджмент и предпринимательство» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: svetlana-06-84@yandex.ru.

Седых Ю. А. — к. э. н., доцент кафедры «Инновационный менеджмент и предпринимательство» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Хачатурян Н. Р. — к. э. н., доцент кафедры «Маркетинг и реклама» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

РАЗДЕЛ 3. ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

Алексейчик Т. В. — к. э. н., доцент кафедры «Фундаментальная и прикладная математика» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: alekseychik48@mail.ru.

Арапова Е. А. — преподаватель специальных дисциплин Федерального казенного профессионального образовательного учреждения «Новочеркасский технологический техникум-интернат Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации».

Богачёв Т. В. — к. ф.-м. н., доцент кафедры «Фундаментальная и прикладная математика» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: bogachev73@yandex.ru.

Бухов Н. В. — соискатель кафедры анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования предприятий ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Иванова О. Б. — д. э. н., профессор кафедры «Финансы» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: sovet2-1@rsue.ru.

Костоглодова Е. Д. — к. э. н., доцент кафедры «Финансы» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: ramachka2006@rambler.ru.

Костылева В. И. — аспирант ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

E-mail: vitakostyleva@gmail.ru.

Сахарова Л. В. — д. ф.-м. н., доцент кафедры «Фундаментальная и прикладная математика» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: l_sakharova@mail.ru.

Хапилин С. А. — д. э. н., доцент кафедры «Международная торговля и таможенное дело» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: khapilin@mail.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК РГЭУ (РИНХ)»

Согласно решению ПРЕЗИДИУМА ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ (ВАК) Минобрнауки РФ № 8/13 от 02.03.2012 «О перечне рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций», в журнал принимаются статьи и материалы, соответствующие следующим требованиям.

1. Статьи должны содержать обоснование актуальности, четкую постановку целей и задач исследования, научную аргументацию, обобщение и выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью; должны быть рекомендованы кафедрой (отделом) по месту учебы (работы) автора. Все статьи, представленные к печати в журнале «Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», в обязательном порядке проверяются по критериям корректности предоставления научной информации, учитывая правила ее заимствования, рецензируются редакционной коллегией журнала и возвращаются авторам для ознакомления. Статьи предоставляются в формате «*.doc» или «*.docx».

2. Рекомендуется указывать место работы всех авторов и контактную информацию для переписки в Интернете.

3. Требования к оформлению научной статьи:

а) текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль — 14, полуторный интервал, отступ первой строки — 0,75. Формат листа А4 (210 × 297 мм). На странице рукописи должно быть не более 30 строк, в каждой строке не более 65 знаков, включая пробелы между словами. Поля рукописи: верхнее, правое, левое — 25 мм и нижнее — 30 мм. Нумерация страниц в правом верхнем углу листа;

б) рисунки должны быть качественными, четкими, все надписи должны хорошо просматриваться (шрифт исключительно Times New Roman), необходимо указать источник или авторство каждого рисунка с помощью подстрочной ссылки на использованную книгу, статью или другие материалы;

в) таблицы набираются 12 кеглем через один интервал без выделения колонок (без заливки), необходимо указать источник или авторство каждой таблицы с помощью подстрочной ссылки на использованную книгу, статью или другие материалы;

г) редактор формул — MS Word, шрифт — Times New Roman, переменные — курсивом, греческие — прямо, русские — прямо;

д) заглавие статьи печатается строчными буквами. Инициалы и фамилия автора(ов) пишутся над заглавием статьи (для рецензии и информационных материалов в конце статьи). Заглавие отбивается двумя интервалами сверху и снизу (от текста);

е) в тексте статьи следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстративного материала. Круглые скобки употребляются только в тексте;

д) ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках, нумерация ссылок сквозная на протяжении статьи, подстрочные примечания помещаются в конце статьи (библиографический список) с точным указанием выходных данных;

е) иностранная литература оформляется по тем же правилам;

ж) статья обязательно должна содержать краткую аннотацию и ключевые слова, библиографический список. Указанные данные, Ф.И.О. авторов и название статьи приводятся на русском и английском языке;

з) общий объем статьи не должен превышать 12 листов в соответствии с указанными требованиями к оформлению.

4. К статье на бумажном носителе прилагается электронная версия, отдельным файлом сведения об авторе (имя, отчество, фамилия, место работы, учебы, должность, контактный телефон, e-mail, домашний адрес). Необходимо направить данные файлы также на электронный адрес — vestnik.rsue@mail.ru.

5. В соответствии с требованиями по включению номеров научного периодического издания «Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)» или его переводной версии на иностранном языке в системы цитирования Web of Science, Scopus, Web of Knowledge, текст статьи должен быть представлен в двух вариантах: на русском и английском языке.

Рукописи, оформленные без соблюдения приведенных выше правил, не рассматриваются. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергать их редакционной правке и отсылать авторам на доработку. Датой поступления статьи, отправленной на доработку (если она была у автора), считается день ее возвращения в редакцию.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ВЕСТНИК
РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(РИНХ)**



№ 3 (63), СЕНТЯБРЬ, 2018

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**Главный редактор
АЛЬБЕКОВ АДАМ УМАРОВИЧ**

**Заместитель главного редактора
ВОВЧЕНКО НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА**

**Ответственный секретарь
ПАРХОМЕНКО ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА**

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-22006 от 14.10.2005

выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Учредитель

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Адрес редакции журнала

344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, к. 337.

Тел. (863) 237-02-75.

E-mail: vestnik.rsue@mail.ru

Адрес издателя

Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ)

344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, к. 152.

Тел. (863) 261-38-02, 261-38-77, 266-42-34.

E-mail: ipkrinh@gmail.com

РЕДАКТИРОВАНИЕ, МАКЕТИРОВАНИЕ И ВЕРСТКА ШМЫГЛЯ Э. В.

КОМПЬЮТЕРНЫЙ НАБОР ГУЗЕНКО Н. В.

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР АКИМОВА Л. И.

Изд. № 166/3264. Подписано в печать 30.09.2018. Дата выхода 08.10.2018.

Объем 11,5 уч.-изд. л., 21,0 усл. печ. л.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60×84/8. Гарнитура «Times New Roman».

Заказ № 263. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано

в ИПК РГЭУ (РИНХ)

344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, к. 152.

Тел. (863) 261-38-02, 261-38-77, 266-42-34.

E-mail: ipkrinh@gmail.com

SCIENTIFIC EDITION

**VESTNIK
OF ROSTOV STATE
UNIVERSITY OF ECONOMICS
(RINH)**

16+

№ 3 (63), SEPTEMBER, 2018

SCIENTIFICALLY-PRACTICAL JOURNAL

Editor-in-Chief

ALBEKOV ADAM UMAROVICH

Deputy Editor-in-Chief

VOVCHENKO NATALIA GENNADIEVNA

Executive Secretary

PARKHOMENKO TATIANA VALERIEVNA

Certificate on registration

ПИ № ФС77-22006 from 14.10.2005

is granted by Federal service for supervision of legislation in mass communication
and protection of cultural heritage

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education
«Rostov State University of Economics (RINH)»

Address of Editorial Board of Journal

344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 337.

Tel.: (863) 237-02-75.

E-mail: vestnik.rsue@mail.ru

Publisher

Publishing and printing complex of RSUE (RINH).

344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 152.

Tel.: (863) 261-38-02, 261-38-77, 266-42-34.

E-mail: ipkrinh@gmail.com

EDITING, LAYOUT BY SHMYGLYA E. V.

COMPUTER SET BY GUZENKO N. V.

ISSUER EDITOR AKIMOVA L. I.

Ed. № 166/3264. Signed in print 30.09.2018. Date of print 08.10.2018.

Volume of accounting and publishing sheets 11,5, conditionally printed sheets 21,0.

Offset paper. Digital printing. Format 60×84/8. Font «Times New Roman».

Order № 263. Printing 1000 copies. Free price.

Printing by

Publishing and printing complex of RSUE (RINH).

344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 152

Tel.: (863) 261-38-02, 261-38-77, 266-42-34.

E-mail: ipkrinh@gmail.com